

Этика успеха

**Вестник
Исследователей, консультантов, ЛПР**

Выпуск 2

Учредители

Тюменский научный центр
Сибирского отделения РАН
Центр прикладной этики

Финансово - инвестиционная
корпорация «ЮГРА»

Соредакторы

В.Бакштановский, В.Чурилов

Редколлегия

Г.Батыгин., Ю.Казаков
С.Керр, А.Согомонов
Ю.Согомонов, В.Шпильман

Адрес редакции

Тюмень, 625000, а\я 1230, Центр прикладной этики
Телефон (факс) в Тюмени (8-34-52)24-02-26; 29-08-35,
В Москве (095)322-97-46

Центр прикладной этики, 1994

Тюмень-Москва 1994

Л.А. АННИНСКИЙ

МЕЖДУМЬЕ

(Заметки на полях "Этики успеха" N 1, 1994)

1. Меж последней партией и первой

"Теми методами, которыми обладает сегодня Учитель и педагогика вообще, знания можно дать только способным детям..."

(Симон Соловейчик)

А что делать неспособным? А со средними способностями? Если Учитель ориентируется на Первых, а этих Первых - по определению (биологическому) – 4%, и больше быть не может, - то как себя при этом чувствуют остальные 96%? Они кто: отпавшие? Опущенные? Недостойные? Последнее слово - самое приличное. Итак:

" Школа выбирает что-нибудь одно: знания или достоинство".

Я отлично понимаю редакторов тюменского Вестника «Этика успеха», когда они, услышав из уст Симона Соловейчика эту фразу в Свободном университете, на лекции "Проповедь о Первом и Последнем", призвали лектора к ответу. И напечатали его подробные разъяснения. Эксперт подтвердил: да, или знания, или достоинство. С такой предельной ясностью я этого еще не слышал. Хотя и среди первых учеников у доски стаивал (литература, история), и на последней парте в облаке спасительного разгильдяйства (физика, химия) в школьные годы сживал. Из облака, в котором я пребывал, особенно в средних классах, (пока склонности еще не определились), смутно брезжила проблема, с которой рано или поздно предстояло столкнуться. Как быть среднему человеку? То есть как ему не стать несчастным? Как смириться с тем, что «много званых, да мало избранных? Как жить тому, кто "был ничем", а "стать всем" все равно не сможет? Пока его не звали, проблемы не было. Но его вроде бы позвали. В конце концов, все это складывается в один главный проклятый вопрос: как быть с биологической природой человека, если она не соответствует светлому образу, начертанному теоретиками коммунизма? Стоя среди дымящихся развалин оного, мы ищем виноватых. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин? А может, просто природа человеческая слаба, и первым грешником был Руссо? А может, и первого не было, и последнего не будет, потому что она, эта подлая человеческая природа, выправит любую доктрину, будь то коммунизм или капитализм, русская правда или американская мечта? С.Л.Соловейчик много ездил, был и в Англии, и в Америке, и в Швейцарии, он присматривался, он знает, что:

" Учить без отметок, то есть без принуждения, на чистом увлечении, умеют единицы. Так, примерно, сейчас и есть, причем, во всем мире".

Во всем мире? Ну, тогда на душе легче. Значит, не одни мы мечемся между Первым учеником, который может стать Рафаэлем или Эйнштейном, и Последним, который в лучшем случае, будет растирать краски или копать ров для будущей обсерватории. Если до того не пристукнет Первого невзначай, по пьянке или сознательно из каиновой зависти. Сам Соловейчик, печальный однолюб, выросший, как и все мы, при "открытии всех путей", мучительно наталкивается на эту проблему на своем - уже долгом - педагогическом и литературном пути и не может решить ее. Впрочем, оглядываясь на Америку, он выбирает достоинство.

"Совершенно ясен контраст между американской и советской школой: американский мальчик выходит из школы с чувством внутреннего достоинства... и потому

чужой успех не вызывает у него никакой зависти... В нашей стране школа настраивает на успех, не думая о достоинстве... Подтянуть Последнего ученика до Первого! "

Подождите, ну как же: мы же вроде бы схватились за спасительную ниточку, что "так во всем мире"! Мы же выяснили, что над этой проблемой безуспешно бьются и в Америке, и в Англии, и в Швейцарии. И ясного решения нет нигде, а все бредут наощупь. Что актуально, за то и хватаются. Вся история наша - непрерывное колебание между тем и этим полюсами. Учить знаниям (с палкой в руках, устрашая одних и оберегая других), или равнять всех любовью... на каком же уровне? Что предпочесть: латынь и греческий или ремесло и коммерцию? И как сделать, чтобы классические гимназисты и реалисты из училищ не сходились стенка на стенку? Да, знания любой ценой. Интересно, а как иначе можно было вытащить из неграмотности миллионы людей, полученных нами "в наследство от царской России"? Только блаженно поверяя в то, что на Рафаэля можно выучить всех. Во времена Крупской об этом и возмечтали. А пока, по закону компенсации, тренировали будущих Рафаэлей в сколачивании табуреток. Интересно, а могла ли ранняя советская школа обойтись без повального ликбеза? А многоруганная царская Россия разве не стояла перед сходной проблемой: как научить миллионы несходимых племен "языку минимальной цивилизации"? Чтобы "друг степей калмык" научился понимать обитателя "финских хладных скал", а житель "пламенной Колхиды" и "дикий тунгу" говорили на одном языке с "гордым внуком славян"? Но это же империализм! Унификация! Русификация! Террор! Совершенно верно:

"Школьная отметка - форма террора..."

Можно, конечно, и иначе: на месте "единого культурного пространства" - десяток малых, человечески обозримых государств. Десятки школьных систем окружают себя магическим кругом "государственного языка". Вот теперь это и попробуем. Только легче не будет. Все равно на первой парте воссядет Любимчик, а на последней водрузится Охламон. Учитель же будет метаться меж ними, пытаясь примирить Знание с Достоинством, Силу со Слабостью, дерзостный Ум с праведной Дурью. И конца этому не будет.

2. Меж адом социализма и адом капитализма

"После унылого, вялотекущего социализма одни из нас ждали нового, энергичного, очищенного социализма; другие ждали еще более энергичного, процветающего, могущественного капитализма. Никто не ждал тяжкого, вязкого, сыпучего, преступного, омерзительного переходного периода..." (Александр Гельман).

Так ведь сказано: на всякий случай готовься к худшему. Однако кто доказал, что унылое, вялотекущее и застойное житье, которое мы называли социализмом, соответствует этому слову? Слово - чистая магия, с его помощью можно попасть куда угодно. Знаете: у Чехова "степь", и у Павленко "степь". То есть: в Швеции социализм, и в Камбодже социализм. В Америке демократы немного ближе к социализму, чем республиканцы, хотя, по словам они - почти одно и то же: *res publica*, дело общественное, и *demokratia*, власть народная; а какой к кому ярлык пристанет - дело случая, власть мифа. Если же сквозь слова посмотреть... тогда так: раз мы имели унылый, вялотекущий социализм, из которого выпали в омерзительный, вязко-сыпучий капитализм, так, может, суть не в том, сколько элементов социализма и капитализма сочетаются у нас на том или иной этапе, а в том, что мы по природе вялы и сыпучи и любое сочетание сопровождается у нас омерзением от самих себя? И это вечное желание - одним рывком, одним махом, одним "волевым решением" (петушиным словом, щучьим велением, моим хотением) - освободиться от самих себя, выпрыгнуть из реальности куда-нибудь... в "светлое будущее", в Опоньское царство, в блаженную всемирность. Потом становится очевидно, что мы сиганули "не туда", и надо немедленно прыгать заново. А не прыгать, так переползать.

"Теперь нам ясно, что никакого перескока, перепрыга из ада в рай не будет, а будет медленное переползание из одного ада в другой - безусловно меньший, не столь жестокий, но тоже ад".

Прекрасная мысль, высказанная в свое время, если не ошибаюсь, Владимиром Соловьевым. Не ждите, что государство обеспечит вам рай, в лучшем случае, оно избавит вас от

ада. Век, прошедший со времен Соловьева, приучил нас и на избавление особо не рассчитывать. И правильно. Недавно юморист Г. Горин под хохот зала определил: "Капитализм в России построить не удастся по той же причине, по какой в ней не удалось построить социализм". Смех свидетельствовал о неистребимой относительности понятий ада ирая и о неистребимой абсолютности нашего апофигизма. Под последним словом я понимаю не социализм и не капитализм, а вечную нашу готовность ко всему. Наше фатальное кочевье, определившее склад души. Наше постоянное чувство переменности. Вечно на "переходе" от чего-нибудь к чему-нибудь. Вдруг остановишься, оглянешься и ахнешь: нет! к этому бардаку привыкнуть нельзя! - и дуешь дальше, заглушив тихий подкол сознания: а может, пора привыкнуть?

"Привыкнуть к этой жизни надо всерьез и надолго, а для моего поколения - до конца дней".

Вот и я говорю: рай - это осознанная неизбежность ада. Как это у Гроссмана в "Жизни и судьбе" - в Сталинграде под огнем бегают меж трупов котенок, ни о чем не просит и не жалуется, считает, что этот грохот, голод, огонь и есть жизнь на земле. Наше поколение, разумеется, получило "эту жизнь" до конца дней. Столько же "получило", впрочем, сколько само сотворило. От огня как-то спаслись (в нем сгорели воевавшие отцы и старшие братья), голода в войну попробовали (не до такой степени, как деды в гражданскую), что же до грохота (гласность и прочее самовыражение), то это как раз по нашей части. Интересно, что выпадет нашим потомкам. Может, они сочтут, что мы жили в раю? Тогда мы их (с того света) поправим: не в раю и не в аду. А в междомье-междумье между тем и этим.

3. Меж выживаньем и катастрофой

"В сознании современного советского человека доминирует скорее ценность "предуспеха", для него успех сегодня - это выживание... "Совок", если рассуждать с цивилизованной точки зрения - тип переходный..."

(Игорь Клямкин).

Так в том и проклятье, что и тип характера, и тип жизни у нас - "переходные". Вечно к чему-то готовимся. Готовились к коммунизму - думали мир перевернуть, природу человеческую изменить, всю старую историю искоренить. Теперь готовимся к капитализму, и тоже - как в последний путь. Место, что ли, такое: как ни повернись - "на краю" стоишь. И при царе тоже не жили - готовились: одни - к революции, другие - революцию подавить. Оглянешься: тысячу лет на этой равнине не живут люди - все ждут какой-то другой жизни. И все разочаровываются. Пошли с Киевской Руси на Северо-Восток - ждали, что будет лучше. Не стало. Столкнулись с татарами - двести лет ждали, пока те выдохнутся. Потом вместе с татарами ждали, пока выдохнутся поляки и литовцы. Потом столицу поменяли: все строить на новом месте. Построили вместо Царства Империи - оказалось не то: "тюрьма народов". Да когда ж мы жили-то? Только и делали, что из капканов выпрыгивали. "Или мы добежим, или нас сомнут". А может, это просто мозги у нас набекрень, особенно у идеологов? На краю сидеть и "в обе бездны" заглядывать? Какой-нибудь мещанин при первых Романовых - он что, тоже думал, что только затем и нужен, чтобы унавозить почву для реформ петровских? И что его жизнь - только "предуспех" для каких-то дальнейших... "предуспехов"? А может, все-таки он жил, как мог и как умел, потому что других вариантов у него не было? А потом ему объяснили, что он "дурак" и что страна его - "толстозадая". И так - по всей нашей истории. При Александре Третьем стонали от "реакции", проклинали победоносцевские совиные крыла; потом сообразили, что царь был - Миротворец, и что Россия при нем не воевала. Павла ненавидели и извели; потом оказалось: "первый русский интеллигент"... Вопрос не в том, хороша или плоха та или иная эпоха, в любую эпоху того и другого с лихвой. Вопрос в сквозном самоощущении: мы - самые несчастные. Мы - на краю катастрофы. Мы только "выживаем". Впрочем, сближая "переходность" с "выживанием", Игорь Клямкин сближает личные аспекты. Наша "переходность" с нашим "выживанием" однозначно не коррелируется. Не одни мы выживаем. Все человечество в известном смысле бо-

рется за выживание; у нас не больше оснований считать себя многострадальными, чем у других; Россия не самое гиблое место "на фоне" Руанды или Йемена. Впрочем, на этом фоне мы себя и не видим, а предпочитаем мучиться на фоне "девятки", нам европейское и американское благополучие глаза колет. В то, что и они "выживают", нам поверить невозможно. Но чего же тогда спокон века сюда с Запада едут люди - и в составе "великих армий", и мирными десантами: "на ловлю счастья и чинов?" С того и едут, что там ни чинов, ни счастья не хватает. Как и у нас. И в сырьевые окраины "бывшего Союза" по той же причине теперь направляются. Конечно, боязно вкладывать средства в дикую и ненадежную экономику. Ну, так и сидели бы дома, огородившись. Не сидится. Почему? Потому что не выжить. Только там человек, выкручиваясь, знает, что пенять ему не на кого, кроме как на самого себя. А у нас человек как раз на себя-то и не надеется, а надеется на авось, то есть на общину, на коммунизм и на "светлое будущее". Лиши его этих опор - и он в отчаянии: ни вперед, ни назад.

"Он уже не вернется ни в сельскую общину, ни в коммунизм... Он уже не ощущает себя солдатом в осаждаемой крепости, жаждущим с кем-то воевать и что-то защищать, он поверил, что никто на нас нападать не собирается. Совершенно остыл он и к идеалу "светлого будущего"... От нынешнего же его состояния к частной собственности и рынку все-таки ближе, чем от состояния, когда его интересы растворены в общностях традиционного деревенского или тоталитарного типа".

Я, конечно, не рискну вслед за И. Клямкиным (и его оппонентами из газет "Сегодня" и "Завтра", то есть слева и справа) определять, куда нам ближе, то есть в какой степени наш человек проникся идеями рынка и барыша, а в какой - остается государственным и коллективистом. Это определится «методом тыка» - практически. Можно предположить, что сейчас тех и этих поровну, но зависит-то все еще и от динамики. Куда накренится, туда и посыплется. И не угадаешь. И не надо угадывать. Надо быть готовыми ко всему. И выживать при любом варианте дури, насилия, эйфории и отчаяния. А если катастрофа?

"В том случае, если развитие примет катастрофический характер, если произойдет массовый выброс людей из их социальных ниш, у советского человека может появиться желание искать будущее в тоталитарном прошлом".

К этому нам не привыкать. Мы в этом "тоталитаризме" выросли. Конечно, не будет он так страшно называться. Как-нибудь иначе, похитрее, помягче. С нашей помощью и переименуют. Не в названии дело. Дело в том, что если мы практически уперлись в необходимость "делегирования ответственности", то практически это и придется реализовать, без глобального гамлетизма - капитализм это или не капитализм. Это всего лишь способ управления ресурсами, при котором за твое решение ты же и отвечаешь - карманом. Раньше отвечал - головой (при Сталине, когда завоевывали и отвоевывали). Или не отвечал (при Брежневем, когда проедали завоеванное). Отвечали: "колхоз", "профсоюз", "страна-громада" и прочее. Ну, а теперь социализма нет, значит, сам и отвечаешь. Это дело практическое. Как Розанов говорил о военной реформе Петра: старое войско БИЛИ, а новое войско БИЛО, и не причем тут "западничество" и "славянофильство". Понадобилось - и в Азию окно прорубили. "Аз и Я" - одна семья. Это дела практического плана, или как верно говорит И.Клямкин, вопросы выживания. Если же при этом мы чувствуем себя непременно полуживыми-полумертвыми, и успех у нас - не успех, а "предуспех", и тип мы фатально "переходный", и народ самый многострадальный, так это, пожалуй, комплекс неполноценности, а вовсе не динамизм. Шапкозакидательством такой комплекс не снимается, а только усугубляется. Ну, а если эта переходность-промежуточность у нас в крови - на нашем-то мировом перекрестке? Если наша всеотзывчивость (междумье) неотделима от нашей безграничности (междомья)? И куда нам от этого не деться, а с этим жить?

Значит, надо жить. С этим. И с тем. С деревенской дедовской традицией. Или с мировым порно-авангардом. Мало ли чего откопают и мало ли чего нанесут. Будешь чист - не налипнет.

Г.Э. БУРБУЛИС

КУЛЬТУРА ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В РОССИЙСКОЙ СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Сегодня перед российским обществом стоит насущная задача обрести ориентиры и ответить на вопрос: куда идет Россия на рубеже XX - XXI веков? Эти ориентиры должны сочетать хорошо продуманную концепцию целеполагания и то, что в организационно-деятельностной методологии называется оргпроектом - систему согласованных технологий достижения целей.

Проблему можно было бы сформулировать так: очень резко обострилась потребность в **обретении** нового мировоззрения. Я думаю, что в этом случае будет уместен термин "обретение", а не "создание". "Создание" - как бы претензия на некий сознательно конструируемый и реализуемый проект изменения действительности, а "обретение" означает, что объект нашего поиска уже обладает существованием, и задача состоит в том, чтобы прояснить его.

Для меня это классическая задача: смыслы не выдумываются, а в них **вслушиваются**. И мировоззрение не привносится в общество, а вырабатывается с учетом базовых оснований жизнедеятельности. В "обретении" в равной степени сочетаются творческие усилия интеллектуалов, трепетное художественное постижение действительности с помощью редкого умения слушать музыку жизни в ее многообразии, самотворчества людей в своих различных профессиональных, региональных и поколенческих модификациях - весь этот "бульон" жизни как бы претерпевает свою смысловую кристаллизацию, приобретает свой коллективный портрет с четко прочерченными линиями.

Мы находимся в ситуации, когда преодолены соблазны быстрых, легко достижимых реформ, исчерпан первоначальный порыв обрести свободу в одночасье и стать демократами без особых усилий над собой, исчерпано гневное разоблачение тоталитарного прошлого как всепоглощающая позиция, наступает самое трудное и самое важное - "обретение смысла". Наступило время обретения четких ориентиров в ближайшее будущее, большинство думающих людей осваивают стратегические идеи. Жизнь переходит от бурлящей и занятой сиюминутными целями повседневности к фундаментальным ценностям бытия.

И обретение смысла осуществляется посредством постановки ясных целей, посредством разработки внятных программ деятельности, избавленных в своем внутреннем содержании от какого-либо желания в очередной раз корректировать действительность, - желания обусловленного агрессивным поведением разработчиков. В равной степени такая программа не должна иметь ничего общего с безвольным восприятием жизни, наивным упованием на самодостаточный мистически-чудодейственный выход: утрясется, уложится, самоорганизуется, притрется, авось гармонизируется, авось вывезет - блестящие герои А. Вознесенского из поэмы "Юнона и Авось" утверждали именно это.

Жизнь изначально устроена таким образом, что ее движитель - как раз во внутренних противоречиях, а не в глянцевой безальтернативной форме самоутверждения. Проблема выбора здесь - одна из фундаментальных. Только подход к ней должен быть более современным.

При разработке концепции целеполагания неприемлемо чрезмерно прагматизированное восприятие жизни, утилитаризация чего бы то ни было. С другой стороны, представляют немалую опасность и чрезмерное морализаторство, безудержный либеральный романтизм, который являет собой зеркальное отражение догматизма, спекулирующего на бесспорных идеалах и отказывающегося соотносить благородные и возвышенные устремления с реальностью, в которой мы живем.

Как можно обеспечить целеполагание, преодолевающее эти две крайности? Сегодня немало так называемых активных деятелей, неважно в какой сфере - в политике, бизнесе, образовании, искусстве, - которые удивительно сочетают в себе махровый утилитаризм, невероятную приспособляемость и одновременно морализаторский пафос. Они в одинаковой степени замешаны на социальной близорукости и не имеют практического значения. При этом и утилитаризм, и морализаторство характерны для нынешних форм коллективной жизни.

Мы же стремимся обрести нечто иное. И это иное - обретение смысла или сознательное освоение стратегической позиции бытия - тем более значимо, чем более социально-экономическая и политическая ситуация характеризует общественные системы как находящиеся в условиях переходного периода.

На мой взгляд, очень плодотворна методологическая традиция, связанная с идеей предельных оснований. Я имею в виду специфический синтез экзистенциального видения мира и деятельностной теории, которую в свое время систематически разрабатывал у нас в стране Э.Г. Юдин. Можно уверенно утверждать, что в жизни конкретного человека и целой страны имеются такие специфические ситуации, когда на первый план выступают предельные основания.

Стратегия российской модернизации, наследующая исторический опыт традиционалистской России, - ее обзывают имперской, тоталитарной, мессианской, заскорузлой, таинственной, непредсказуемой - затрагивает не только преобразование социальных и политических институтов, но и изменение в жизни конкретных людей. Это две стороны одной проблемы. Устойчивое существование социального целого, характеризующееся гармоническим сочетанием системных и личностных факторов, сегодня нарушено. Гете в свое время говорил, что "мир раскололся пополам - трещина прошла по сердцу поэта". Общество находится в состоянии, когда устойчивые, привычные представления человека о жизни, о себе, о мире, о человечестве теряют свою ясность, однозначность и, следовательно, регулятивную роль. Новых ориентиров нет, они еще не выявлены, не сформулированы, не освоены. В этом предельном состоянии, когда ценностные основания жизни, достаточные вчера, сегодня рушатся, а новых еще нет, и появляется реальный соблазн либо махрового утилитаризма, либо догматического морализаторства.

Россия сегодня находится не просто на переломе эпох, не просто в очередной раз испытывает себя на реформатский соблазн, - она осваивает новый смысл жизни, и это - фундаментальное качество сегодняшней действительности. В нем коренятся проблемы рыночной экономики, становление института демократии, роста коррупции, утраты преемственности поколений. Все это происходит на фоне социального расслоения общества, разрушения идеологической догматики и распространение опасного для людей ценностного плюрализма - здесь своя запредельность. Вслед за Р. Гароди можно сказать, что мы попали в ситуацию "плюрализма без берегов" - перефразируя считавшееся в свое время изящным эссе "Реализм без берегов".

Для непредвзятого анализа ситуации представляются также опасными привлекательные ныне интонации катастрофы, кризиса, болезненности, садомазохистского мечтательства и скулежа. Я хорошо понимаю, что в обществе должны быть персонажи, которые берут на себя эту роль. Но общество в целом не может сбиваться на подобную интонацию. И обретение смысла, определение стратегии преобразовательного процесса, или, что для меня одно и то же, сознательное культивирование в себе стратегической (и в этом смысле мировоззренчески полноценной и методологически обеспеченной) позиции, является внутренней программой, связанной с метафизикой успеха.

В своих прошлых заметках (Г.Э. Бурбулис "Конкуренция с самим собой вчерашним". Вестник "Этика успеха". 1994, №1) я пытался выстроить систему координат в виде четырех фундаментальных ценностей, созвучие, перекличка между которыми и их сопряженность создает реальную меру свободы и позволяют осмыслить успех в его метафизическом плане. Можно сказать, что понятие успеха в его метафизическом уровне - это обретение внутрен-

ней свободы, основанной на рационально организованной практике жизнедеятельности в рамках тех ценностно-целевых ориентиров, которые обеспечиваются программой модернизации и без которых в принципе не может быть самой свободы.

В беседе с редакторами "Этики успеха" я говорил, что «зашкаливание экзистенциального ощущения себя внутренне свободным или опощляющая всю суверенность личного достоинства прагматическая установка разрушает саму метафизику успеха. Мы говорили о четырех базовых ценностях: истине, добре, красоте, пользе – и стремились сфокусировать метафизику успеха на четырех фундаментальных основаниях жизнедеятельности: деятельности познавательной (гносеологической), нравственной, художественно-эстетической и прагматической.

У меня складывается впечатление, что сегодня Россия лишена достаточных ориентиров, чтобы преодолеть соблазны махрового утилитаризма и выпренной морализаторской догматики. Нам не хватает мужества до конца честно и последовательно поставить диагноз обществу, стране и друг другу. У нас нет достаточного мужества, чтобы не бояться, не стесняться сознательно проводить идеалоформирующую деятельность. Нас настолько угнетала и угнетает до сих пор репрессивная догматика ближайшего прошлого, что мы сейчас стыдимся заняться профессиональной работой по целеполаганию, по конструированию системных идеалов. Потребность в таких идеалах остро создается на индивидуально-логическом уровне, но до сих пор не проявила себя на уровне социальном.

Вне зависимости от воли и желания друг друга, мы находимся в состоянии постижения идейной ситуации, и ее параметры становятся все более и более ясными. В самом общем плане они выглядят следующим образом. Исторический кризис, в который попало в начале 80-х годов социальное устройство, именовавшееся "социалистический лагерь", обусловил самораспад системы. Основные закономерности самораспада до сих пор не выявлены, не зафиксированы, и переходный период не сопровождается последовательной диагностикой, корректируемой программой согласованных действий.

Возникает вопрос: может ли в процессе выработки стратегии российской модернизации и обретения смысла возникнуть некий персонаж, который реализует стратегический замысел в полной мере, масштабно, перспективно, убедительно, найдет соответствующую артикуляцию его результатов для широких слоев общества? Или мы обречены на стихию, на мешанину идей, чувств, мыслей, надежд, страданий, переживаний - той бездны, из которой складывается музыка жизни?

Я уверен, что такой субъект не только найдется, но и должен быть сформирован в процессе стратегического целеполагания. Этот субъект возьмет на себя задачу ясного целеполагания, выступит в качестве разработчика государственной идеологии и не постесняется на первых порах показаться одиозно доктринерским, обнаружить демонстративный пафос. Я имею в виду работу по одухотворению российской власти, по формированию нового поколения политических деятелей России, которая в полной мере вбирает в себя уникальный опыт шестидесятников, но вместе с тем дополняет этот опыт прагматизмом и рационализмом уже 90-х годов.

Более того, я настаиваю на том, что формирование нового поколения политиков предполагает существенное расширение понятия "*политик*" – по сравнению с привычным восприятием этого термина. Я называю *политиком* всякого, кто, сознательно занимая позицию стратега, включается в коллективную деятельность по выработке базовых целей и ценностей общества. В этом своем высшем качестве субъект является и становится политиком, и здесь бесполезно дискутировать, могут ли плодотворные, устойчивые общественные идеалы вырабатываться только духовной элитой, свободной от практики государственного управления, от грязной работы в структурах власти, или это удел политической элиты в узком смысле слова – имеющей власть и использующий ее для того, чтобы предложить обществу некоторые ориентиры на ближайшее будущее. Политик в моем определении тот, кто сознательно ставит и последовательно решает задачу выработки базовых целей и ценностей

для общественного и государственного развития и в этой своей внутренней духовной работе непосредственно участвует в коллективном обретении смысла.

Уже сегодня ясны некоторые смыслообразующие импульсы целеполагания. На мой взгляд, позиция стратега предполагает признание одного очень важного элемента. Он заключается в достаточно очевидной и даже банальной идее: ни у одного человека и в целом у общества нет возможности понять настоящее, если отсутствует концепция будущего в качестве точного диагностического прибора. Понимание и восприятие настоящего имеют ценностный характер, а в основе ценностной позиции всегда лежит тот или иной образ будущего. Мы сейчас находимся в такой ситуации, когда наши предпочтения и текущие внутренние дискуссии слабо соотносятся с рационально артикулируемой концепцией будущего. Можно сказать: лишь тот достигает успеха в настоящем, кто воспринимает будущее, слышит его зов, ощущает его токи, вбирает в себя будущее, чтобы быть результативным в настоящем. Это фиксируется в банальном выводе: люди действуют тем успешней, чем более систематизированы их убеждения; наибольшее влияние и авторитет в обществе могут иметь те политические организации и те социальные группы, которые наиболее ясно и доходчиво объясняют перспективы жизни людей.

До тех пор, пока культура целеполагания, включая этапы, элементы и средства реализации этого процесса, не будет освоена обществом в полной мере, мы не сможем надеяться на обретение смысла. Здесь я усматриваю сознательно фиксируемый парадокс: смысловые структуры имеют, прежде всего, ценностное содержание, а рациональное целеполагание ориентировано на контролируемый процесс, максимально устраняющий эвристическую неопределенность.

Я бы хотел свои размышления завершить сюжетом, который может рассматриваться как подсказанный самой идеей Вестника и позволяющий через этот импульс решать наши проблемы.

Как соотносятся стремление к успеху и практическая реализация программы стратегической модернизации нашего общества на рубеже веков? До сих пор дискуссии о выборе пути России и ее ближайшем будущем имеют, мне кажется, чрезмерно онтологизированный и рационализированный характер. Появляется соблазн оперировать навязанными рафинированной интеллектуальной традицией знаками: «Восток – Запад», «информационная цивилизация - традиционная цивилизация», «капитализм - социализм», «самобытность – универсальность». Как эвристические приемы, стимулирующие познавательную, интеллектуальную активность, эти привычные ориентиры имеют значение. Но, может быть, пора мыслить в иной системе координат: категория успеха становится фонариком, которым мы освещаем путь, и маяком, который может предохранять нас в океане действительности от столкновения с издержками нашего традиционализма и всего того, что можно назвать "российский фундаментализм в действии", до конца не расшифрованным и постоянно принимающим облик разного рода угроз – справа или слева.

УСПЕХ: МОДУСЫ БЫТИЯ И СВОБОДЫ

Проблема успеха - на удивление содержательный и благодарный предмет философского осмысления. В ней фокусируются основные темы человеческого бытия. Во-первых, собственно онтологическое содержание успеха, связанное с утверждением бытия вопреки небытию. В этом плане успех суть процесс и результат не просто *elan vital*, а мужества быть. Успех - это то, что состоялось, то, что стало и утвердилось в бытии. Перед нами оказывается весь комплекс темы истины - как системы соответствий, реализации, гармонической целостности, истины как пути. А значит, успех как ставшее, завершённое - это и проблема времени: успех как процесс (успеть) и как итог (успение?). Но успеть - что?

Необходима квалификация процесса и результата, а возможно - и замысла. Поэтому, во-вторых, успех предстает как тема осмысленности бытия, если угодно - его мотивации и рациональности. Бытие как поступок ставит проблемы смысла, цели, средств, результата, соответствия результата целям и средствам. И это не просто "эффективность сделанности". Речь идет о полномасштабном содержании рациональности, разумности и направленности бытия. Как в плане проективном, так и в плане поздней, объясняющей рационализации. Таким образом, успех оказывается выражением понимания и объяснения. Но понять и объяснить - значит оправдать. Следовательно, успех - это и оцененность бытия, в-третьих. Успех - суть выражение состоятельности бытия, его качества. В конечном счете - суда и оправдания. В успехе-признании, признании авторитетом ("значимыми другими"), преодолении, самоопределении (самосовершенствовании) и, наконец, призвании - как на шкале, находит свое выражение степень самоценности экзистенции. Успех как спасение? По крайней мере - как "побуд к бессмертию" (Я.Э.Голосовкер).

Успех это не просто выражение онтологического, эпистемиологического и аксиологического. Скорее речь идет о сопряжении модусов бытия в его самоутверждении, о модусах мужества быть (П.Тиллих). Как мужества быть частью большого целого, так и мужества быть самим собой. В успехе выражается мера и качество вменяемости бытия (как в плане разумной мотивации, так и в плане вменения ответственности), мера и содержание свободы.

Модусы бытия, фокусируемые успехом, оказываются модусами свободы: от воли как инстинкта свободы - во-первых; через свободу как сознание воли - во-вторых; к свободе как ответственности (не-алиби-в-бытии) - в-третьих.

Успех - не только линза, фокусирующая модусы бытия-свободы. Можно воспользоваться и другой метафорой - о бытии ведь можно говорить только метафорами и символами, либо молчать. Успех это и призма, позволяющая разлагать единое на составляющие его части спектра. В плане философского осмысления - проводить все более тонкие дистинкции, задавая и создавая дискурс успеха.

В первом номере Вестника редколлегия представила свои тезисы, характеризующие один из проектов Центра прикладной этики - "Этика успеха" - в целом. Со второго номера Вестник начинает публиковать постановочные статьи инициаторов проекта, посвященные основным сферам его приложения: политике, предпринимательству, образованию.

В.И. БАКШТАНОВСКИЙ
Ю.В. СОГОМОНОВ
В.А. ЧУРИЛОВ

ЭТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО УСПЕХА (статья первая)

За исходную точку наших рассуждений возьмем глубокие структурные пертурбации во всей общественной системе, которые произошли на рубеже Нового времени при исходе из традиционных социумов Старого времени. Тогда-то обнаружился раскол, произошла дезинтеграция прежде сплоченной инерциальной системы. Из глыбы слитного общества стали выделяться функциональные подсистемы - экономика, *политика*, право, наука, церковь, воспитание и другие. Они оснащались специализированными социальными институтами с разнообразным ролевым репертуаром и формализованными рядами межличностных отношений.

Расщепление цельнокроеного мира привело к неожиданному результату: самоорганизующиеся автономные подсистемы начали вырываться из под контроля принятых до того регулятивных средств - традиций, обычаев, ритуалов, которые воспринимались как заповеди, скрижали, заветы, как поведенческая аксиоматика ("так надо"). Стали возникать ситуации, где операции с терминами "добро" и "зло" оказались затруднительными. "Парадоксами морального кода" назвал такие затруднения современный немецкий социолог Н. Луман в статье под интригующим названием "Честность политиков и высшая аморальность политики". Вот к каким иллюстрациям он прибегает: "Наше сегодняшнее восприятие морали отвергло бы притязания правящей партии, вздумай она считать себя морально лучшей лишь потому, что за ней в данный момент большинство. Не менее сомнителен был бы отказ кому-то в моральном уважении только потому, что он проиграл процесс и был на неправой стороне в этом деле. Мы больше не рассматриваем болезни как наказание Божье за сомнительную в моральном отношении жизнь, но для нас также не является проблемой и оправдание Бога ввиду того факта, что страдают невинные" (Луман Н. Честность политиков и высшая аморальность политики. - Вопросы социологии. Т.1. 1992. С. 72).

В качестве естественной реакции на новую ситуацию родилась *идея об исключениях из правил*. Скажем, в политике подчас разрешаются и даже вменяются скрытность, лукавство, обманные движения, прикрытые пышной риторикой, подобно тому, как это происходит с "ложью во спасение" во врачебной или воспитательной практике. От чего же преступления против морали иногда оказываются допустимыми и чуть ли не обязательными? Проясняющий ответ напрашивается сам собой: будь все иначе, существенным образом снизилась бы эффективность специализированной деятельности, а моральный максимализм был бы способен сделать такую деятельность просто невозможной. Задача этики заключается поэтому не только в санкционировании "исключенческого" подхода, но и в предельной минимизации отступлений до единичных случаев, причем квалифицируются такие отступления не как благо, а как вынужденное зло.

Но это легче сказать, нежели сделать. Как, спрашивается, установить пределы для исключений и как ослабить наступательную безжалостность морального максимализма?

Существует вполне реальная угроза перенасыщения деятельности в специализированных сегментах общественной жизни исключениями. И как ответ на это - ригористические контратаки, всплески настырного морализирования, что загоняет мораль в гетто узких личностных отношений.

Оказавшись в западне такого рода проблем, аксиологическая мысль задалась вопросом иного свойства: а что, если дело вовсе не в исключениях и, тем более, не в последующих пассажах минимизаторов, как, впрочем, и не в плачевном состоянии морали, неосторожно угодившей в непригодные для нее сферы человеческой деятельности, а в формировании в этих сферах *особого типа морали*? Или - скажем мягче - дело в *доразвитии* в определенном направлении самой морали? Но тогда нас должна беспокоить не столько проблема соотношения политики и морали (хотя таким признанием она не списывается в архив), сколько проблема превращений морали в тех случаях, когда она "прилагается" к политике, равно как и к экономике, праву, воспитанию, управлению, науке и тому подобное. Не в этом ли процессе возникает политическая этика, природу которой мы намереваемся понять?

Продвижение этической мысли в поисках ответов на эти вопросы шло с различных сторон. Наиболее очевидная поисковая идея заключалась в признании неизбежности существования профессиональной морали. Вслед за таким признанием последовали признания специализированной морали для целых сфер человеческой деятельности надпрофессионального и межпрофессионального свойства. Но, продвигая дискурс в этом ключе, мы обязаны отдавать себе отчет о поджидающих нас новых каверзах: собственно говоря, с моралью ли вообще мы имеем дело? Но тогда с чем же? С какой-то альтернативной этикой? Или же с суммой неких организационно-технических правил поведения?

Здесь пришла пора сказать, что в процессе *автономизации* самостоятельность обрела и сама *мораль*. Она отделилась от пестрых обычаев, обычного права и кристаллизуется в качестве специфического и при этом универсального способа регуляции и ориентации поведения. И только тогда она становится моралью *per se* как таковой, достигнув стадии исторической зрелости. Зрелая мораль смогла взойти на верхнюю ступеньку иерархии регулятивов ("полезность добра"): общество как бы отдало "на откуп" духовно развитой личности право самой выбрать для себя то, что ему, обществу, оказывается необходимым. Этой личности вручается вся полнота возможной - на данном уровне цивилизованного развития - свободы. Общество всецело доверяет ей в выборе между добром и злом, подстраховывая ее лишь с помощью корректирующих оценок общественного мнения. Потому-то она и оказывается независимой переменной, то есть в самой себе содержит причины своего служения (М. Мамардашвили), очеловечивания социума, гуманизируя всю ткань отношений между людьми, институтами и организациями ("надсоциальная полезность добра").

Именно в такой стадии мораль оказалась способной пойти на собственную сегментацию, "отступая" везде, где возникает упомянутый парадокс морального кода. Осознается тот факт, что в политике бесполезно заниматься прекраснородным морализированием - "оставь надежду ...". Нельзя без грубых передержек приписывать той или иной политике нравственные свойства, какие-то качества добропорядочности. Или же, напротив, отказывать ей в этих свойствах. Или же полагать, будто политика кроме собственных целей имеет сверх того и задание поработать на славной ниве воспитания. Как только политика возжелает воспитывать "малых мира сего", награждая добродетельных и карая порочных, она начинает воспринимать самую себя как чуть ли ни высшую нравственную инстанцию ("мне отмщение и аз воздам") и ей угрожают срывы, провалы, ловушки утопизма, приманки тоталитаризма. Кажется, А.Франс сказал, что как только политик вознамерится сделать людей добродетельными, он неминуемо приходит к решению о необходимости отрубить всем им головы.

Означают ли подобные признания, будто и в самом деле мораль с политикой несовместимы, как гений и злодейство, что политика ровным счетом не имеет никакого отношения к морали? Совсем не обязательно столь безнадежно смотреть на вещи, проклиная с вы-

соких этических амвонов всякую политику и любого политика (хотя подкрепляющие подобный пессимизм факты обнаруживаются без труда и в пугающем изобилии).

Попытаемся подойти к этой проблеме с другой стороны. Подобно тому, как в рыночной экономике не все то, что эффективно в экономическом измерении - суть нравственно, но, напротив, именно потому оно оказывается эффективным, что было нравственным, так и в политике: при серьезных и массовых нарушениях моральных стандартов огромная политическая мегамашина начинает давать сбои, "барахлить", утрачивая, в конечном счете, свое функциональное предназначение.

Речь следует вести не только о морали, о добродетелях вообще, но о *политической морали (этике)*, которая появляется на свет в результате *приложения* зрелой морали с её универсальными предписаниями и оценками, с формальной всеобщностью к партикулярным сферам и видам человеческой деятельности. Мораль, так сказать, завершив вынужденное отступление из прежде неведомых ей автономных подсистем общества, переходит к продуктивной "работе" *приложения* и только после этого оказывается способной обеспечивать эффективность жизнедеятельности данных подсистем.

Задумываясь над превращениями морали в процессе её *приложения* к полной своеобразия политической деятельности, нельзя ограничиться констатацией изменений, скажем, в артикуляции норм или перестановок в затейливых конфигурациях ценностей. Все это, если угодно, лишь "слабая" версия *приложения*. Думается, надо говорить и о его "сильной" версии: сумма превращений позволяет именовать обретенный в опыте культурной эволюции результат как *рациональную мораль*.

Такое заключение требует более подробных разъяснений. Не составляет труда представить, сколь неуместным и рискованным выглядело бы на разгоряченном политическом ристалище великое моральное повеление - "возлюби ближнего своего как самого себя!", даже если бы мы обратили внимание на себялюбие как исходный пункт логики этого императива ("как самого себя"). Или как смотрелось бы требование возлюбить врагов своих, требование отвечать добром на зло, вполне уместное при решении воспитательных задач, но зато вполне простодушное в конкурентной системе человеческих отношений.

Для сословного строя были характерны всевозможные кодексы дарения, великодушия и щедрости. Кто следовал им, тот с презрением отвергал договорные, а не "органичные" отношения между людьми, отклонял расчетливость, правило эквивалентности воздаяния, убогую "вексельную честность" (К.Леонтьев). Предпочтения отдавались различным "роевым" добродетелям (чувство личной приниженности, отказ от самостоятельных взглядов, индивидуальной ответственности и тому подобное). Эти добродетели (чаще всего пословно атрибуцируемые) выводят на благополучие общности, корпорации, общины, менее всего считаясь при этом с благом отдельных индивидов, отодвигая это благо на задний план.

И такое положение вещей не может удивлять. Ведь все то, что столь очевидно, естественно и привычно для традиционного социума, не слишком убедительно и внятно звучит на бескрайних просторах "открытого общества". Что цементировало микромиры семей, общин, коммун, приходов, цехов и представлялось едва ли ни краеугольными камнями общественной нравственности как таковой, то же утрачивает свою до того не подлежащую обсуждению повелительность в новых социальных пространствах.

Да, следует прислушаться и к возражениям, которые, естественно, последуют без промедления. Разве в доиндустриальных обществах не существовали политические отношения и почтенные политические институты? Если это так, то, надо думать, была выработана и какая-то нормативная упорядоченность политической жизни, а потому не могло не быть и политической этики?

Ответим: это так, но политической жизни как таковой еще не было (за исключением, может быть, античности) и деятельность политического свойства была ещё крайне слабо профилированной. Политические функции легко конвертировались в том смысле, что осуществлялись они наряду с другими видами власти и осуществлялись всей правящей элитой

(классом, сословием). Её члены в значительной степени были "по совместительству" и военными, и дипломатами, и администраторами, и правоведами, и хозяйственниками, но не были политиками *ex professo*. Что касается масс, то их характеризовала политическая мобильность ("народ безмолвствует").

Спору нет, в своих притязаниях власть не была безграничной; даже откровенно деспотичная власть имела известные пределы - их ставила обычная нравственность с сильно выраженным патерналистским уклоном и иные латентные факторы. Ей дозволялись всякого рода своеволие и "художества", однако при условии, что власть (элиты, монарха, сеньора и тому подобное) следовала духу традиций и обычаев, уберегала облик "достоинства", каждый раз демонстрируя свою расположенность к верноподданным, обнаруживая способность приносить благо (социальный порядок, правильное судопроизводство, охрану границ и имущества, предоставляя гарантии помощи при стихийных бедствиях). Власть же порочная рассматривалась как источник общественного зла (военные поражения, неурожаи и т.п.) и потому в ряде случаев одобрялось тираноборчество.

Соответствующие нормы, запреты и санкции весьма отдаленно походили на особую политическую этику. При отправлении власти обходились неписанными или - реже - писанными *кодексами* чести, которые опирались на аристократический, рыцарский, патрицианский, бюрократический и даже монашеский *этосы*. Их - то можно без натяжки рассматривать в качестве нормативно-ценностного "теста", из которого в последствии будет "испечена" собственно политическая этика.

Но возвратимся к поставленному выше вопросу о том, что же представляет собой рациональная мораль. В Новое время политика имеет дело уже не просто с макромиром, но и с гражданским обществом. В нем личность, преследуя свой интерес, оказывается способной удовлетворить его лишь при наличии двух основополагающих условий. Она, во-первых, одновременно со своим интересом удовлетворяет жизненные потребности других людей, чаще всего ей совершенно неведомых, но с которыми она - благодаря рынку и механизмам политической демократии - вступает в отношения обмена, сотрудничества и конкуренции.

Нельзя, впрочем, ограничиваться одной только этой констатацией, затушевывая второе условие, задвигая его куда-то в область необязательных дополнений: предполагается скрупулезное и массовое следование универсальным нормам рациональной морали. Тот, кто следует им, одновременно руководствуется чем-то немислимимым для морализирующего сознания: и корыстными калькуляциями, и бескорыстными мотивами сохранения верности "священным" правилам этой морали. Мы предлагаем называть такую агрегацию разнородных мотивов "бескорыстным стяжательством" или - лучше - "*безадресным альтруизмом*", понятием, близким по смыслу известному "альтруистическому эгоизму" Г. Селье.

Каких же нравственных качеств, добродетелей требует рациональная мораль от полноправных граждан, определяющих свои жизненные стратегии вполне самостоятельно? Какие правила способны в случае их исполнения сделать как рыночную, так и политическую игру успешной - в общественном и личном плане?

На первое место мы поставили бы жесткое требование *морального* (а не политико-правового) *равенства* всех граждан в качестве обязательной мировоззренческой и нормативной предпосылки равенства их стартовых возможностей в рыночной и политической игре. Но так как в такой игре обретаются различные результаты, то за требованием морального равенства неминуемо следует требование *уважения к обретенному неравенству* - будь оно выражено в различных размерах *собственности* или в престижных, культурных, профессиональных, карьерных показателях достигаемого гражданами *статуса*. На такой основе проступает исключительно важное правило *эквивалентности воздаяния* на рыночной площади и политическом ристалище, но не в частной жизни.

В корпусе императивов выделяются все те нормы и правила, которые обслуживают *честную игру* и которых объединяет "скромная этика контракта" (по выражению культуролога С.С.Аверинцева). Наряду с технико-организационными правилами игрового поведения, эта этика предполагает наличие таких собственно моральных качеств, как готовность пре-

доставлять услуги другим, не усматривая в том никакого унижения, верность обязательствам, доверительность отношений с партнерами, способность "выдержать" и успех, и поражение в игре, а также многие другие добродетели. Наконец, рыночная экономика и демократическая политика неразрывно связаны с профессионализмом и деятельностью разнообразных организаций, что предполагает следование нормам **профессиональной морали и этики организаций**.

Все эти нормативные комплексы рациональной морали расположены - нельзя не признать - довольно хаотично по отношению друг к другу. Однако такое их свойство без помех вписывается в современный дивертисмент культуры, когда хаотичность, неорганизованность материала почитаются за преимущество, когда "все уже давным давно сказано", однако предстоит "все начинать заново".

И вновь наши утверждения буквально провоцируют критику. Не получается ли так, будто нормы рациональной морали являются не более, чем тривиальными "сервопроводами" многоуровневой рыночной и политической машины? Ведь в лучшем случае их можно считать своеобразными "смазочными материалами", которые позволяют бойче, веселее крутиться множеству колесиков этих огромных машин, обеспечивая эффективность, ритмичность и бесперебойность их работы?! И если это так, то мы благополучно возвращаемся к уже пройденному и вновь упираемся в роковой вопрос - мораль ли все это? Не подменяем ли незаметно для самих себя нравственность целесообразностью?

Подобные возражения и критику нельзя проигнорировать. Ответ: одно дело "подменить" моральные нормы праксиологическими правилами по части достижения целесообразности средств и совсем другое – принимать во внимание, учитывать соображения целесообразности, поверять ими любые действия. Для чего, хотелось бы знать, нужна неэффективная экономика? Кому понадобилась провальная политика? Разве отщепление от социальной суперсистемы функциональных подсистем (с этого процесса мы начали наш дискурс) не было продиктовано существенными социальными потребностями и, стало быть, разве они не требуют такого обращения, которое ведет к наращиванию потенциалов целесообразности? А разве всем известная **трудовая мораль** с ее хозяйской мотивацией, признанием самооценности труда, с "внутримирской аскезой" (даже тогда, когда с течением времени она утрачивает характер этической проблемы выбора), разве такая мораль не была сориентирована именно **на достижения**, на успех - высокую эффективность, высокую продуктивность, высокое качество? То же самое мы вправе сказать и о профессиональной этике с ее четко выраженной интенцией на успех в специализированных сферах деятельности.

" Приложение " морали к функциональным подсистемам как раз и должно по своему содействовать их эффективности, отсекая дисфункциональное поведение и запрещая беспринципную ориентацию на одну лишь целесообразность, предварительно не выверенную в части ее моральной квалификации. В перспективном плане целесообразность просто недостижима при игнорировании этического ее измерения. Как писал немецкий политолог Бернхард Сутор, "...успешность - центральное этическое требование, предъявляемое к политике. Почему и является этически оправданным располагать необходимой для того властью и применять обеспечивающую успех тактику - поскольку, разумеется, при этом не нарушаются этические принципы" (Сутор Б. Политическая этика. Полис. N1.1993. С.69).

Теперь относительно высших моральных ценностей и норм "естественной" морали. Ровным счетом нет никаких оснований подозревать, будто рациональная мораль с неизбежностью релятивирует их, санкционируя моральный оппортунизм. "Моральные Абсолюты" были и остаются непререкаемыми ориентирами человеческих помыслов и поступков во всех общинных формах жизни, которые так или иначе сосуществуют с индивидуалистическими формами. Остаются они также в традиционных секторах жизнедеятельности "открытого" общества. Однако вместе с этими сообществами и секторами они оказываются оттесненными на периферию общественной жизни. Они выступают в качестве фундамента **простой нравственности** и несколько меняют свой смысл в системе **сложной нрав-**

ственности современных обществ, применяются здесь более сдержано, возможно, с большей избирательностью и меньшей обязательностью.

Совсем иное дело экстраординарные ситуации, при различных "форс мажорах", вроде аварий сложных технических систем, стихийных бедствий, политических потрясений, войн, когда *альтруизм и солидарность* вновь являют всю мощь и духовную красоту своей категоричности. Экологические потрясения нашего времени превращают подобные смещения от периферии к центру нравственной жизни в перманентный фактор и таким путем выявляют *границы рынкомизации и политизации общества*.

Каково же самочувствие человека, если он, образно говоря, как бы распят между двумя различными ценностями, мирами? Чему внимать и поклоняться? С позиций рациональной морали нередко все, что оказывается за бортом ее требований и оценок, воспринимается как скучное назидательство или романтическое поветрие, как "старый вздор", тогда как с позиций "естественной" морали то, что выдает себя за рациональную мораль, просто ужасно, бесчеловечно - одна сплошная инструментальщина, практицизм, "ложная новация".

Только нравственная мудрость способна предложить ясное осознание того неустрашимого факта, что рациональная мораль содержит реальные угрозы иссушению нравственных чувств человека, его машинизации, утраты им идентичности. И точно так же ясно представить, что одна естественная мораль может сделать человека совершенно неприспособленным для существования в "открытом" обществе, для деятельности в таких его функциональных подсистемах как рынок и политика. Мудрость поэтому вводит запрет на отсечение одной морали от другой и на восприятие одной из них в качестве "низшей", тогда как другой - как "высшей". Обе морали обязаны знать "свое место" и отказаться от гегемонистских притязаний.

(Продолжение следует)

МЫ ОБРЕЧЕНЫ НА ЧЕСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Если руководствоваться данными одного из недавних опросов ВЦИОМ, то в российском общественном мнении встреча российского и западного предпринимателя – это, скорее всего, встреча прохвоста и порядочного человека. В самом деле, нашему бизнесмену его соотечественники приписывают в качестве ведущих пяти свойств по степени выраженности: жажду наживы, склонность к жульничеству, нежелание честно трудиться, деловую хватку, неразборчивость в средствах достижения цели. Западному бизнесмену, напротив, по мнению опрошенных свойственны: деловая хватка, высокий профессионализм, трудолюбие, рационализм, честность и порядочность.

Даже если сделать скидку на присущую социальным стереотипам полярность, схематизм и категоричность, картина все равно складывается неприглядная. И хотя в реальной жизни жулики и честные люди встречаются везде, россияне правильно схватывают главное: профессиональная этика, "правила игры", по которым строится деловое взаимодействие наших бизнесменов и их западных партнеров, различны. Это подтверждается рядом публикаций, где анализируется опыт такого партнерства за последние годы.

Такая репутация отечественного бизнесмена чревата утратой самого важного: кредита делового доверия, а, следовательно, и возможностей на международном рынке. Россиян перестанут рассматривать как предпочитаемых партнеров. Отсутствие надежной репутации придется компенсировать либо дополнительными гарантиями, либо дополнительными уступками. Да и будущим поколениям потребуется приложить значительные усилия, чтобы восстановить доверие.

Ответы на традиционные вопросы: "Кто виноват?" и "Что делать?" - могут составить целую книгу. Максимально краткие ответы следующие. Мы пожинаем плоды своеобразия нашей политики и экономики, их моральной неразвитости, несмотря на декларации "Все для человека" и т.п. Как и во многих других сферах деятельности, мы отстали от общепринятых международным сообществом стандарта и уровня. В том числе уровня, этически допустимого в деловом взаимодействии. К сожалению, это отставание не только не преодолевается нашей экономической жизнью, но, напротив, ею закрепляется и усугубляется. И первое, что надо сделать - осознать, что в современном мире экономика и нравственность связаны гораздо теснее, чем кажется на первый взгляд. Поэтому призыв А.Солженицына: "Поставить совесть над экономикой" - надо воспринимать не как морализаторскую проповедь, а как жесткий практический рецепт. Он вполне согласуется с общей тенденцией возрастания роли морального, этического аспекта в жизни человечества вообще и в экономике в частности.

В том, что роль нравственности велика, убеждать никого не надо. Достаточно задать себе несколько вопросов: «Что было бы, если бы богатые в США не сопротивлялись так попыткам администрации президента Клинтона решить в основном за их счет проблему дефицита бюджета, т.е. больше делиться с бедными?»; «Что было бы, если бы социализм в России после 1917 года, а капитализм после 1991года строили более совестливые люди, и, прежде всего политики?»

К сожалению, моральное развитие имеет свой темп и законы. Об этом свидетельствует и формирование современных этических стандартов в сфере, изначально ориентированной на принципы личной выгоды. Такова общая тенденция, несмотря на захлестнувшую мировую прессу волну сообщений о тотальной, казалось бы, коррумпированности. Напротив, как раз публичное обсуждение этого феномена и является залогом его преодоления в отличие от прошлого века, когда такие проблемы не выходили за узкие сословные или национальные рамки. Ныне, вследствие общей интернационализации хозяйственной жизни,

они вышли на международный уровень. Но логика их возникновения и решения остается прежней. Поучительна в этом плане история России и США.

Идеи о связи морали и экономики разрабатывались отечественными мыслителями еще со времен столь популярного у нас А.Смита. Мало кто знает, что помимо "Исследования о природе и причинах богатства народов", Смит написал и не менее знаменитую книгу "Теория нравственных чувств". Но еще менее известно, что два студента из России С.Десницкий и И.Третьяков слушали его лекции в университете Глазго. Впоследствии, став профессорами Московского Университета, они активно пропагандировали эти идеи. Ту же позицию в начале нашего века отстаивал такой выдающийся мыслитель, как С.Н. Булгаков, а практически, "по совету Божьему" воплощали в жизнь российские хозяйственники - старообрядцы, для которых репутация и чистая совесть стояли выше прибыли. И вряд ли случайно, что более 70% российских миллионеров до революции вышли из старообрядцев, составлявших лишь 1,5% населения России. (Отметим, забегая вперед, что честно ведущие дело американские корпорации и предприниматели при прочих равных условиях преуспевают чаще, чем их конкуренты, ориентированные на быстрый, но сомнительный успех. В опросах бизнесменов выясняется, что почти 80 % из них не сталкивались со случаями обмана со стороны партнера.)

В 80-х годах российские предприниматели вышли на международный рынок без достаточного опыта и профессиональных знаний, с устаревшими представлениями о неписанных законах и известным отношением к законам писаным «как к дышлу». В сознании и подсознании десятков тысяч новых участников внешнеэкономической деятельности мощно действовал стереотип, внушенный советскими средствами массовой информации. Согласно этому стереотипу "деловой" человек ассоциируется с "теневином", а, попросту говоря, с жуликом, живущему по правилу «не обманешь - не продашь». Да и стереотип потенциально-го западного партнера рисовался не в лучшем свете. "Акула", "хищник" – вот кого ожидал встретить, готовясь соответствующим образом, простой советский человек. Реальные, хотя и немногочисленные факты появления таких персонажей в России немало способствовали укреплению этого уже сформированного стереотипа. Сейчас мы, пройдя этап "набивания шишек", способны более трезво оценивать как себя, так и партнеров, их морально- деловые качества. Наступило время кропотливого изучения формальных и неформальных правил игры, которыми руководствуются на международном рынке. Они явно отличаются от весьма своеобразных правил внутренней российской коммерции.

Надо сказать, что и в США далеко не сразу формировалось убеждение в том, что честным быть не только спокойнее, но и выгоднее. Предметом обсуждения в обществе, а тем более объектом специального исследования деловая этика стала относительно недавно. До конца 70-х годов нашего века этические проблемы экономики привлекали внимание общественного мнения США лишь в связи с каким-нибудь крупным скандалом, аферой. Только в нескольких университетах и колледжах преподавались курсы по этике бизнеса. Немногие корпорации имели этические кодексы поведения сотрудников, моральное воспитание считалось прерогативой семьи и церкви.

За 15 лет ситуация кардинальным образом изменилась. Теперь курсы читают в большинстве школ бизнеса, на экономических факультетах американских университетов. Регулярно выходят десятки журналов по этике бизнеса, резко увеличилось количество публикуемых на данную тему статей и книг, в большинстве корпораций приняты кодексы этики. Это не было случайным. Главная причина - суммарный вред неэтичного, нечестного делового поведения, ощущаемый не только потребителем, но и предпринимателем, и всем обществом в целом, превышение общественного вреда над индивидуальной или групповой выгодой. В конечном счете, это грозило падением престижа корпораций и бизнесменов, ставило под сомнение качество их товаров и услуг, угрожало прибыли как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Вот почему популярен лозунг: "Честным быть стоит".

Разумеется, никакого неожиданного прозрения не произошло. Формирующаяся тенденция - всего лишь частное проявление общей логики исторического процесса, кото-

рую можно представить как смену принципов: «отдай, а то убью» - "дай это, а я тебе дам то" - "твоя выгода - моя выгода". Эта логика проявляется и в растущей интернационализации экономики, и в глобальном экологическом движении и, особенно ярко - в ядерном противостоянии великих держав, когда убить противника означает то же самое, что совершить самоубийство.

Этому принудительному моральному воспитанию в немалой степени содействует развитие глобальной информационной системы. В эпоху факсов и электронной почты пятно на репутации становится заметно всем и мгновенно. В то же время конкуренция на международном рынке предъявляет к имиджу национального бизнеса и предпринимателя повышенные требования.

Означает ли сказанное, что и нам следует терпеливо ждать, пока все образуется само собой, стихийно? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить, под влиянием каких норм и принципов принимает то или иное решение бизнесмен, особенно в спорной, конфликтной ситуации. Выделим следующие. Формальные законы, предписываемые государством и охраняемые с помощью соответствующих санкций; нормативные принципы, зафиксированные в общечеловеческих этических заповедях ("не укради", "не лжесвидетельствуй" и т.п.), нарушение которых сопровождается психологической "санкцией" в виде внутреннего дискомфорта (угрызений совести); групповые (профессиональные, "цеховые") нормы, обусловленные культурой данной страны или региона ("так у нас, купцов принято"). Нарушение последних карается исключением из "цеха", профессиональным ostracismом, отказом в доверии и т.п.

В идеальном случае все эти три типа норм должны совпадать, однако между ними всегда существует расхождение. По мере развития экономики оно постепенно сокращается, но это длительный процесс, который зависит от конкретных социокультурных условий. Важно подчеркнуть, однако, что почти повсеместно налажена система охраны и поддержки такого экономического поведения, которое можно определить как предсказуемое, надежное, внушающее доверие и т.п. Общемировая тенденция - конвергенция деловых культур на основе общечеловеческих нормативных принципов.

Что касается России, то здесь весьма сложная ситуация. По данным исследований, с одной стороны, более 80% опрошенных считают, что даже несовершенный закон, и даже если отсутствует контроль за его выполнением, лучше строго соблюдать или, по крайней мере, не нарушать. Это говорит о довольно высоком уровне развития нормативной этики и общечеловеческих принципов. С другой стороны, в той же выборке было установлено, что с невыполнением деловых обязательств сталкивались более 90% опрошенных. При этом сами респонденты утверждают, что не выполняют свои обещания в полтора раза реже, чем их партнеры по бизнесу. Здесь проявляется действие психологической защиты, в результате чего преуменьшается собственная вина и преувеличивается вина других.

Вряд ли, однако, следует винить в этом только самих предпринимателей. Чехарда с налоговым законодательством, политическая нестабильность - иными словами, непредсказуемость экономической и социально-политической ситуации ставят Россию, по оценкам международных экспертов, на 149-е место по степени надежности инвестиций. Между тем предсказуемость - едва ли не главное условие планирования любой деятельности. По данным того же исследования с вымогательством со стороны чиновников сталкиваются 80% опрошенных, причем это случается чаще, чем вымогательство со стороны рэкетиров, почти в четыре раза (!). Когда государство душист налогами отечественных производителей, а его представители грабят больше бандитов, о каком законопослушании может идти речь?

Психологическая и моральная устойчивость наших предпринимателей подвергается большому испытанию. Тем, кто стремится работать честно, это грозит нервным срывом и (или) разорением, тем, кто склонен к моральному компромиссу и хочет работать "как все", в лучшем случае удастся обойти закон. Строго говоря, отечественные бизнесмены оказались в роли подопытных собак, как в известных экспериментах И.П. Павлова. наших предприни-

мателей вначале поманили щедрыми посулами, а теперь постоянно повышают налоги, ужесточают законы и т.д.

В коллективистской по духу стране российский предприниматель должен быть индивидуалистом, стремиться к прибыли, личному обогащению, но одновременно скрывать это, чтобы не раздражать обедневших сограждан. Он вправе рассчитывать на помощь государства, которому исправно платит налоги, однако взамен помощи последнее выставляет ему все новые требования.

Не удивительно, что среди предпринимателей растет число людей, работающих на грани психического истощения и снимающих постоянное внутреннее напряжение с помощью наркотиков и алкоголя. Лишь единицы могут выйти победителями в этой борьбе. Но совершенно очевидно, что подавляющее большинство далеко не "герои". В ситуации выбора между абстрактными, хотя и принимаемыми моральными принципами и давлением реальных жизненных обстоятельств большинство стремится "и невинность соблюсти и капитал приобрести". Можно понять и сопутствующее стремление любым способом заставить себя не думать о "высоких материях" вроде этики, совести и т.п.

Так что же делать в непростой ситуации, в которой оказались будущие Прохоровы, Третьяковы и Морозовы? На проходившей в 1993 году в Москве международной конференции "Деловая этика в новой России" было высказано немало практических рекомендаций. Вкратце они могут быть сведены к следующему. Целесообразно ввести в школах бизнеса и на экономических факультетах институтов и университетов курсы по этике деловых отношений. Речь идет не о морализаторстве на тему "что такое хорошо и что такое плохо", а о весьма эффективном методе обсуждения конкретных жизненных ситуаций, этических конфликтов, способов психологического самоанализа и анализа поведения партнера. Такой подход доказал свою перспективность во многих странах. Стереотипу предпринимателя - хищника необходимо противопоставить примеры предпринимателя - созидателя, в том числе из истории, помогающие восстановить лучшие моральные образцы российской деловой культуры. Здесь важную роль призваны сыграть деловые люди, имеющие безупречную репутацию и высокое общественное признание. Опираясь на свой опыт и авторитет, они могли бы выработать Кодекс этики российского предпринимательства, учредить нечто вроде Союза деловой чести. Надо, постоянно сопоставляя наш отечественный и мировой опыт в области деловой этики, не "изобретать велосипед", а как можно быстрее и с наименьшими издержками интегрировать и международную деловую культуру с ее морально-психологическими стандартами.

Б.Г.КАПУСТИН

ЭТИКА ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЗАГНИВАНИЯ ОБЩЕСТВА

Нередко говорят, что Россия ищет Идею. Если не рассматривать это понятие в логическом или философском значении, если не ассоциировать его с идеологией, то это верно, поскольку речь идет о поисках базового смысла существования российского общества, о том, что в немецкой литературе передается термином *Weltanschauung*.

Едва ли можно сказать, что эта проблема возникла "вдруг", как следствие коллапса коммунистической "идеи". Последняя давно, а в брежневскую эпоху определенно, перестала быть *Weltanschauung* для большинства наших граждан. Однако до 1991 г. сохранялись некоторые объективные структуры (от СССР до ритуализированных форм общения типа партсобраний), соотносясь с которыми индивидуальное сознание "знало" действительность, с которой имело дело, "понимало" свое место и роль в ней, и "смыслообразовывало" универсум (от ЖЭКа до глобальной политики). Затем рухнули опорные структуры, а активного, собственно - личностного, автономного смыслообразующего начала у подавляющей части наших граждан не оказалось. А именно это личностное начало - подобно протестантизму в период английской революции или революционному патриотизму в период французской - необходимо для того базисного смыслообразования общественной жизни, в рамках которого и на основе которого происходит строительство новых социальных институтов - от Основного Закона и его политико-правовых гарантов до хозяйственных структур.

Верно, что со временем это автономное личностное смыслообразующее начало угасает, и роль *смыслоподдержания* переходит к созданным институтам и осуществляется как бы по инерции. Но в том и дело, что в период ломки старых структур и возникновения новых активное личностное смыслообразование не только служит "склеиванию" общества, теряющего прежние скрепы, но и открывает возможности для институционального строительства в реорганизующемся социуме.

Это личностное начало и предполагает существование некоего *Weltanschauung*, в котором индивид соотносен с общественным порядком, "я" - с "мы". Для Нового времени, которое начинается с признания правомочности особого интереса "я", выступающего как частное лицо, такое соотношение достижимо не за счет подавления "я" в "мы", а путем опосредованного включения первого во второе. Механизмы такого опосредования и есть первая забота всех теоретиков *современности* периода ее становления от Гоббса и Локка до Гегеля и Токвиля. Причем эти механизмы - сколь бы различно они не понимались - имеют общую нравственно-политическую природу, отнюдь не складываясь автоматически из "свободной игры" частных интересов, которая *сама по себе* может привести к гоббсовскому естественному состоянию «войны всех против всех». Эта забота и есть классическое выражение *политической этики* как связи частного и общественного интересов, обеспечиваемой нравственными и политическими механизмами, связи, при которой и тот и другой сохраняют самостоятельность и которая не существует как данность (каковой она выступает в традиционных обществах при несамостоятельности частного интереса).

Если в дальнейшем получили распространения представления о "естественной гармонии" частных интересов, свободная игра которых спонтанно обеспечивает общественное благо, если в концепциях "конца идеологии" и "постмодернизма" проблематика *Weltanschauung* по существу снимается, то это возможно постольку, поскольку механизмы

согласования частных интересов уже сложились и способны действовать по инерции - при той или иной реформистской отладке - без активной "подпитки" личностными приверженностями и убеждениями. Как долго это может продолжаться в нынешнем меняющемся мире, где - в том числе в цитаделях либеральной демократии - к привычным и функциональным для системы конфликтам интересов все настойчивее прибавляются непривычные и дисфункциональные конфликты ценностей, - вопрос, который мы сейчас не обсуждаем.

Отметим следующее: пока это продолжается, политическая этика обладает иным, чем было отмечено выше, смыслом, а именно – соблюдения правил игры, в которых забота о стыковке частного и общего интересов непосредственно никак не заложена. Более того, как отметил Й.Шумпетер, эта система предполагает, что политик движим не стремлением осуществить программу, нацеленную на общее благо (в том или ином понимании), где обладание постом есть средство, а напротив, - частным интересом обладания постом (и связанными с этим властью, доходами, престижем и т.п.), для чего общественная программа (в принципе, любая) есть лишь необходимое средство.

Однако вернемся к российским проблемам. Коллапс коммунистического режима застал нас "врасплох" в том смысле, что никакого сколько-нибудь влиятельного Weltanschauung у нас не было. Распространенность антикоммунистических настроений заменить его не могла, хотя давала некоторые предпосылки для его образования: в общественных умонастроениях происходила "первичная сцепка" установок на свободу, равенство, частную собственность, правовой режим, что было зафиксировано рядом социологических обследований в 1989-91 гг. Эта "сцепка" не имела ни этической фундированности, ни, тем более, проработки в собственно - идеологической форме. Способствовать развитию на этой основе нового Weltanschauung, в свою очередь служащего почвой для вырастающих из него идеологий, могли и соответствующая политическая практика, и деятельность "идеологического сословия". Сейчас нет возможности анализировать те послеавгустовские тенденции, которые вели не столько к установлению собственно-авторитарного режима, сколько к политической демобилизации и деидеологизации масс, разрушительных с точки зрения образования нового weltanschauung. Остановимся вкратце на деятельности доминировавшего в ту пору "идеологического сословия".

Их установками, препятствовавшими формированию нового Weltanschauung были: во-первых, придание частной собственности роли точки опоры, если не несущей конструкции, посткоммунистического мировоззрения; во-вторых, копирование нынешнего западного образа политики как "политического рынка" вместо классического ее образа как "служения общественному благу"; в-третьих, полное отрицание культурной традиции советского периода, которая только и могла дать "материал", на основе которого - посредством сохранения и отрицания - вырастает новое мировоззрение.

О последнем сказано уже много, причем далеко не только оппозицией нынешнему режиму. Что касается первого, то ошибка заключается в том, что в России частная собственность перестала обладать тем интегрированным нравственным значением, при котором она вбирала в себя ценности свободы и равенства наряду с утилитаристской целесообразностью. Теперь она может быть признана как экономическая целесообразность, но не как нравственное должествование. Поэтому не способна выступить точкой опоры нового Weltanschauung, как это было в раннем либерализме. Более того, ее "легитимизация" в общественном сознании предполагает нахождение таких способов сопряжения со свободой и равенством, в которых она не была бы антагонистична им и *поэтому* оказывалась приемлемой. Исторически эту работу - в случае западного массового индустриального общества - проделал социал-либерализм, позднее - "постреволюционный" социал-демократизм.

В нашем обществе этого не делает никто. В результате достаточно распространенная (пусть в большей мере умозрительная) признанность целесообразности экономических реформ, знаменем которых стали рынок и приватизация, не защитила их от погружения в обесмысленную действительность. При отсутствии стыковки общественного и частного интересов "свободная игра" последних выразилась в столкновениях узурпирующих эконо-

мическое и политическое пространство олигополистических групп и оказалась разрушительной не только для общественной нравственности, но и для самой экономики.

Что касается политики как "политического рынка", то последний оказался общественно неэффективен по той же причине, по которой неэффективен и его прототип - рынок экономический. Политическая этика, сведенная к "правилам игры" при отсутствии устоявшихся институтов, не только не смогла обеспечить "функциональность" политики для общественных преобразований, но и не привела к выработке самих этих правил. Выход из положения усматривают в нарастающей "элитизации" политики, в ограничении и фиксации допущенных в нее лиц и деполитизации остального населения. Оспаривание "легитимности" границ этого круга, с одной стороны, с другой - сведение выработки "правил игры" к прямому торгу участников (торгу, при котором неоткуда возникнуть принципам необходимости и должностования, возвышающимся над изменчивым балансом сил и интересов) - факторы постоянной политической нестабильности. Их действие едва ли можно преодолеть до тех пор, пока политика остается у нас всего лишь "политическим рынком".

Некоторое время послеавгустовская политическая модель, как ни парадоксально, именно вследствие своей неотлаженности, не обнаруживала заложенный в ней потенциал бессмысленности. Благодаря воспроизводимой под разными рубриками биполярности она сохраняла драматургию борьбы (или хотя бы ее видимость) за общественное благо, кульминацией которой стали кровавые московские события октября 1993 года. Затем наступил новый период.

В чем его главное содержание? Оно ускользает от наших вопросов, просачивается сквозь сети объяснительных схем, в которые мы пытаемся его поймать. В них остается только пена: дурная бесконечность персональных перемещений, меняющиеся конфигурации элитных тусовок, новые бумаги и новые площадки, где они оглашаются... Может быть, новизна этапа в том и заключается, что он вообще лишен содержания? Что политика обесмыслилась, а потому не поддается никаким мыслительным схемам? Попытаемся зафиксировать, почему новый этап отвергает привычные мыслительные схемы прошлого.

1. Послеоктябрьское (1993 г.) развитие выявило крах привычной нам биполярной схемы политики (формулировку предложил политолог К. Майданик). Крах произошел не только на уровне организационном, в виде распада четко очерченных коалиций ("президентского лагеря" и "лагеря Верховного Совета"), но и на уровне символическом. Прежние коалиции являлись сильными сгущениями противоположных ценностей, с которыми маломальски политически грамотный человек мог себя легко идентифицировать. Неважно, какими знаками они обозначались: "демократы - коммуно-патриоты", "радикалы-консерваторы", "левые-правые" или как-то еще. Главное - политическая жизнь имела центральную тему, ясную драматургию, поддававшуюся осмыслению, даже если ее внутренний смысл оказался к осени 1993 года сомнительным.

Теперь мы имеем дисперсное политическое пространство с множеством *непонятных* образований, которые в большинстве случаев ни сами себя, ни наблюдающий за ними народ идентифицировать ни с чем привычным не могут. Причем ни идеологические заявления, ни практические действия подсказок не дают. Более того, хотя биполярность объективно закончилась, многие участники игры делают вид (или искренне верят), будто она продолжается: раздаются призывы к сплочению демократов в "антифашистские фронты", к единению "патриотов" для защиты того, что все более определенно делает само правительство и т.п. Консолидируется мир политических мнимостей и превращений. Кто и что здесь е с т ь, а кто и что только к а ж е т с я ?

2. В том и дело, что при отсутствии реальной драматургии нового этапа к а з а т ь с я и стало способом б ы т ь в политике. Участники игры должны создавать друг для друга условия для постоянного и оправданного мелькания. Споры на актуальную тему вроде амнистии лефортовцев или оживленные отклики на выходки, учиняемые ими поочередно, - яркие примеры создания условий для общего мелькания.

Не менее важно придание участникам значительности. Поскольку реальная значительность, в условиях современной непонятности происходящего невозможна, все сводится к тому, чтобы признать значительными друг друга. Это может осуществляться в форме "гражданского согласия". Так наш политический бомонд собирается конституировать себя в самостоятельный политический класс, самоуправляющийся и плюралистичный в лучших традициях демократии, локализованный по известным московским адресам начальственных зданий.

Для этого бомонду нужно договориться о правилах этикета, которые предусматривали бы следующее. Во-первых, неприлично даже упоминать о каких-либо содержательных принципах гражданского мира (направления и темпы реформ, способы обеспечения прав человека и т.п.) Во-вторых, неприлично требовать от высоких договаривающихся сторон нравственной и политической оценки своей роли в событиях предыдущего, дооктябрьского этапа. К нам неприменимо старое "понять - значит простить". У них новое – «простить - значит согласиться сыграть в жмурки». В-третьих, к досадным волнениям (забастовкам шахтеров, протестам ученых, акциям экологов и пр.) следует относиться не как к политической реальности, которая определяет содержание и основные параметры гражданского мира, а как к сугубо техническим вопросам, предполагающим "улаживание" финансовыми манипуляциями, оргдавлением и другими подобными приемами, существа дела не затрагивающими.

Если об этих правилах удастся договориться, то наша политическая жизнь, скорее всего, будет протекать по двум параллельным сценариям: (а) "мыльной оперы" внутри бомонда, (б) триллера в отношениях между бомондом и другими претендентами на звание "настоящих оппозиционеров".

3. Конец биполярных идеологических сгущений вроде должен был бы ограничить автономию политики по отношению к экономике, что было бы характерно для дооктябрьского этапа. Если у политики нет больше самостоятельной идеологической логики, то она - политика - должна непосредственно направляться на создание условий для экономического развития и именно в этом должны заключаться критерии успеха или неудачи.

Среди представителей бомонда, несмотря на бесконечные споры об экономической реформе, никто не пытается взять на себя ответственность за ее ход и сделать это критерием своей политической деятельности. Одни говорят о том, как бы надо делать, не принимая на себя обязательство, что действительно будет так, как надо. Другие говорят о том, как не развалить совсем то, что есть, но не берут на себя ответственность за то, что будет. В подлинных структурных реформах не заинтересован никто, и стабилизация упадка, похоже, есть оптимальное условие для всех. Получается, что не качественными сдвигами в экономике, а чем-то иным, придуманным ими самими, нужно мерить деятельность наших политиков. Например, можно отчитаться о приватизации процентом оприходованных ваучеров, но не тем, на сколько процентов благодаря ей выросла производительность труда. Или наоборот: можно сказать, сколько предприятий остались на плаву благодаря льготным кредитам, но нельзя сказать о том, сколько из них за счет этого повысили свою конкурентоспособность. Разве это не реальная автономия мнимой экономической политики?

Однако во всех политических мнимостях нового этапа есть нечто очень реальное, хотя и выросшее из предыдущего этапа, но существенно отличное масштабами и устойчивостью. Новое – резко возросшая приспособляемость к прогрессирующему экономическому упадку, к деградации культуры, нравственному разложению, тотальной криминализации. Это уже не шокирует, а в лучшем случае - тревожит и удивляет. Со стороны народа такое приспособление выражается в апатии, со стороны элит - в их "бомондизации".

В первом выпуске «Вестника» опубликован фрагментариум по книге Р. Хубера "Американская идея успеха", посвященный характеристике двух моделей успеха: "этики личности" и "этики характера". В этом номере концепция книги представлена с точки зрения ее категориального аппарата, прежде всего - смысла понятия "успех" и его критериев в американской традиции.

ДЕНЬГИ... СТАТУС... СЛАВА

Фрагмент книги Р.Хубера "Американская идея успеха" (Huber R.M. The American Idea of Success. Pushcart. 1987)

Что такое успех? В Америке успех означает делать деньги и с их помощью обеспечить себе статус или становиться знаменитым.

Успеха не заработать, будучи надежным другом или хорошим мужем. Он - награда за выполнение работы. И это не то же самое, что счастье, которое вы испытываете. Успех неумолимо объективен и безличностен. Он регистрирует изменение ранга, возвышение некоей особы по сравнению с другими посредством неравного распределения денег и власти, престижа и славы.

Однако успех означает не просто *быть* богатым или знаменитым. Он означает *добиться* богатства или *достигнуть* славы. Вы должны знать, где человек начал и где кончил, чтобы определить, как далеко он ушел.

Как высоко нужно подняться, чтобы считаться преуспевающим? Одно измерение - действовать лучше, чем ваш отец, занимая должность с более высокой оплатой и престижем. Человек, уединившийся в созерцании золота в качестве банковского клерка, рассматривался бы как преуспевающий с большей вероятностью, если его отец был судомойкой, а не президентом корпорации. Сын очень успешного человека, достигший денег и славы, не считается достигшим собственного успеха по сравнению со своим отцом.

Другое измерение успеха - иметь существенно лучшую работу (должность) или зарабатывать больше денег в конце вашей трудовой жизни, чем в начале.

Успех не может быть достаточно измерен ни через сравнение поколений - опережением сыном отца, ни через сравнение внутри поколения - восхождением к лучшей должности и более высокому доходу. Он обязательно должен быть признан другими людьми. "Американский успех должен быть признаваемым успехом, - объяснял Ралф Бертон Перри, - не для Бога, который знает суть всех вещей, но для ваших соседей". Признание является сутью успеха - признание, измеренное в деньгах и аплодисментах. "Жизненные корни американского духа, - как воспринимал их Гаролд Ласки, - это либо создание судьбы, либо создание репутации, которая делает вас весьма уважаемым вашими соседями".

Одинаков ли успех для всех? Предположим, что один из двух братьев-близнецов пошел в бизнес, а другой - в министерство. Является ли определение успеха одинаковым для обоих? Гонки за успехом подобны соревнованиям на треке, но у вас есть выбор, по какой из двух дорожек трека бежать. Вы могли бы выбрать одну дорожку и работать во имя выгоды, или другую, и работать на некоммерческой должности. В погоне за выгодой не существует потолка в количестве денег, которые можно сделать. Вознаграждение не ограничено. На этой частной шкале оплаты деловой успех, как мы показали, представляет собой аккумуляцию благ, переводимых в статус или в славу.

Близнец, поступивший в министерство, работает на некоммерческой службе и оплачивается в соответствии с социальными критериями. Количества денег, которые он мог бы сделать, ограничено. Неделовой (не связанный с бизнесом) успех этого близнеца определя-

ется не деньгами, а должностью в соответствующей институции или общественным признанием.

Коммерческая или некоммерческая работа определяет дорожку трека независимо от того, является ли данное лицо профессионалом или бизнесменом. Определенные профессионалы - юристы, терапевты, архитекторы, дантисты - являются бизнесменами. С одной стороны, они реально отличаются от бизнесменов из-за долгих лет учебы, процедуры допуска к практике, самостоятельного поддержания порядка, приверженности ограничивающим кодексам, и предполагаемого соответствия их интересов интересам клиентов помимо обмена деньгами. Но, с другой стороны, работающие на себя профессионалы являются в чем-то существенным бизнесменами, так как они работают в офисе, берут гонорар, вычитают накладные расходы из валового дохода и получают в результате колеблющийся годовой доход. Работая на себя или будучи исполнителями на жаловании в корпорации, они действуют в рамках неограниченной частной шкалы оплаты и расцениваются соответственно.

На некоммерческих должностях примерами профессионалов с общественной шкалой оплаты, чьи достижения расцениваются как недельный успех, могли бы быть врач, работающий в исследовательском институте, поверенный, ставший судьей, учитель публичной школы, школьный или армейский чиновник. В этот вид занятий включаются некоммерческие должности в местном, штатном и федеральном правительствах. Критерием оценки их успеха являются не деньги, а ранг (должность), хотя, очевидно, чем выше должность, тем выше оплата. Как сказал всеми любимый Иоанн XXIII (как известно, по происхождению из крестьян) через четыре месяца после восхождения на папский престол: "Ну и где я - в конце дороги или на вершине кучи?"

Очевидно, что, например, архиепископ имеет преимущество перед священником, но меньшие ранги всегда могут расцениваться как успех при условии общественного одобрения. Если оба наших близнеца пошли в систему общественных школ, тот, который стал суперинтендантом, считается публикой более преуспешным, чем тот, кто преподает в десятом классе испанский язык. Но если учитель испанского разработал курс, получивший широкое общественное одобрение, в США, возможно, его успех считался бы равным или большим, чем успех его брата.

Успех относителен. Ранг связан с престижем и мощью институции. Временный епископальный священник, пекущийся о большом, процветающем соборе, рассматривается как более преуспевающий, чем пастырь маленького церковного прихода с небольшой сферой влияния. Доцент Гарварда достиг большего успеха, чем профессор того же возраста в Грестфалене. Судья в Верховном суде штата смотрится по-другому, чем в районном магистрате. В некоммерческой ограниченной общественной шкале оплаты должностной (профессиональный) успех измеряется рангом с учетом институции или общественного одобрения. Тот факт, что более высокий ранг в наборе тотемов институции лучше оплачивается, свидетельствует, что деньги играют важную роль, хотя и под сурдинку, и в некоммерческой атмосфере.

Существует тип успеха внутри вселенной организации или профессии, о котором широкая публика не осведомлена. Эмблемы того, что можно назвать организационным или профессиональным успехом, приложимы как к ориентированным на выгоду профессионалам, так и к их коллегам, оплачиваемым, исходя из общественных норм. Эти эмблемы состоят из позиций в профессиональном сообществе, наград и призов, приглашений на доклады или выставки. Успех внутри вселенной организации или профессии не зависит от способности покупателей платить или желания публики аплодировать. Он вознаграждается уважением или одобрением личностей, входящих в это пространство.

Хотя для измерения делового и неделового успеха используются разные критерии, они сконструированы на основе одной и той же теории. Личность, в основном, становится преуспевающей в той степени, в какой она вносит вклад в успех дела или организации, которая ей платит. Деловые операции являются успешными в той степени, в какой они приносят выгоду. Поэтому те индивидуумы, которые наиболее эффективно и ответственно помо-

гают компании делать деньги, вознаграждаются большим жалованием. Университет, например, является преуспевающим в той степени, в какой он обладает престиж. Поэтому те индивидуумы, которые наиболее эффективно помогают университету достичь этого престижа, вознаграждаются продвижением на более высокую должность. Престиж университета устанавливается не процессом преподавания и передачи знаний, а опубликованными результатами исследований, которые вносят вклад в этот престиж. Поэтому те "преподаватели", которых продвигают в должности, часто выбираются не на основании их компетентности в преподавании, а на основании их вклада в науку - публикаций результатов исследований. И именно поэтому преподавание в университете является, вероятно, единственной профессией, где можно достичь успеха, не удовлетворяя клиента.

Успех внутри одной системы оплаты в общем не сравним с успехом в другой. Часто выражаемое представление об американских ценностях не различает культурные определения делового и неделового успеха. Два обозревателя американской сцены настаивают: «Если Мэрилин Монро имела намного больший доход, чем Эйнштейн - а это так и было - это означает, что в отношении того, чего мы в целом хотим или ценим, она заслуживает большего, чем он". Но разве общество не вознаграждало Мэрилин Монро и Алберта Эйнштейна разными способами? Из того, что популярный массовик зарабатывает больше, чем неинтересный для публики ученый, следует ли с неизбежностью, что общество выше ценит того, кто зарабатывает больше денег? Деньги действительно имеют голос, но область его звучания не выходит за рамки каждой шкалы оплаты.

Публика не сравнивает достижения профессора университета и управляющего производством, цели министра и менеджера по продажам, заработок федерального судьи и президента корпорации. Сравнения проводятся внутри каждой шкалы оплаты, или точнее, внутри одной профессии в каждой шкале. Соответственно, успех одного управляющего производством нужно сравнивать с успехом другого, ранг одного судьи - с рангом другого. Но может ли кто-то сказать, что управляющий производством, сделавший 100000 долларов в год, является более или менее преуспевающим, чем федеральный судья, зарабатывающий 30 000 в год?

Это разделение предохраняет нас от опасности впасть в ошибочное признание о том, что *«Кто есть кто в Америке»* - это сбалансированный список преуспевающих. *«Кто есть кто в Америке»* ориентирован на имена из общественной системы оплат со времени своего первого выпуска в 1899 году. Редакторы одержимы почти неприличной страстью к профессорам и преподавателям, а также гражданским, военным и религиозным деятелям. Наилучший шанс попасть под малиновую обложку *«Кто есть кто в Америке»* - заняться некоммерческой профессией.

Циник однажды заметил, что "человек является успешным, если он может заработать больше денег, чем его жена может потратить". Можно спросить: "А женщина является преуспевающей, если она смогла найти такого мужчину?". Жена берет от мужа не только фамилию, но и темп его мобильности. Однако никто не говорит о домохозяйке как о преуспевающей. Домохозяйка не получает продвижения. Поэтому нет способа измерить ее достижения.

Культурное определение успеха одинаково для женщин и мужчин в американском обществе, если женщина соревнуется с мужчиной в мире работы. Однако здесь существует различие в степени. Расстояние между началом и концом карьеры женщины не должно быть таким большим, как дистанция, пройденная мужчиной. Часто женщина-карьеристка расценивается как преуспевающая при меньших достижениях, так как в целом признается, что она должна преодолевать больше препятствий, конкурируя в мужском мире. Когда женщины садятся на паром карьеры, они должны использовать свою женственность, чтобы пройти вперед, но "прохождение вперед" измеряется в тех же терминах, что и у мужчин. Они конкурируют за вознаграждение, которое дает успех.

Для писателей, музыкантов и других творческих людей деловой и неделовой успех предстают также в виде успеха у публики и критиков. Если романист или композитор со-

ревнуется на рынке за доллары потребителей или их приветствия, он оценивается по способности сделать деньги или достичь общественного признания, славы. Его деловой успех измеряется авторскими гонорарами за книги или пришедшими в офис запросами на его исполнение. Он оценивается по неограниченной частной коммерческой шкале оплаты. Его работа отвечает, прежде всего, на вопрос: "Будет ли это продаваться?", а не на вопрос: "Насколько это хорошо?". С другой стороны, если критерием является вклад в подлинный артистизм или достоинство, его неделовой успех измеряется другой группой показателей - одобрением коллег и уважительной критикой. Он оценивается по ограниченной общественной профессиональной некоммерческой шкале оплаты. Многие артисты и писатели добиваются успеха у публики и одновременно наслаждаются одобрением критики, но суждения о них у публики и критики возникают независимо друг от друга. Поэтому продажа книги не обязательно означает, что она сколько-нибудь хороша. Ибо книга высокого качества не имеет гарантий того, что ее купят.

«Каждый знает, отмечал Джон С. Вандайк в 1908 году, - что успех у широких масс завораживает деньги". Август Б. Холлингшид после изучения маленького городка на Среднем Западе в 1940-х годах говорил: "Будьте уверены, другие культурные факторы входят в картину, но в этой идеологии приобретения, доминирования успеха решающий критерий «социальной стоимости» измеряется в долларах».

Для большинства американцев успех означает успех именно деловой успех. Чтобы сбалансировать наше исследование хотя бы качественно, скажем, что успех будет означать деловой успех на дорожке частной шкалы оплаты, хотя некоторые наблюдения будут иметь отношение и к неделовому успеху.

Мы полагаем, что культурным определением делового успеха является достижение благосостояния, преобразование его в статус или в восхождение к славе. Почему делается упор на статус? Потому что если успех – это движение вверх, то не делание денег запускает человека в движение, а их использование. Америка - это страна социальных альпинистов. "Улучшение самого себя" должно быть социально признано с помощью перевода денег в статус.

Излюбленная сказочка Америки - "от ничтожества к богатству" - рассказывает только часть истории. Прыжок от бедности к богатству также является восхождением от ничтожества к респектабельности. Но преодолеть весь путь гигантским прыжком удается редко. Чаще и медленнее совершается восхождение от городских трущоб к лучшей части города или к подножию холмов развивающегося пригорода, а оттуда, возможно в последующем поколении, к командной высоте. Это процесс перевода от экономической классовой позиции, возникшей из делания денег, в социальную классовую позицию, которая отчасти устанавливается путем их траты. Таким образом, экономическое достижение становится достижением социальным.

Американская статусная система плюралистична. Здесь нет национально признанного титулованного дворянства. В Америке нет городов подобных Парижу или Лондону, которые собирают в себе высшую власть - финансовую, политическую и интеллектуальную. Если Нью-Йорк является финансовой осью и любит думать о себе как о культурном центре, то Вашингтон является национальной столицей и бесспорным политическим центром. Тринадцать колоний, которые объединились вместе в союз, и возникшие вслед за ними тридцать семь штатов не являются провинциями, состоящими в подчинении у центра. Это уважающие себя регионы с глубокой гордостью за свой штат и растущий город. Каждый город или городок конструирует свою собственную статусную структуру. Когда добытчик делает свою пачку денег, маленькую или большую, он переводит ее на язык статуса в своем сообществе. Если он безразличен или глуп для этой догадки, возможно, его жена не такова. Если и муж, и жена не заботятся об этом, их дети вряд ли действительно могут не реагировать на склонность своих сверстников к ранжированию.

Конверсия денег в имущество и имущества в позицию становится все более выраженной по мере того, как человек все выше взбирается по социальной классовой лестнице.

Бедные ценят деньги ради них самих. Средний класс с дискретными доходами использует деньги символично. Вещи являются теперь не просто вещами, а олицетворением чего-то. Крыша над вашей головой становится менее важной, чем городской район и адрес, которые идентифицируют крышу; деньги как сила приобретения становятся пропорционально менее важными, чем престиж занятия, в рамках которого вы их делаете; вечеринка становится не просто событием, а представляет собой стадию в продвижении к социальной цели; экипаж или автомобиль занимают место рядом со многими другими символами достижений; образование является не просто образованием, но демонстрацией социального статуса школы или колледжа; ребенок не только объект для любви и кормления, но и живое продолжение чьих-то стремлений и ценностей.

В подъеме семьи вверх в статусной системе сообщества люди играют критическую роль. Бен Хечт однажды заметил, что "успех требует от нас смены наших друзей по мере их неудач". Есть ли лучший путь для обгона Джонсов, чем идти голова в голову с Браунами, войдя в круг к Смитам? Преимущественно "мягкое" вхождение в круг к "правильным" людям осуществляется через благотворительность. Если благотворительность - достойный путь поиска денег, то парвеню являются живым подарком в поисках благотворительности. Благотворительность - это эксплуатация людьми с более высоким статусом людей с меньшим статусом, чтобы поднять уровень бедных. При этом социальный класс доит экономический класс ради класса, находящегося ниже его.

Преобразование профессиональных достижений в статус представляет собой процедуру продвижения вверх внутри среднего класса. Взойти на вершину верхнего класса означает сменить форму кассовой регистрации Дан&Брадстрит на социальную регистрацию рождений и браков. Старые фамилии и старые деньги становятся критическим элементом. Уолтер Багхот наблюдал, что "владельцы «материальных» знаков отличия жизни... бросаются превозносить тех, кто обладает нематериальными качествами". "Идти голова в голову" означает приобретение нематериальных отличительных признаков вкуса и манер, особенностей поведения и разговора. Это одна из причин, почему лучшие романисты, пишущие об успехе, от Генри Джеймса и Эдит Вартон через Скотта Фитцджеральда до Дж.Маркванда фокусируют внимание не на том, как делать деньги, а на том, как использовать деньги для установления положения в обществе.

Если грехи отцов падают на детей, то то же самое относится к достоинствам их статуса. Успех человека глубже и шире, если его дети или внуки имеют дело и заключают браки с членами высшего класса, чем тот, в котором они родились. Успешным человеком, который знал важность семейных достижений, так же как и индивидуальных достижений, был отец Президента Джона Кеннеди. "С самого начала Джо знал, чего он хочет, - денег и статуса для своей семьи... Он имел чувство прародителя; для него его дети были продолжением его самого".

"Один из центральных элементов жизни, - сказал драматург Артур Миллер, - является ведущая потребность людей определить себя не просто как индивидуумов, но также в рамках функций, которые они могут уважать".

Мы попытались ответить на вопрос "Что есть успех?", но существуют другие вопросы, более интересные и показательные. Какие чувства американцы испытывают по поводу успеха? Что они подразумевают под восхождением к успеху? Почему кто-либо должен стараться быть успешным и как он должен к этому прийти? Является ли делание денег или достижение славы *summum bonum* - высшим благом - жизни? В "Братьях Карамазовых" Достоевского Великий Инквизитор декларирует: "Тайна человеческого существования в том, чтобы не только жить, но и иметь что-то, для чего жить. Без стабильной концепции цели жизни человек не согласился бы продолжать жить...". Либо как говорил Ницше: "Когда однажды человек выяснит "зачем?" он живет, он может позволить "как?" позаботиться о себе".

Далее мы будем исследовать американские популярные представления о том, "как" преуспеть, и о тех "зачем", которые поддерживают это стремление. "Лица всех качеств и

профессий ищут расположения денег, - разливался один из ранних писателей об успехе, - собирание которых, как если бы они были великой Дианой мира, является главной целью, к которой они стремятся во всех своих предприятиях. И поэтому информирование их о том, как они могут поймать эту застенчивую даму и обнять ее своими собственными руками, с неизбежностью должно быть приятным искусством".

Является ли успех "застенчивой дамой" или "сучьей богиней" зависит от того, кто измеряет. Несомненно, многим хотелось бы обнять эту даму и задушить эту суку одновременно. Определенные критики позднее подчеркнут в нашем исследовании импульс "задушить". Теперь же позвольте нам открыть душу стремлению "обнять".

А.С.ПАНАРИН

ЕВРАЗИЙСКАЯ МОДЕЛЬ МОРАЛИ УСПЕХА

Сегодня, в связи с рыночными намерениями российского реформаторства, многие ставят вопрос: возможна ли у нас на массовом уровне "мораль успеха"? Под этим словосочетанием обычно понимается некий вариант "американской мечты" - дерзновенность индивидуального самоутверждения на фоне общей убежденности, что рыночная экономика - открытая система, в которой каждому вновь прибывшему найдется свое место. За этой убежденностью на Западе в свое время стояла и образ нового, молодого мира, еще не подозревающего о том, что экономическую экспансию ожидают пределы, связанные с глобальным кризисом.

Судя по типичным представителям "морали успеха", у нас она имеет не столько мобилирующий характер, связанный с этикой протестантского усердия, сколько чисто эмансипаторский: в ней чувствуется позиция людей, которым не надо накапливать - им нужно только легализовать то, что уже есть. Ясно, что этот специфический вариант "морали успеха" рожден в условиях номенклатурной приватизации: вчерашней социалистической элите в самом деле не надо ничего накапливать - ей надо только позволить сделать *владением* то, чем она и прежде *распоряжалась* и *пользовалась*.

Возник своеобразный парадокс. Вольнолюбивые шестидесятники мечтали о деполитизации и деидеологизации - освобождении страны от гнета вездесущего партийного жречества. На деле же оказалось, что крушением надзирающей коммунистической "партийности" на деле воспользовалось не общество, а сама партия, руководящий слой которой давно уже тяготился "аскезой" коммунистической идеологии, мешающей легализовать капиталы и соответствующий им образ жизни.

Так возникла своеобразная версия коммунистического либерализма, требующего устранить все то, что мешает этой легализации. Официозный либерализм последовательно антилиберален во всем, что касается попыток общедемократической защиты от монополизма партийных "приватизаторов". Нет антимонопольного законодательства, но есть отпущенные цены; нет доступного банковского кредита, которым могли бы воспользоваться начинающие предприниматели из рядовых, но есть безудержная спекуляция на рынке ценных бумаг; нет инвестиций в отечественное производство, но допущен массивный вывоз капитала за границу.

Общество все более открыто делится на угрюмое большинство пасынков приватизации и жизнерадостное меньшинство номенклатурных носителей "морали успеха". Официозный либерализм в этой связи сетует на неисправимо плохую наследственность "совкового" народа, якобы отвергающего ценности рыночного успеха с позиций общинной "антиэкономической" морали. Номенклатурным приватизаторам при свете дня захватывающим общественное достояние, созидавшееся трудом целых поколений, нужна новая мораль вседозволенности. В культуре и морали им противостоит все то, что сохраняет, сберегает, удерживает. Поэтому в морально-психологическом смысле они последовательно "антиконсервативны" - демонстрируют приверженность откровенному гедонизму. Но это касается и политико-государственной морали. Еще не разрушенные анклавности государственности - все, что способно удерживать порядок, дисциплину, государственные границы - оценивается как опасность, как препятствие для номенклатурного "либерализма", не имеющего массовой социальной базы у себя в стране и потому тяготеющего к идеологии "мондиализма", помогающей беспрепятственно искать опору вовне.

Творческий парадокс неоконсерватизма на Западе состоял в том, что его экономический либерализм, как способ возрождения самостоятельного общества неподопечных граждан, уповал не на крайности эмансипаторства, а на восстановление жесткой самодисциплины.

лины, коренящейся в недрах старой протестантской морали. Экономические либералы в социокультурном смысле были консерваторами и искали опору в соответственно ориентированном "моральном большинстве". Наш номенклатурный либерализм, напротив, может выжить только в разлагающей атмосфере вседозволенности и его гедонистическая "ирония" прямо направлена против отечественного "морального большинства". "Великая криминальная революция" эпохи постсоветской приватизации опирается на "моральную революцию" гедонистической контркультуры, которую Запад в качестве особо токсичной технологии сегодня экспортирует в менее развитые страны, очищая от нее собственное социокультурное пространство.

Для того чтобы понять нынешние успехи этой контркультурной экспансии, надо обратиться к антиномиям российской истории. В свете долговременного исторического опыта все то, что случилось с нами сегодня, выступает как фаза определенного цикла, определяющего судьбу нашей страны. Речь идет о периодическом наступлении смуты как способе сбрасывания тяжкого креста, под которым начинает изнемогать общество. Вероятно, есть такие уровни аскезы, которые не могут существовать в линейном времени, сохраняясь в ослабленной форме ритуала. Может быть, именно такова аскеза русского народа, невыносимая напряженность которой то порождает соблазны смуты, то требует для своего восстановления нового тонизирующего миропасательного мифа, без которого ее почти невозможно выдержать. И.А.Ильин писал в этой связи: "Ни один народ в мире не имел такого бремени и такого задания, как русский народ... И если мы, подчас изнемогая, падаем под бременем нашего креста, то роптать ли нам и хулить ли нам себя в час упадка, или молиться, крепиться и собирать новые силы?"

Первое наше бремя есть *бремя земли* - необъятного, непокорного, разбегающегося пространства...

Второе наше бремя есть бремя *народности* ...: до ста восьмидесяти различных племен и наречий; мы должны были принять и это бремя: не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь; не задушить иноплеменную и инославянскую жизнь, а дать всем жизнь, дыхание и великую родину... мы должны были создать в этих условиях, из этого обилия, в три-четыре века единое великое государство и единую *великую* духовную культуру" (Ильин И.А. О России. М., 1991. с.12-13).

Ясно, что такое бремя в *линейной перспективе* выдерживать невозможно. Даже монотонность благополучной и обеспеченной жизни человеку бывает трудно выносить. Но монотонность предельных напряжений невыносима. Требуется, следовательно, периодический "выход из повседневности" и периодическое обновление сакральных текстов, дающих смысл невыносимому напряжению. Может быть, здесь кроется объяснение прерывно-циклического характера российской истории. Причем механизм кризиса уже описан в историко-политической литературе.

Устойчивость российской государственности базируется на определенном консенсусе в рамках системы служилого государства. Крестьянство соглашалось выносить тяготы подневольного труда до тех пор, пока видело, что дворянский класс несет свою долю тягот, связанных с ратной службой. Всеобщность аскезы являлась основой консенсуса. Закон о вольности дворянства означал "сепаратный" выход этого сословия из служилой системы, что обесмысливало пребывание в ней остальных.

Именно такой социальной асимметричностью, как правило, отличаются процессы вестернизации в России. Соблазну западной эмансипации первыми поддаются верхи общества - они в этом смысле более "информированы". "Облучение" сознания верхних слоев является одним из механизмов вестернизации незападных обществ. Но дестабилизирующий характер этой вестернизации связан с тем, что она выступает как игра с нулевой суммой. Об этом в свое время писал Г.В.Плеханов: "Социальное положение "благородного" сословия изменялось в одну сторону - в сторону Запада, - в то самое время, когда социальное положение "подлых людей" продолжало изменяться в сторону прямо противоположную, - в сторону Востока... Сблизив с Западом высшее сословие и отдалив от него низшее, Петровская

реформа тем самым увеличила недоверие этого последнего ко всему тому, что шло к нам из Европы" (Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. Кн.1. М-Л., 1925. с.118).

Большевизм, устранивший вестернизированный слой в России и по многим показателям отбросивший ее далеко назад, по-своему восстановил консенсус служилого государства. Сталинизм не только вернул крепостничество в деревню; он возродил систему тотальной государственной рекрутчины, подчинив ей и правящую номенклатуру, над которой повис дамоклов меч деспота-вседержителя. При Брежневе этот консенсус уже был нарушен: номенклатура явочным порядком стала утверждать свой новый "неслужилый статус", фактически добившись права на гедонистический образ жизни и гарантий личной неприкосновенности. Нынешняя номенклатурная приватизация стала завершением и конституционно-правовым оформлением этого латентного процесса. Чтобы сделать его необратимым и преодолеть небезопасную цикличность российской политической истории, номенклатура решается сегодня на крайние шаги: на разрушение российской государственности, с одной стороны, основ народной аскетической культуры - с другой. На случай, если все это быстро кончится, заготовлены два запасных варианта: первый - это диктатура (феномен Жириновского), второй - создание на Западе развитой инфраструктуры, обеспечивающей безболезненную эмиграцию компрадорской элиты. В иностранных банках уже осел капитал, вполне достаточный, чтобы обеспечить безбедное существование и детям, и внукам. Водить такси или подметать улицы нашим номенклатурным эмигрантам, в отличие от представителей белой эмиграции, не придется даже в случае самой спешной "эвакуации".

Констатации обескураживающие: слишком много шансов было упущено и во времена хрущевской оттепели, и после 1985 г., и после августа 1991. Удастся ли в ближайшем будущем трансформировать энергию массового недовольства, равно как и горечь поражения в третьей (холодной) мировой войне, в благотворный импульс созидания, восстановления, возрождения? Японцам и немцам после 1945 г. это удалось. Мораль индивидуального успеха выступала у них в превращенной форме коллективного самоутверждения - реванша за поражение во второй мировой войне. Индивидуальное самоутверждение и национальное достоинство оказались неразрывно связаны. У нас сегодня эти процессы существенно рассогласованы. Индивидуальное самоутверждение "новых русских" в значительной степени выступает как своего рода эмиграция из национальной жизни, как разрыв с традициями "советского народа".

Модель вестернизации сегодня уже скомпрометирована в России - по многим причинам. Главная из них та, что проворное племя "новых русских" узурпировало процесс модернизации, приспособив рынок, демократию, приватизацию, плюрализм исключительно к своим нуждам, лишив их того общедемократического потенциала, которым они изначально обладали. Кроме того, нуждаясь в поддержке Запада по причине дефицита такой поддержки в собственной стране, они постоянно демонстрируют на уровне государственной политики готовность идти на далеко идущие уступки в вопросах, затрагивающих жизненно важные интересы России. Запад уже воспользовался эмигрантским комплексом новой российской элиты для далеко идущего наступления по многим геополитическим направлениям. Вестернизация, таким образом, в глазах "низового" сознания отождествляется с компрадорскими играми "новых русских", торгующих национально-государственными интересами.

На Западе индивидуалистический эгоизм в целом всегда оставался в пределах "разумного эгоизма". В экономическом отношении это не давало ему вырождаться в потребительско-гедонистическую форму искателей готового богатства, которое предстоит только перераспределить в свою пользу; в государственно-политическом отношении сохраняло в границах национально-ответственной политики, умеющей постоять за государственные интересы. Сегодня в России сознание "новых русских" дает нам образец декадентствующего индивидуализма, эгоизм которого ни в социально-производственном, ни в национально-государственном измерениях никак нельзя назвать разумным. Перед нами безответственно-эгоистическое сознание, тонус которого поддерживается только расовой неприязнью к собственному народу, да упованием на поддержку Запада, которую готовы оплачивать любой

ценой. Ясно, что этот разрушительный эгоизм не может стать питательной почвой для действительного созидания в стране, так в этом нуждающейся после десятилетий тоталитарных авантюр.

В целом можно констатировать: на путях вестернизации "мораль успеха" в национальном масштабе уже не состоялась. Мощные факторы сопротивления, спровоцированные обстоятельствами социального и национального поражения, будут в ближайшем будущем работать в направлении дистанцирования и от Запада, и от той модели реформирования России, которую навязали правящие "западники". В этих условиях можно ожидать политически оформленной реакции самобытничества и нового изоляционизма. Но, оценивая интеллектуально-организационный потенциал нынешних носителей "самобытного сознания", можно утверждать, что доминантным течением в современной России они стать не в состоянии.

Цивилизационная логика современности, вероятно, будет вести нас в другом направлении: от Атлантики к Тихому океану, где формируется мощный, наиболее динамичный центр мирового развития, по своим традициям и тенденциям существенно отличающийся от атлантического, а по некоторым критериям способный выступать и в качестве прямой альтернативы прежней европоцентричной модели. В русской культурной и политической традиции этот посттрадиционалистский, связанный с сибирским и дальневосточным первопроездом "ориентализм" издавна служил в качестве разумного противовеса эмансипаторско-гедонистическому комплексу столичной культуры, особо подверженной западническому эпигонству.

Я не сомневаюсь, что в ответ на крайности правящего западничества и его во многом компрадорскую политику в российском национальном сознании, а со временем и во внутренней, и в международной политике будут усиливаться стремления к тихоокеанскому региону и поиски своеобразной "тихоокеанской идентичности" России на цивилизационном уровне. Этот путь не обременен обескураживающим грузом новейших западных ошибок и свободен от негативных ассоциаций, связанных с горечью поражения (ведь именно от Запада Россия потерпела поражение в последней "холодной" войне). К тому же именно на этом пути Россия имеет шанс сохранить свое место в Евразии в качестве стержня того союза народов, центром которого она столько столетий была. Идя на Запад, она сужает свое геополитическое пространство, вытесняясь из Евразии. Идя к Тихому океану, она подтверждает свое присутствие в своей традиционной цивилизационной и экономической нише, наполняя его новым смыслом и содержанием.

В заключение стоит уточнить несколько моментов, относящихся к новой - "*евразийской*", альтернативной западническому эпигонству, разновидности "морали успеха". Мне представляется, что поиски такой альтернативы в некотором существенном пункте совпадают с тем, что открыл лауреат Нобелевской премии Г.Беккер в области "человеческого капитала". Дрейф на Запад для России до сих пор оборачивался своего рода вытеснением национальной социокультурной энергетики энергетикой "технического человека", обреченного получать импульсы извне. Эпигонство вестернизации и потеря идентичности насаждали особые типы экзистенциально неподлинных, стилизуемых личностей с крайне неустойчивым типом мышления и поведения, способных только на мимезис и мимирию.

Между тем, возрастание роли социокультурного и морально-психологического факторов в современном цивилизационном процессе заставляет совершенно иначе посмотреть на культурное наследие. С позиций модернизации, отождествляемой с вестернизацией, оно рассматривается в основном как помеха, снижающая адаптивно-имитационные возможности стран-реципиентов западного опыта. Этим в значительной мере и объясняется усердие корчевателей национального наследия, мечтающих привести национальное сознание в состояние "чистой доски" (*tabula rasa*), на которой миссионеры передовой цивилизации начертывают свои новые письмена. Однако в свете концепции постиндустриального общества опыт вестернизаторов приходится оценивать по-другому. По целому ряду критериев обнаруживается, что вестернизаторы ослабляют постиндустриальный потенциал нашей культуры, не-

утомимо преследуя все то, что не соответствует односторонне понятым императивам экономического либерализма. Культура, наука, образование - все те сферы, в которых концентрируется главный потенциал нации, поставлены в условия, предопределяющие их неуклонную деградацию. Прагматика экономического либерализма оказывается прагматикой неразумного эгоизма, не умеющего мыслить в долгосрочной перспективе.

Одну из важнейших проблем в рамках альтернативной модели реформаторства я связываю с формированием российского предпринимателя как творческого типа постэкономической, постиндустриальной эпохи, инициатива которого питается энергетикой духовных импульсов, в том числе и идущих от современного производства. Нам необходимо не отступающее, замыкающееся в гетто национальное сознание, что нам обещает философия самобытничества, а динамичное, открытое как во времени (к будущему), так и в пространстве (к поиску партнеров и союзников). В этом смысле только сублимация импульсов всеобщего духовного производства может нам дать такой тип национального предпринимательства, которое способно и к сохранению национальной идентичности, и к коммуникации с внешним миром.

Над российской историей с давних пор тяготеет роковой раскол мещанства и интеллигенции, не дающий этим группам консолидироваться в единый средний класс – великий стабилизатор общества. Номенклатурный западнический либерализм, обрекая на вымирание экономически "нерентабельные" отрасли - фундаментальную науку, вузовское образование, другие формы духовного производства, тем самым готовит почву для нового конфликта между интеллигенцией и новым "мещанством", препятствуя консолидации среднего класса в его цивилизованных, культурно продвинутых формах. Здесь проявляется, может быть, один из наиболее ярких показателей тупиковости номенклатурно-компраторского экономического либерализма, третирующего духовную культуру вообще, национальную духовную культуру в особенности. Национально ориентированный бизнес отличается готовностью инвестировать в национальную экономику (в частности, местную), равно как и понимать значение культуры, отдельные отрасли которой могут быть и не рентабельными в узком рыночном смысле этого слова. Постиндустриальная идентичность связана с культурой (духовным производством), а последняя всегда является "национальной по форме". Это совпадение постиндустриализма с национализмом в высшей степени характерно для динамично развивающихся стран тихоокеанского региона. Экономический рост там понимается как материализация духовной энергетики, связанной с возвышительной логикой самоутверждения, с личным и национальным достоинством.

Нам необходимо соединение национального сознания с цивилизационным движением постиндустриальной эпохи, объединяющим достижения новейших наукоемких отраслей, представителей вузовской и академической науки, высококвалифицированные слои рабочих, тружеников села, сохранивших профессиональную этику. Сегодня эти две стороны разъединены и намеренно заталкиваются в гетто: одна сторона - в гетто изолированного почвенничества, другая - в гетто "антиэкономики", не отвечающей жестким тестам рентабельности. Только соединившись, они создадут мощную вольтовую дугу, которая выжжет шлаки "катастрофы" и высветит настоящую перспективу.

И поскольку цивилизационные сдвиги в России всегда сопровождались топографическими сдвигами ее социокультурного центра, и ожидаемый поворот, я полагаю, ознаменуется обращением России к Тихому океану и соответствующими преобразованиями в системе ее политических приоритетов.

**"УСПЕХ" В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН**

В российском обществе, переживающем далеко не лучшие времена, особо модной стала тема нищеты, горя и отчаяния. Вполне в русле российской традиции о людях, потерпевших жизненный крах, много говорят, им сочувствуют, им стремятся помочь. Справедливо или нет, но факт: о тех, кто добился успеха, кто не утратил веры в будущее, говорят меньше. Человек с позитивным мироощущением, если и появляется на виду, то обязательно в роли обласканного удачей предпринимателя, делящего досуг между одной из европейских столиц и Канарскими островами. Между тем, данные социологических исследований убедительно свидетельствуют: удельный вес тех, кто считает, что уже сейчас он или она находятся в числе добившихся успеха, значительно весомей удельного веса социальной группы предпринимателей.

Таблица 1. Самооценка жизненного успеха (%)

Часто ли Вы добиваетесь успеха в жизни?	Процент
Часто	19,8
Иногда	38,9
Практически никогда	41,3

"Удачники" составляют около пятой части опрошенных. Это немало, но отнюдь не большинство населения. Распределение, существенно отклоняющееся от нормального, позволяет предположить, что есть фактор или факторы, оказывающие на него определенное влияние. Конечно, подобное предположение имеет право на существование только в том случае, если само скошенное распределение не является некоей социокультурной нормой для данного общества. Если такая норма существует, она, как любая другая социальная норма, должна находить выражение в некоторых объективных характеристиках человека. Что же предопределяет самоотнесение человека с группой удачников или неудачников? Согласно результатам Национального центра исследования общественного мнения в США наиболее сильным фактором счастья является уровень благосостояния. Может быть, и в России в условиях складывающегося рынка деньги, богатство стали мерилom жизненного успеха?

Таблица 2. Ощущение жизненного успеха в зависимости от уровня благосостояния, %.

Самооценка уровня благосостояния	Добиваются успеха в жизни		
	Часто	Иногда	Никогда
Живут от зарплаты до зарплаты	17,1	33,9	49,0
На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже вызывает затруднения	16,3	39,2	44,5
В основном хватает и на еду, и на одежду	26,4	42,3	31,4
Покупка большинства вещей не вызывает затруднения	30,4	45,8	24,2
Может ни в чем себе не отказывать	42,1	31,5	26,4

Как видно из таблицы 2, некоторое влияние уровня благосостояния на чувство успеха действительно существует. Однако степень этого влияния невелика, намного ниже, чем в США. В группе тех, кто едва сводит концы с концами, около 17% часто, а 34% иногда относят себя к категории тех, кто добился успеха. Подобный факт позволяет предположить, что само понятие успеха по-разному трактуется в России и США. Вероятно, и в самом российском обществе разные социальные группы оценивают успех, исходя из разных критериев. Чтобы проверить эту гипотезу, приглядимся повнимательней к тем, кто, существуя на грани выживания, считают себя "удачниками". Выберем среди опрошенных группу живущих от зарплаты до зарплаты, имеющих затруднения с покупкой одежды и при этом убежденных в том, что добился жизненного успеха. Численность таковых составляет около 10% взрослого населения. Как показало исследование, оба пола представлены в этой группе в том же соотношении, что и в населении в целом. Распределение по уровню образования также не отличается от обычного.

Таблица 3. Образовательный уровень бедняков, считающих себя добившимися успеха, в сравнении с образовательным уровнем всего взрослого населения, %

Уровень образования	Взрослое население	«Удачники»
Незаконченное среднее	24,2	19,9
Среднее общее	27,2	35,1
Среднее специальное	23,0	22,4
Незаконченное высшее	4,7	2,6
Высшее	20,9	19,4

Как видно из таблицы 3, в группе бедняков – «удачников» чуть больше людей со средним общим образованием. Однако вряд ли именно в этом кроется ответ на вопрос о том, почему они считают себя добившимися успеха. Еще больше туманит картину распределение респондентов по роду занятости.

Таблица 4. Распределение "удачников" с низким уровнем благосостояния по социальному статусу, %

Социальный статус	Взрослое население	Удачники
Высшие руководители	2,7	1,4
Руководители среднего звена	7,4	11,3
Специалисты с дипломом	15,0	10,6
Служащие-неспециалисты	12,0	10,3
Предприниматели	2,9	1,5
Военные	1,8	1,6
Рабочие высокой квалификации	11,9	13,0
Рабочие низкой и средней квалификации	13,8	17,1
Колхозники высокой квалификации	1,5	2,6
Колхозники низкой и средней квалификации	2,3	5,2
Учащиеся средних специальных заведений	1,1	2,6
Студенты	3,1	2,1
Пенсионеры	17,3	11,7
Безработные	2,7	3,0

Наиболее высока в группе "удачников" доля промышленных рабочих. Руководителей среднего звена в ней несколько больше, а специалистов несколько меньше, чем в совокупности. Чуть меньше в ней и пенсионеров. Не оказывает сколь-нибудь заметного влияния на социальное самочувствие респондента и такая переменная как место проживания. (Табл.5)

Таблица 5. Место проживания бедняков – «удачников» с низким уровнем благосостояния, %

Место проживания	Взрослое население	«Удачники»
Крупный город	29,0	31,4
Средний город	26,7	22,9
Малый город	18,0	21,0
Село	26,3	24,6

Среди "удачников" чуть больший удельный вес составляет группа проживающих в крупных и малых городах и, соответственно, чуть меньше проживающих в средних городах и на селе. Однако уровень названных различий незначителен и не позволяет адекватно объяснить различия в социальном самочувствии. То же самое относится и к другим переменным, отражающим состояние социальной структуры. Иное дело - динамика жизненных возможностей человека. "Удачники" оценивают ее более определенно, чем население в целом. (Табл. 6)

Таблица 6. Самооценка изменений в жизни за последний год, %

Изменилась ли Ваша жизнь к лучшему за последний год?	Взрослое население	«Удачники»
Стала гораздо лучше	2,0	2,0
Стала немного лучше	0,8	14,3
Осталась такой же, как была	31,5	35,8
Стала немного хуже	26,5	18,4
Стала гораздо хуже	23,4	31,8
Затрудняюсь ответить	1,5	2,0

Среди «удачников» значительно больше тех, кто констатирует положительные изменения в своей жизни за последний год. Среди них больше и тех, кто считает, что жизнь за этот период не изменилась. С другой стороны, среди «удачников» больше и респондентов, указывающих на резкое ухудшение жизни. Иными словами, «удачники» более определенны и поляризованы в оценке собственной жизни, чем среднестатистические группы. Когда же речь заходит о конкретных изменениях, касающихся отдельных сторон жизни, "удачники" оценивают их несколько не лучше, а часто и хуже населения в целом за исключением одного момента: они чаще констатируют улучшение своих возможностей для заработков (Таб.7).

Таблица 7. Самооценка «удачниками» возможностей для заработка, %

«Как изменились Ваши возможности заработка?»	Взрослое население	«Удачники»
Стали лучше	12,8	19,9
Остались такими же, как и раньше	39,9	33,0
Стали хуже	41,8	44,0

Но и в этом случае доля указавших на улучшение возможностей для заработков среди «удачников» лишь ненамного больше, чем в населении в среднем. Больше среди них и утверждающих, что возможностей для заработков стали хуже. Иными словами, и в оценках своих возможностей заработать «удачники» более дифференцированы, чем население в целом.

Таким образом, ни одна из переменных, описывающих положение человека в системе социальных системе координат, не является определяющим фактором вариации социального самочувствия. Можно предположить, что принадлежность к "удачникам" или "неудачникам" определяется характеристиками самого сознания, социокультурными стереотипами восприятия действительности. Анализ структуры идентичности "удачников" по меньшей мере, дает основания для дальнейшей разработки этой гипотезы. (Табл.8).

Таблица 8. Структуры идентичности малоимущих "удачников", факторные нагрузки

Признаки идентификации	Фактор 1	Фактор 2	Фактор3
Нация	.69		
Коллеги		.64	
Политические единомышленники	.59		
«Селф-мейд»			-.50
СНГ	.59		
Поколение		.55	
Человечество	.53		
Советский народ	.50		
Профессиональное сообщество	.55	.63	
Единомышленники	.68		
Оптимисты	.62		
Семья			.61
Россияне	.73		
Класс	.81		
«Не высовывающиеся»	.74		
«Отчужденные»	.54		

Каждый фактор - это определенный тип идентичности. Чем выше значение переменной в структуре фактора, тем весомей она в данном типе сознания.

Первый фактор - самый влиятельный из трех. Он покрывает около 31% дисперсии. Его особенностью является внутренняя противоречивость. С одной стороны, он демонстрирует острое ощущение близости с теми, кто находится на той же ступени социальной лестницы. Реже человек ощущает свою близость с людьми той же, что и он, национальности. Ему импонируют люди с таким же, как и у него, образом мысли, с тем же мировоззрением, со схожими политическими взглядами. Может быть, поэтому он часто ощущает свою близость с гражданами государств СНГ, равно как и такой ностальгической категорией, как "советский народ". Важна для него и новая социальная общность - россияне.

Однако при всей своей мировоззренческой и политической ангажированности это тип пассивен по отношению к окружающему миру. Он - созерцатель происходящего, предпочитающий по возможности не высовываться; убежден, что от его действий почти ничего не зависит. Главное в жизни - везенье. Успеха добиваются те, кому улыбнулась удача. В целом он оптимист и надеется, что при всех прочих равных, жизнь вывезет на столбовую дорожку стабильности и порядка.

Если обобщить его жизненное кредо, то оно заключается в выживании, выживании любой ценой. А если выживание есть главная цель его жизни, то и жизненный успех он трактует соответственно как способность и далее вести борьбу с тяжкими жизненными обстоятельствами.

Второй фактор (10% дисперсии) - это тип человека, чья идентичность сконцентрирована, прежде всего, на профессиональной сфере, социальной близости с коллегами по работе. Успех для него заключается не только и не столько деньги, сколько в продвижении вверх по лестнице профессионального совершенства.

Третий фактор (8% дисперсии) складывается из двух компонентов - семьи и способности самостоятельно бороться с возникающими в жизни сложностями. Для человека этого типа успех - это способность самостоятельно стоять на ногах и обеспечивать свою семью.

Отмеченные названные факторы выявлены в группе "удачников", входящих в две наименее обеспеченные страты российского общества.

А теперь проанализируем две «верхние», состоятельные страты. Критерием состоятельности является в данном случае способность без особых затруднений приобретать предметы длительного пользования. Доля состоятельной прослойки составляет на сегодняшний день около 6% населения России. Факторный анализ структуры идентичности данной группы выявил один сильный фактор, охватывающий 42.9% дисперсии. Внутри фактора определилась целая совокупность переменных, имеющих одинаковые веса. Чтобы ранжировать их по степени корреляции с фактором, было произведено вращение матрицы по методу "direct oblimin". (Табл.9)

Таблица 9. Структура идентичности состоятельных слоев населения, факторные нагрузки.

Признак идентификации	Фактор 1
Нация	.66
Коллеги	.48
Политические единомышленники	
профессионамейд»	
СНГ	
Поколение	
Человечество	
Советский народ	
«Удачники»	.28
Единомышленники	
Земляки	.34
Оптимисты	
Семья	
Россияне	.40
Класс	.30
«Не высывающиеся»	
«Отчужденные»	.34

Среди всех переменных, описывающих данную идентичность, наиболее устойчиво коррелирует с главным фактором нация. На втором месте сослуживцы, коллеги по работе. На третьем - россияне - еще одно свидетельство растущего национализма российской элиты. Степень идентификации с локальной общностью и теми, кто не управляет ходом событий, примерно одинакова. Чуть слабее идентификация с группой "удачников" и собственной социальной группой. Слаба ориентация на политических единомышленников, слабее, чем в группе малоимущих, выражено желание не высываться. Нетрудно видеть, что в факторе одновременно присутствуют как интегрирующие, так и изолирующие идентифи-

каты. С одной стороны, нация - интегрирующий момент, с другой - класс и профессиональная группа как способ выражения отличий. Осознание собственной удачи тесно коррелирует как с первым признаком идентичности, так и со вторым. А что же общество в целом? Здесь иная система координат.

Таблица 10. Структура социальной идентификации, факторные нагрузки

Признаки идентичности	Фактор 1	Фактор 2
Нация		-.58
Коллеги		-.76
Политические единомышленники	.62	
«Селф-мейд»	.63	
СНГ	.79	
Поколение		-.82
Человечество	.85	
Советский народ	.70	
Профессиональная группа		.70
Люди одного мировоззрения	.62	
«Удачники»	.70	
Оптимисты	.64	
Земляки		-.64
Семья		-.83
Россияне	.63	
Класс	.50	
«Те, кто не высовывается»	.68	
«Отчужденные»	.64	

В первом факторе причудливо переплетаются стереотипы мышления, свойственные как прошлой, так и современной эпохе. Сильна ориентация на СНГ и "советский народ". Но еще более сильна ориентация на человечество в целом. С одной стороны, доминирует желание не высовываться, ощущение того, что в этом быстро меняющемся мире "один в поле не воин". Но уже набирает силу убежденность в том, что собственную судьбу надо делать самому и только в этом случае можно надеяться на успех. В этом факторе весома ориентация на класс, но социальная ограниченность, связанная с классовой идентификацией, нейтрализуется общим оптимистичным настроением и ориентацией на более широкие общности, например, такие, как россияне.

Второй фактор ориентирован в основном на "местную", локальную группу ценностей. В нем доминирует признак «нация», но не он самый сильный. Сильнее всего ориентация на семью, поколение и на профессиональную группу. Для данного фактора достаточно актуальной является ориентация на региональные сообщества - жителей города, поселка, деревни, в которой живет респондент. При этом в факторе 2 напрочь отсутствует самоотнесение с теми, кто добился жизненного успеха. Иными словами, ориентация на малые и профессиональные группы, равно как и ориентация на поколение весьма слабо коррелирует с понятием «успех».

Итак, в широком социальном контексте «успех» - это своеобразная эквилибристика между двумя мирами - миром настоящего с присущим ему акцентом на глобальность, самодостаточность, Россию как новую общность и миром прошлого, воплощенном в таких идентификационных категориях, как "советский народ", "те, кто предпочитает не высовываться" и "те, от кого ничего не зависит".

Понятие "успех", разделяемое обществом в целом, не вполне совпадает с понятием "успех", характерным как для малоимущих, так и состоятельных слоев населения. Там мас-

штабы и содержание успеха иные, социально обусловленные. В локальном контексте успех тесно связан с классовыми и профессиональными характеристиками жизни индивида при одновременной утрате ориентации на человечество в целом.

Анализируя различия между общей и частной интерпретацией понятия "успех", можно констатировать: в нем постепенно обозначается глубокий разрыв между "верхами" и "низами" общества, между обществом в целом и отдельными социальными группами. Менталитет большинства людей все больше определяется стратегией выживания, традиционной для российского общества и уже поэтому формируемой на основе исторически и культурно обусловленных стереотипов.

ПАРАДОКСЫ МАССОВОГО "ЛИБЕРАЛЬНОГО" СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Россия всегда развивалась органически, по своей логике. Если смотреть на ее развитие из другой культуры, то оно может показаться неестественным, даже механическим. Но на самом деле, как заметил в свое время Михаил Гефтер, в этой механической логике есть органика.

С другой стороны, в признании этого факта нет фатализма, потому что в каждой точке истории, особенно в поворотных точках, эта "предопределенность" осуществляется как реальный выбор реальных людей.

Правда, когда мы рассуждаем о прошлом, мы в какой-то степени обречены на его фаталистическое истолкование. Прошлое состоялось таким, каким оно состоялось. И еще никому не удалось доказать, что оно могло пойти по альтернативному сценарию. Что касается настоящего, то здесь мы, наоборот, обречены на выбор (самоопределение) среди разных возможностей, как обречены и на неведение того, какая из возможностей реализуется. В этом - весь драматизм истории и неисчерпаемость открываемых ею возможностей. Естественно, что время, которое для нас было временем выбора, покажется будущим историкам столь же фатальным, как нам - время наших предшественников.

Если говорить о сегодняшнем выборе, то в первом и очень грубом приближении можно сказать, что Россия сейчас находится на перепутье между ценностями либерализма и чем-то другим, что еще не проявилось, и, быть может, не имеет даже своего имени. Об этом выборе можно рассуждать умозрительно, а можно нащупать его своеобразие эмпирически. Отдавая себе отчет в несовершенстве второго подхода, попробуем все же зафиксировать некоторые тенденции, так или иначе уже проявившиеся в массовом сознании.

Как бы ни важна была роль элит, судьба либерализма будет решаться в массовых слоях, в толще народной жизни, как любили говаривать совсем недавно. А чтобы лучше понять, как она может решиться, желательно знать не только то, как относятся рабочие, колхозники или, допустим, пенсионеры к тем или иным либеральным и нелиберальным ценностям, но и другое, а именно: что из себя представляет и чем становится либеральная идеология, попадая в массовое сознание сегодняшних россиян? Каковы ее особенности и противоречия? Ведь если этой идеологии суждено распространяться вширь, то формы, которые она примет, вряд ли будут принципиально отличаться от тех, в которых она сегодня существует в сознании сравнительно небольшого, но отнюдь не элитного слоя. Поэтому вопрос о том, каково сегодня массовое либеральное сознание в России, – это одновременно и вопрос о том, каким оно может и не может быть завтра.

Вот почему мы сочли необходимым хотя бы кратко остановиться на особенностях сознания тех людей, которые сами считают свои взгляды либеральными или близкими к таковым. Мы можем сделать это, основываясь на данных Фонда «Общественное мнение», полученных из ответов респондентов на вопрос о доверии представителям идейно-политических течений. С этими данными читатели могут познакомиться в журнале "Полис" (1993, № 4, с. 48). Напомним только, что сознательных сторонников либерализма оказалось немного - всего 4% опрошенных. В дальнейшем мы будем для удобства называть их "либералами", а всех остальных - "нелибералами".

Сразу отметим, что отличия первых от вторых довольно существенны. "Либералы" заметно моложе (здесь почти 2/3 в возрасте до 40 лет, тогда как среди остальных - меньше половины) и образованнее (почти нет людей без среднего образования, между тем как среди "нелибералов" - каждый пятый). Представители интересующей нас группы чаще встречаются в крупных городах: 2/3 из них живут в областных и краевых центрах, включая Москву и Санкт-Петербург, между тем как у "нелибералов" таких не набирается и половины.

Среди "либералов" больше мужчин и меньше женщин, чем среди "нелибералов". Среди них чаще встречаются руководители различных рангов, заметно больше - специали-

стов с высшим образованием (21% против 13% у "нелибералов"), учащихся и студентов (соответственно 13% и 5%) и работающих на частных предприятиях (10% и 5%). Что касается рабочих, колхозников и - особенно - пенсионеров, то их наоборот, меньше.

Отличаются они от остальных и по уровню доходов - правда, не по доле людей с низкими заработками, а по доле сравнительно высокооплачиваемых, которая среди "либералов" значительно больше. Однако на их оценке собственного материального положения это сказывается не очень заметно: хотя в группе "либералов" чаще, чем обычно, встречаются люди, причисляющие себя к богатым или высокообеспеченным, таких здесь все же немного (всего лишь каждый двадцатый). Большинство же считает себя средне - или низкообеспеченными, почти не отличаясь в этом от остальных, а примерно каждый десятый (отличие от остальных опять-таки минимальное) - бедным. Некоторое несовпадение уровня доходов и оценки собственного материального положения у "либералов" объясняется, возможно, их более развитыми, чем у других, потребностями. Если говорить об экономических и политических позициях представителей интересующей нас группы, то их главное отличие от остальных заключается в том, что они значительно лучше относятся ко всему, что связано с реформами и реформаторами - приватизации госсобственности, обеспечению экономической независимости личности от государства; больше среди них и тех, кто ориентируется на Запад и западный тип политического деятеля [1].

Но сами по себе эти факты в лучшем случае свидетельствует лишь о том, что "либералы" дальше остальных отошли от установок и ценностей "традиционно советского" типа личности, и ничего не говорит о том, что именно этим установкам и ценностям противопоставляется. Чтобы это выяснить, посмотрим, как соотносятся в сознании "либералов" и "нелибералов" основные социальные ценности.

Таблица 1. Значимость различных социальных ценностей в сознании «либералов» и «нелибералов», %

Ценности	«либералы»	«нелибералы»
Законность	62	52
Семья	50	46
Свобода	48	31
Безопасность	42	48
Духовность	42	26
Труд	41	43
Прогресс	30	20
Профессионализм	29	14
Достаток	27	38
Собственность	24	12
Справедливость	20	37
Демократия	19	17
Держава	10	14
Равенство	19	15
Достоинство	7	13
Терпимость	6	6

Из таблицы видно, что в сознании "либералов" гораздо быстрее, чем у "нелибералов", происходит не только вытеснение некоторых старых ценностей, но и заполнение освобождающегося «пространства» ценностями новыми. Не только "свобода", но и такие слова-ценности, как "собственность" и "профессионализм" вызывают у "либералов" повышенный по сравнению с "нелибералами", интерес. А более высокий, чем у остальных, рейтинг "духовности" лишней раз подтверждает сказанное выше: духовность отнюдь не воспринимается как альтернатива свободе, наоборот, она вместе со свободой выступает альтернативой "традиционно советским" ценностям.

Это обостренное восприятие духовности косвенно и, на первый взгляд, несколько неожиданно проявляется в отношении к достатку: ценность его в глазах "либералов" заметно ниже, чем у других. Это не значит, что им чужды интересы частной жизни - рейтинг слова "семья" среди них даже выше, чем среди "нелибералов". Дело, очевидно, в том, что индивидуальная свобода, защищенность частной жизни от вмешательства государства, духовность - это для них, прежде всего идеологические символы, с помощью которых они не только отталкиваются от ценностей прежней системы, но и фиксируют для себя (а быть может, и для других) принципиальное бескорыстие этого отталкивания, его высокий идеализм, чуждый соображениям собственного благополучия. Говоря иначе, идея частной жизни отделяется от идеи личной выгоды.

Эту повышенную идеологизированность сознания "либералов" надо обязательно иметь в виду, пытаясь представить себе перспективы либерализма в нашей стране. Пока он крайне абстрактен и очень слабо укоренен в той самой частной жизни и частной собственности, которые ставятся им во главу угла на идеологическом уровне. Но зато у нас есть теперь все основания утверждать, что гипотеза о внеэкономической, преимущественно культурно-духовной природе либерального сознания в посткоммунистической России небеспочвенна.

Вместе с тем, на идеологическом уровне "либералами" гораздо лучше, чем другими, освоена идея частного права: более высокий рейтинг "законности" в данном случае - не просто реакция на распад и хаос беззакония, нередко сопровождающаяся ностальгическими воспоминаниями об ушедшем порядке, а идеологическая заявка на ускорение трансформации старого порядка в новый и ее закрепление в либеральной законности. Поэтому, скажем, в их сознании, в отличие от "нелибералов", почти не просматривается разрыв между требованиями "жесткого исполнения законов" (70%) и "обеспечения гарантий владения частной собственностью" (61%).

В данном отношении "либералы" сближаются с представителями нового хозяйственного уклада, но, в отличие от последних, идея частного права не укоренена в их частных интересах и в их непосредственной деятельности. Тут они не поминают не столько предпринимателей и фермеров, сколько учащихся и студентов с их чисто возрастным культом новизны.

На предпринимателей "либералы" похожи в другом - в отношении к понятию "собственность". В обоих случаях его рейтинг, хотя и заметно выше, чем среди населения в целом, но далеко не так высок, как можно было бы предположить. У предпринимателей это, скорее всего, связано с тем, что собственность у них уже есть, и перед ними стоят задачи ее защиты и приумножения. "Либералы" же, как правило, лишены собственности. И если ее ценность актуализирована в сознании лишь каждого четвертого из них, значит, остальные собственниками становиться не собираются. Поэтому когда большинство из них, подобно предпринимателям и фермерам, выступает против ущемления прав собственников и за твердые гарантии неприкосновенности собственности, они тем самым выражают идеологическую солидарность с ее владельцами, надеясь, очевидно, что социально-экономическое и правовое утверждение последних вполне соответствует и их, "либералов", интересам.

Короче говоря, они не жертвуют своими интересами, а как бы идеологически авансируют тех, кто, по их мнению, удовлетворит эти интересы лучше, чем государство. В то же время их воодушевление поддерживается тем, что в своих глазах они предстают озабоченными не своим или чьим-то частным благом, а благом всех. Однако тут не должно быть иллюзий: повышенная озабоченность защитой и приращением чужой собственности при пониженном внимании к собственному достатку может быть лишь временной; подобная идеализация перемен может продолжаться лишь до тех пор, пока сохраняется (или хотя бы ощущается) угроза реставрации старого хозяйственного и жизненного уклада.

Показательно и отношение "либералов" к справедливости. Оно точно такое же, как у предпринимателей. Эта ценность актуализирована у тех и других чрезвычайно слабо, и если вспомнить о том, что без и вне справедливости нет и либерализма, то вывод может быть один: люди, больше других симпатизирующие этому политико-идеологическому течению,

должны интересовать нас не просто как некий либеральный авангард, который хорошо бы увеличить, а, прежде всего как группа, в которой наиболее рельефно не столько проявляются нынешние противоречия, сколько предвосхищаются столкновения ценностей завтрашнего и послезавтрашнего дня.

Почему предприниматели дистанцируются от идеи справедливости: очевидно, она символизирует в их глазах тот жизненный уклад, в котором "справедливое" перераспределение было несовместимо ни с идеей свободы, ни с идеей частной собственности. "Либералы" в этом отношении опять-таки выражают лишь идеологическую солидарность с представителями частного бизнеса, полагая, разумеется, что выступают от имени всех или подавляющего большинства. Но у них, в отличие от предпринимателей, слабая актуализация идеи справедливости может быть лишь такой же временной, как и слабая актуализация ценности достатка [2].

В глазах "либералов" справедливость - это та ценность, на которой держалась старая система. Однако далее будет показано, что они понимают ее вовсе не в традиционном советском духе, а принципиально иначе: не как перераспределение в условиях государственной собственности, но как такое перераспределение, вектор которого направлен от собственника к несобственнику. И к такому перераспределению они относятся более чем благосклонно.

А это, в свою очередь, означает, что их незаинтересованное отношение к справедливости как таковой исходит не только от отторжения прошлого, но и от невыявленности запроса к будущему. По мере же превращения будущего в настоящее, т.е. по мере того, как собственники будут приближаться к рычагам реальной экономической и политической власти, будет меняться и отношение "либералов" к справедливости "вообще". Тогда-то и выяснится, что они, в лучшем случае, лишь кажутся приверженцами "экономического либерализма", на самом же деле они могут принять лишь либерализм "социальный".

Впрочем, тогда может обнаружиться и нечто другое, а именно то, что идеологический энтузиазм по поводу либерализма способен в определенных обстоятельствах стать доминантой сознания совсем не либерального.

Обратим внимание на почти нулевой рейтинг терпимости в этой среде - он точно такой же, как среди "нелибералов". Возможно, терпимость не актуализируется лишь потому, что пока не сведены счеты с прошлым, пока новая реальность не утвердилась и не упрочилась, эта ценность не воспринимается как важная. Но если она не воспринимается так сейчас, то где гарантия, что будет воспринята потом, когда противоречия интересов станут более резкими и отчетливыми?

Но и это еще не все. Удивительно, но, как говорится, факт: наши "либералы" не придают никакого значения такой ценности, как достоинство: тут они еще меньшие либералы, чем все остальные. Как же могут, однако, совмещаться культ свободы, духовности, пренебрежения достатком с равнодушием к личному достоинству?

Очевидно, мы сталкиваемся здесь с подмеченной еще авторами "Вех" особенностью идеологизированного сознания, для которого характерна концентрация внимания на внешних обстоятельствах существования (экономических, политических, идеологических) и необходимости их изменения при отсутствии интереса к личности, ее внутреннему состоянию и качеству. Во времена "Вех" этот пафос "переделки мира" был направлен, в основном, против либерализма. Сейчас - наоборот, против тех, кто не приемлет либерализм. Но суть одна и та же: идеологическое растворение личности в обстоятельствах. Интересно, что тут даже такое личное качество, как духовность, способно объективироваться и превратиться в одно из тех полезных "обстоятельств", которые должны прийти на смену обстоятельствам "вредным".

Но люди, симпатизирующие либералам (или считающие себя либералами), интересны все же не только этим. На их примере хорошо видны противоречия зарождающегося в обществе либерального сознания, где повышенная идеологизированность (в смысле отталкивания от советской системы) совмещается с повышенной рационалистичностью, о чем можно судить, в частности, по достаточно высокому рейтингу слова "профессионализм".

Вопрос, однако, в том, что за этим стоит: реальная готовность и способность к рациональным отношениям и рациональной деятельности даже при отсутствии для этого необходимых условий или перед нами опять-таки лишь идеология рационализма?

Материал, которым мы располагаем, не дает оснований для сколько-нибудь определенного ответа. Но у нас достаточно данных для того, чтобы усомниться в укорененности и практической ориентированности этого рационализма. Дело в том, что слабая укорененность декларируемых новых ценностей должна неизбежно проявиться, во-первых, в невытесненности наиболее фундаментальных ценностей отвергаемого прошлого, а во-вторых, в разочаровании в тех ценностях, содержание которых успело хотя бы частично проявиться в жизни. В нашем случае и то, и другое - налицо.

Так, обращает на себя внимание высокий рейтинг среди "либералов" слова "труд" (он почти такой же, как среди "нелибералов") и низкий - слова "демократия" (опять-таки такой же, как у "нелибералов"). Восприятие труда показывает, что представители интересующей нас группы не так далеко ушли от прошлого, как можно было бы полагать на основании некоторых их идеологических представлений (труд "вообще" ценится явно выше, чем, скажем, "собственность" или тот же "профессионализм"). Что касается не очень заинтересованного отношения к демократии, то это, скорее всего, говорит о том, что "либералы", пребывая в разреженном пространстве между прошлым и будущим и не обретя настоящего, способны быстро разочаровываться в идеях, которые, соприкасаясь с жизнью, ожидаемых результатов не приносят.

Таким образом, в отношении к демократии между "либералами", связывающими свои надежды с частным сектором, и представителями самого этого сектора уже сейчас наблюдаются существенные расхождения. Не возникнут ли по мере укрепления частнособственнического уклада такие же расхождения и в других вопросах?

Не исключено, что уже сейчас "либералы" испытывают внутренний дискомфорт. Скорость расставания с прошлым обычно соответствует ожидаемой скорости приближения будущего. И если будущее запаздывает, то начинается, не может не начаться, поиск чего-то, что могло бы компенсировать это порождающее дискомфорт отставание жизни от идеологии. После того, что мы уже узнали о "либералах", вряд ли можно сомневаться в том, что компенсацию они должны искать только идеологическую. Какую же идеологию могут они призвать себе на помощь?

Мы не знаем, подтвердятся ли данные, которые мы сейчас приведем, последующими опросами. Но если они не случайны, значит, наши отечественные "либералы" опережают прочих граждан не только по части приверженности идеалам свободы и обостренности восприятия всего того, что выглядит в их глазах несвободой. Они опережают всех остальных и в другом: ни у кого идея свободы не располагается в сознании так близко с идеей национальной, этнической [3]. Вот как это выглядит в ответах на один из вопросов анкеты. (Таблица 2).

Таблица 2 "Либералы" и "нелибералы" о политике России в области международных отношений, %

На что, в первую очередь, должна быть, по Вашему мнению, ориентирована национальная политика России?	«либералы»	«нелибералы»
На защиту прав человека независимо от национальности	52	66
На защиту русских в России	30	16
На защиту русских, проживающих в республиках бывшего Союза	12	10
На защиту национальных меньшинств независимо от национальности	3	3
Затрудняюсь ответить	3	5

Как бы ни были выразительны эти данные, мы бы не спешили, однако, зачислять почти половину наших "либералов" в разряд реальных или потенциальных "жириновцев": какого-то особого интереса к ЛДПР и ее лидеру они во время опроса не обнаружили, а по своим основным характеристикам (уровень образования, квалификация и т.д.) они заметно отличаются от избирателей этой партии.

Воздержались бы мы и от утверждений типа того, что люди, из всех политико-идеологических течений отдавшие предпочтение либерализму, меньше, чем кто бы то ни было, склонны считаться с фундаментальной либеральной идеей прав человека, отдавая предпочтение правам представителей определенной национальности. Воздержимся от этого хотя бы потому, что среди "либералов" заметно больше, чем среди "нелибералов", доля тех, кто выступает за пресечение дискриминации по национальному признаку, и, наоборот, меньше доля призывающих очистить Россию от инородцев (при всем том, что и в общей массе населения таких людей не очень много).

Почему же тогда многие "либералы" выступают за преимущественное внимание к проблемам русских? Очевидно, они склонны считать, что именно права русских - по сравнению с правами других народов России - ущемляются в ходе проводимых реформ. Но если русские "либералы", будучи самыми горячими поборниками проводимых реформ, начинают вспоминать о своей национальности, то это значит, что личный интерес, отодвинутый ими на периферию сознания, растворенный в более сильном желании "светлого будущего" для всех, начинает подавать голос и что одной либеральной идеологии для сохранения исторического оптимизма оказывается уже недостаточно, она нуждается в дополнении другой идеологией, достаточно убедительной, чтобы компенсировать внутренний дискомфорт. Возможно, впрочем, и иное толкование: "либералы" острее других чувствуют неукоренность своего мироощущения в российской реальности и потому испытывают потребность в том, чтобы опереться на реальную силу, будь то реформаторская власть или, "титупная нация", составляющая большинство населения.

Тяготение либерализма к национально-этнической идее - само по себе не новость. И в Европе он в свое время утверждался, обручившись именно с национальной идеей. Но это стоило очень недешево: потрясения, которые Европе пришлось пережить на этом пути, хорошо известны. Можно ли избежать их сегодня?

Если либеральная идея будет искать опору и поддержку в идее этнической - почти наверняка нельзя. Предотвратить же союз этих двух идей можно лишь в том случае, если удастся избежать того варианта либерализма, который изначально доминировал на Западе, т.е. либерализма "экономического". Относительно безболезненное, некатастрофическое развитие мыслимо только в результате освоения опыта "социал-либерализма" XX века. (О различии экономического и социального либерализма см. журнал Полис, 1994, N1).

Возможно ли такое освоение? Готово ли к нему российское общество? Об этом - в следующих номерах нашего Вестника «Этика успеха».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вот лишь некоторые данные. 52% "либералов" считают, что приоритет в экономической политике должен быть отдан частному сектору (среди "нелибералов" таких только 23%), 61% уверены, что государство должно обеспечивать людям лишь условия достижения успеха собственными усилиями, не гарантируя ничего большего (среди "нелибералов" - 38%), лишь 18% из них готовы были во время опроса поддержать требование прежней оппозиции об отставке Б.Ельцина (среди остальных - 32%). 41% "либералов" в качестве идеала политического деятеля назвали современных западных лидеров (у остальных - 24%) и лишь 16% - коммунистических деятелей догорбачевской эпохи (среди остальных - 36%).

2. Интересно, что и у предпринимателей рейтинг достатка ниже, чем в среднем по населению. Тут возможны две причины. Во-первых, достаток может выглядеть следствием

других, более фундаментальных ценностей. Во-вторых, то, что есть, и, как представляется, не может быть утрачено, перестает восприниматься как ценность.

3. В этом отношении их можно сравнить только с теми, кто причисляет себя к "национал-патриотам", которые во всем остальном (отношение к реформам и реформаторам, к западным ценностям и т.п.) представляют полную противоположность "либералам".

Редакторы предложили Отто Лацису откликнуться на проблематику «Вестника» в контексте современной политической жизни. Еще не решив окончательно, принять ли предложение, О. Лацис отметил, что применительно к политике "этика успеха" – понятие "хитрое. Оно напоминает слова В. Ленина о допустимости всех средств для свержения эксплуататорского общества и то, что наглядно показал опыт Октябрьской революции.

Доказательства? В авторском анализе судьбы Ленина и ленинизма, обстоятельно представленных в известной статье О. Лациса в "Известиях". Ниже приводятся фрагменты этого анализа и стенограмма беседы Отто Лациса с редакторами.

О.Р.ЛАЦИС

**ПОБЕДИТЕЛЕЙ СУДЯТ.
ПРОИГРАВШИХ - ТЕМ БОЛЕЕ
(этика отрицательного результата)**

Этичность политического успеха для общества измеряется, прежде всего, ОТДАЛЕННЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ. Если те средства, которые мы использовали, спустя долгое время не подрывают и не уничтожают плоды успеха, то, наверное, он был этичным. Применительно к тем средствам достижения политического успеха, которые использовали большевики, эта "лакмусовая бумага" сработала спустя десятилетия. Первые плоды, добытые тяжелым, соленым потом, были весомыми, внушительны, как например, победа в Отечественной войне и все то, что сделало возможной эту победу - мощная промышленность, армия и т.п. Но отдаленные результаты оказались ядовитыми. Они уничтожили великое государство, которое было создано Октябрем и устояло в войне, но рухнуло потом, отравленное токсинами этих неэтичных, как выяснилось, средств, использованных в самом начале, в первые дни Октября.

В двадцатом столетии Ленин не был уникальным маньяком жестокости. Он был реальным политиком, одним из многих. Современники оценивали реальных политиков не по количеству жестокостей (в чем Ленин уступал некоторым другим), а по степени успешности достижения поставленных целей (в чем он превосходил многих).

Впрочем, политики времен революции и гражданской войны не могут нести ответственность за позднейшие упражнения историков. Сами они (политики) и не пытались скрывать жестокости гражданской войны, понимая, что имеют дело с живыми очевидцами этих жестокостей. Для них было разработано теоретическое оправдание происходящего: "нравственно все, что служит делу революции". Этот ленинский тезис ни для кого не был секретом, более того, его усиленно пропагандировали. Жестокости прежней жизни, особенно мировой войны, из которой революционеры обещали вывести Россию, должны были оправдать в глазах рядовых участников событий эту формулу нравственности. Им предлагалось пожертвовать меньшим числом людей (к тому же - низкосортных людей, эксплуататоров), чтобы спасти большее число тех, кто классово близок. А то, что таким способом не только никого нельзя спасти, но еще многих можно погубить - предстояло узнать гораздо позднее.

Нет, нравственные суждения - ни стародавние, ни сегодняшние – не определяют и не определяют действия политиков и мнения народа. Напротив: сами нравственные суждения определяются политической конъюнктурой и людскими интересами. Пока дело Ленина шло в гору, пока под его знаменами одерживались победы, никто не смел и заикнуться о безнравственности вождя, никто не стал бы и слушать таких разговоров. Массовое разочарование в ленинизме возникло не от прочтения кем-то нескольких архивных бумаг, а от очевидного крушения самого ленинского дела. Крушение это поразило сторонников ленинизма тем сильнее, что подготавливалось исподволь, на фоне долгой череды несомненных побед. По-

беда красных над белыми в гражданской войне, успешное замирение большевиков с разбушевавшимся крестьянским морем благодаря нэпу, стремительная индустриализация, еще более стремительное тотальное обобществление, объявленное торжеством социализма, победа в Великой Отечественной войне, наконец, мощный рывок ракетно-ядерной индустрии и выход в космос с опережением американцев - нужны ли были еще доказательства верности ленинской идеи?

Правда, преступления сталинизма вполне могли бы перевесить любой прогресс на чаше исторических весов, но после победы над гитлеровской агрессией многие не только в СССР, но и на Западе захотели поверить, будто сталинский произвол был необходимой платой за спасение от внешнего врага. А критика сталинизма при Хрущеве придала сталинским преступлениям видимость не характерной для системы ошибки, к тому же уже исправленной.

Увы, именно тогда, когда опаснейшие враги были повержены и страшнейшие тяготы остались позади, страна словно запуталась в вязкой тине - в то самое время, когда остальной мир на Западе и на Востоке стремительно двинулся вперед. Заметим: последнее достижение в приведенном выше перечне исторических побед относится к временам более чем тридцатилетней давности. Казалось, тридцать лет "русского античуда", прозванного позднее застоем, наступили после сорока лет "русского чуда".

На самом деле античуда, как и чуда, не было. Попытки свести развитие России в двадцатом веке к успехам или неудачам в построении социализма были чаще всего самообманом. Под разноцветными одеждами идеологий решалась другая, вполне здравая в своей исходной постановке, задача. В спорах между революционерами и реформистами, монархистами и республиканцами, разными фракциями реформистов (Витте, Столыпин) и разными фракциями революционеров (меньшевики, большевики, эсеры, анархисты) Россия мучительно искала свой путь решения общемировой задачи. Решала очередную (как и при Петре, и при Александре-освободителе) задачу модернизации. На сей раз нужно было найти свой путь перехода к индустриальной цивилизации.

Победил ленинский вариант, особенность которого не в специфической жестокости, за которую его сейчас ругают, и не в социалистическом выборе, за который долго хвалили. Особость ленинского пути тоже не была секретом, про нее все мы тоже "проходили" в школе, привычно не замечая сущности проходимого. Сущность наиболее ясно изложена в хрестоматийной, широко известной статье из знаменитой предсмертной серии: в статье "О нашей революции (По поводу записок Н.Суханова)".

Лаконизм завещательных строк этой серии особенно ясно высветил все, что было намешано в этом незаурядном человеке. Гениальный реализм статьи "О кооперации", беспомощно-трагические предчувствия письма к съезду и статьи об автономизации (по сути, предсказание гибели СССР на другой день после его создания); смешной бюрократический утопизм проектов реорганизации Рабкрина, Госплана и ЦК как замены подлинной демократизации политической системы - все это на виду, об этом писано-переписано. Статья "О нашей революции" оставалась в тени, пока воспринималась как банальное указание пути к общепризнанному успеху. Сейчас, когда мы стали свидетелями общепризнанной неудачи, она заслуживает большего внимания. В истории, как и в естественных науках, отрицательный результат - тоже результат, только более дорогой ценой оплаченный. Его надо как минимум досконально знать.

Суть статьи - обоснование искусственного ускорения общественного прогресса путем перестановки естественного порядка решения исторических задач. Вот квинтэссенция: "Что, если полная безвыходность положения, удесятерив тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах? (...) Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры, то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на

основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы".

Вековой соблазн крупных политиков - спрямление зигзагов естественного пути. Культуры еще нет, но мы вперед власть советскую сделаем, а там и культуру быстренько обустроим. Какая будет власть до культуры и какую культуру такая власть преподнесет России - это в тени. Если отказ от органичного развития позволяет за десяток лет выполнить задачу, на которую другие народы потратили столетие, - почему бы нам не потерпеть десяток лет некоторые неудобства, чтобы выиграть столетие? При чувстве меры и некотором везении выбор исключительного пути действительно оборачивается скорым успехом. Но прочным ли? Только много позднее обнаруживается, что принятые "на время" некоторые неудобства не желают уходить из жизни общества никогда. Раздувшись до размеров раковой опухоли, они способны пожрать все плоды первоначального ускорения.

"Мелкими неудобствами" для России, обеспечившими первоначальное спрямление исторического пути, были прежде всего "плановое хозяйство", освобождавшее от долгих рыночных проб и ошибок, и "диктатура пролетариата" на основе однопартийной системы, освобождавшая от кропотливого постижения всем народом науки демократии. Эти две особенности внеорганического развития потребовали создания особого слоя управляющих, джиласовского «нового класса». И партийно-хозяйственная бюрократия не захотела оставаться лишь средством достижения благих целей для трудящихся - она сделала самое себя целью, самоцелью развития общества. А примерно в шестидесятые годы, когда пришел срок решения следующей цивилизационной задачи - перехода от индустриальной цивилизации к постиндустриальной, бывший механизм ускорения сработал как механизм торможения.

Впрочем, еще до того изрядно переродились и цели, и средства политиков, унаследовавших ленинскую идею. Ленин мечтал осчастливить все человечество, для него Россия была лишь плацдармом мировой революции. Вариант был не столь уж утопическим, Европа была на волосок от его реализации при броске красной конницы к Варшаве в 1920 году. После неудачи этой затеи Сталин поменял местами приоритеты: мировое революционное движение должно было обслуживать державные интересы "отечества трудящихся". Спустя годы брежневская геронтократия, выжав из надрывающейся страны потенциал милитаристского паритета, форсировала движение к глобальным целям. Но теперь уже "интернациональная помощь" (Чехословакии, Афганистану и др.) открыто служила даже не просто державным, а глобальным имперским целям. Тем временем внутри страны защита привилегий правящей бюрократии все более открыто теснила былые ценности социальной защищенности трудящихся.

Убедившись, что сама власть лишь манипулирует социалистической словесностью в корыстных целях, люди все больше разочаровывались в социалистических ценностях. И необычайно легкое расставание с ними большинства населения с началом горбачевской перестройки (которая отнюдь такой цели не ставила) означает только одно: в душе народа вера в эти идеи умерла раньше.

Конечно, смешно навешивать на Ленина, управлявшего страной 5 лет, ответственность за все, происшедшее в последующее семидесятилетие. Столь же нелепа и концепция, объясняющая исторический выбор 150-миллионного народа в начале века лишь кознями кучки невесть откуда взявшихся злодеев-революционеров. В ленинизме Россия нашла то, что искала, и настоящий вопрос для историка: почему она в 1917 году искала именно этого? А подлинный урок для потомков - прежде всего постижение горьких отдаленных последствий внеорганического развития, поначалу столь успешного. И подлинный вопрос современных политиков для самих себя: органичен ли путь, предлагаемый ими России сегодня, или мы опять выстроим нечто скоротечное и недолговечное?

Историческое несчастье России - в том, что ее всегда торопят. Сталин однажды замечательно обмолвился. Докладывая пленуму ЦК об успешном выполнении первого пятилетнего плана (которое, кстати, вовсе не было успешным), он спросил у соратников, надо ли

дальше "подхлестывать и подгонять страну?" То есть подразумевалось, что до того, конечно, надо было подхлестывать и подгонять. Страну!

Мне кажется, слова, которые ищет на исходе века Россия, которые грохочут в каждом нынешнем политическом конфликте, еще более четверти века назад нашел Александр Твардовский:

Я сам дознаюсь, доищусь
До всех моих просчетов.
Я их припомню наизусть, -
Не по готовым нотам.
Мне проку нет, - я сам большой, -
В смешной самозащите.
Не стойте только над душой,
Над ухом не дышите.

Куда там! Не дышат - рычат над ухом. Торопят Россию суперрадикалы, которым подавай со следующего понедельника готовый культурный рынок (что и лет за двадцать успеть бы - неплохо) и законченное гражданское общество (И полвека - не слишком много). А не выдадите к понедельнику - баста, объявляем реформы проваленными и переходим из суперрадикалов в суперконсерваторы. Да сколько их уже и перешло... Депутатские скамьи пестрят радикал-консерваторами, вчера твердившими, что без реформ жить нельзя, а сегодня - что с реформами еще нельзее.

Мы, может быть, сможем лучше понимать сами себя, когда идеологическое понимание Ленина и ленинизма сменится историческим пониманием. Пока до этого далеко. Пока что старое идеологическое понимание (аллилуйское) заменяется новым идеологическим же (анафемой). Проку от этого не будет, потому что Ленин и ленинизм - неотрывная часть российской судьбы в двадцатом веке, нравится нам это или нет.

Рассуждаю ли я о ленинизме с точки зрения СОВРЕМЕННОЙ политики, под углом зрения этики политического успеха наших дней? Конечно, всякое рассуждение об истории вообще современно. Но в анализе судьбы ленинизма я, прежде всего, подразумевал саму историю. Поэтому и имел в виду не непосредственно "урок", какое-то назидание, которое можно извлечь, но точное установление самих фактов истории. Это важно в научном и политическом отношении. Это важно с точки зрения такой существенной вещи, как историческая память. С ленинизмом связано очень многое в нашей истории, в нашей памяти. С ним, собственно, отождествляется путь, пройденный после 17-го года. И рассуждения о Ленине и ленинизме - это рассуждения о нас самих, о нашей прожитой жизни.

Учит ли нас сегодня история ленинской политики? Видимо, не напрасно говорят, что история учит тому, что никого не может ничему научить. Это верно в том смысле, что в общем-то люди очень плохо учатся на чужих ошибках, ошибках других поколений или других народов. К сожалению, это так. Почему-то очень часто все сводится к тому, чтобы учиться уже на своих ошибках - сначала их совершить, потом исправлять. Но, тем не менее, есть опыт ошибок. Есть опыт НАШИХ ошибок - хотя это ошибки прошлого поколения, но не такого уж далекого. Ошибок, которые концентрируются в некоторых ленинских идеях.

Прежде всего, отрицание общечеловеческой этики, утверждение некой специфической пролетарской морали, суть которой упрощенно сводится к тому, что морально все, что хорошо для революции. Оказалось, что такая мораль как раз не хороша для революции. Революция терпит поражение, несет страшные потери еще в виде сталинских преступлений, когда применили такую мораль - ее презрение к многопартийности, к парламентской демократии, к признанию решающей роли большинства и одновременно - защиты прав меньшинства. Все эти атрибуты буржуазной демократии, отброшенные большевиками, очень жестоко отомстили за себя, уничтожив, прежде всего самих большевиков - ленинцев.

Не считаю ли я, что одним из объективных выводов из моего анализа исторических уроков реализации ленинских идей является необходимость отказа от модернизационного ускорения развития нашей страны сегодня?

Еще раз отмечу, что непосредственно этот анализ не был ни на 100, ни даже на 50% подчинен современному политическому приложению. Об ускорении я рассуждал применительно к российской истории: Ленин поторопился, поторопил народ и в этом была одна из причин поражения его же идей, воплощенных в том пути, который он предложил после Октября. Поражения ленинской попытки социализма, я бы так сказал.

Уроки для современной ситуации? Когда я рассуждал о возможности "торопить историю", то критиковал и современные требования ее ускорить - в том смысле, что от реформы требуют каких-то немедленных свершений. Например, чтобы позитивные результаты были достигнуты уже в первые дни после начала гайдаровских рыночных реформ. Сейчас требуют результатов за два года. В свое время один из нынешних критиков - Абалкин, который сегодня говорит: "за два года должны уже быть результаты", огорчил народ, сказав, что на реформы потребуется 10 - 15 лет.

А вообще-то, конечно, мы вынуждены торопиться, потому что если поворот к социализму для России 1917 года был попыткой подхлестнуть историческое развитие, то поворот к рыночным демократическим реформам России современной он давно запоздал.

Экономическая реформа была необходима сразу после Великой отечественной войны. Здесь есть прямая аналогия с НЭПом. Как Ленин совершил возврат от военного коммунизма к рыночной экономике в 21-ом году, так те же законы экономики требовали возврата от военной экономики к рыночной в 45-ом году. Так что в этом смысле реформы запоздали более чем на сорок лет. Что касается политических реформ - восстановления демократии, многопартийности, - то они, конечно, назрели еще раньше, как минимум, после гражданской войны. В этом смысле мы счет историческому запозданию можем вести с ленинских времен. Поэтому здесь некоторое стремление двигаться без задержки не является ускорительством, оно вполне обоснованно и даже отражает попытку возместить некое историческое опоздание.

Тем не менее, есть свой естественный срок. После шестидесяти с лишним лет безрыночной экономики, с нуля, в этой пустыне - с точки зрения рыночной инфраструктуры, рыночной культуры, рыночного менталитета - сразу выстроить рыночную экономику за два года невозможно. Есть некие минимальные сроки. Например, невозможно за такой короткий срок провести полноценную, законченную, всестороннюю приватизацию. Поэтому предъявлять требования к тем, кто делает реформы, надо все-таки в пределах разумного.

А.Ю. СОГОМОНОВ

ТЕКСТ КОРПОРАЦИИ: УСПЕШНОСТЬ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ

Множество новых понятий - неведомых и чуждых для русского уха, зычных и магически звучных, заморских и прочно позабытых старорусских - шквалом ворвались в посткоммунистическое лингвистическое пространство, буквально за считанные годы изменившие привычное речевое журчаниеповседневной болтовни улиц и городского транспорта, теле- и радиопередач.

Характерно, что смысл многих этих, не вполне еще усвоенных понятий, как правило, хорошо известен и имплицирован в опыте доперестроечных времен. Скажем, звучное "аудит" суть всего лишь ревизия бухгалтерских книг и отчетных документов, а "холдинговая компания" - попросту компания-учредитель, то есть владеющая контрольными пакетами акций других компаний. Выясняется, что за столь привлекательным фасадом - "наши опилки". Однако, наряду с разочарованиями в магии ино-звука, происходит и языковая доместификация ино-смысла. Прирученный к лингвистическим экспериментам, россиянин стремится установить свое единовластие над словами, не всегда подвластными ему содержательно. "Приручая", он привыкает к чужеродному созвучию, рутинизирует "харизму" иностранного понятия, прибегая при этом к, пусть даже и морфологически адекватным, но все же словотворческим "играм". Неологические образования типа "налика" и "акционерки" звучат если не исконно по-русски, то, по крайней мере, как давно обрусевшие явления повседневной экономической бытовки. Уменьшительные и ласкательные суффиксы, казалось бы, и сотворены "великим и могучим", дабы справляться с непрекращающимся потоком иностранной лексики, олицетворяющим собой культурную магистраль российской истории. "Обласканное" словечко уже не звучит заимствованием, как бы попирающим честь и достоинство извечно отстающего в модернизации. Оно же превращается в культурную метафору, создавая впечатление, что фонологическое заимствование отнюдь не обязывает к понятийной или (тем более!) референтной строгости. Суффиксы сглаживают шероховатости лексического импорта и неважно при этом, что за словами плетутся длинным шлейфом чужеземный социальный опыт и культурные коннотации. Словам, однако, свойственна власть над миром социальных вещей и людьми, а посему невозможно никакими фонетическими ухищрениями сокрыть или принципиально видоизменить рудиментарный смысл имплицитного свойства.

Глупо в век интернационализации культуры и нового информационного порядка сойти за ретроградного борца за языковую чистоту, готового соображения целесообразности принести в жертву лексическому пуризму. Ну, очевидно же, что в обиходе "аудитом" пользоваться куда проще и рациональнее любого его русифицированного переложения (как известно, "переводишь - искажаешь"), не говоря уже о категориальной емкости, энергично и быстроте в сравнении с "ревизией бухгалтерских книг ..." (всего за раз и не выговоришь). Все было бы ничего, если речь шла исключительно о заимствованиях технических терминов, в конце концов, их судьбой распорядится время. В этом случае мы имели бы дело лишь с социологической рационализацией речевых практик, унифицирующих повседневные миры постмодернистского субъекта.

Но существует иной ряд лексических инноваций (причем, видимо, не столько чисто лексических инноваций, сколько этно-социально-лексических) - инноваций глобального социокультурного значения, то есть в области практического творчества ино-смыслов. Эти заимствования не извлечь из порожденного ими же семантического контекста, который чаще всего не явлен простому восприятию. В отношении них недопустима метафорическая

или метонимическая ("игровая") легкость. Эти понятия - дискурсивны, за ними расположено громадное духовное поле, эксклюзивный текст. Заимствуя подобное понятие, мы, следовательно, привносим с ним - внезапно или постепенно, чаще всего неосознанно - всю свойственную ему дискурсивную специфику, порождая тем самым новый социокультурный конфликт. Следуя логике феноменологической социологии, заимствования технических терминов приводит лишь к изменениям (в среде заимствования) в символизме рудиментарных теоретических положений; заимствования же текстовых (дискурсивных) понятий - к изменениям на уровне символизма эксплицитных теорий, а посему они существенно влияют на социокультурные практики субъекта заимствования.

К числу последних относится понятие "корпорация". За последние пару лет оно успешно конкурирует на символическом рынке российских инноваций, привлекает на свою сторону все большее число сторонников, все более импонирует общественному мнению, да и вообще не режет слух. Анализируя этот процесс, попытаемся понять причины его стремительной популярности и успешной дискурсивной адаптации в посткоммунистическом обществе.

Корпорация - фактор всей истории цивилизации, не имеющий исключительной социоисторической идентификации, хотя каждая эпоха по - своему рефлексировала природу и функции этого феномена (не важно при этом, как он именовался). "Корпорация есть и должна быть творением государства" - эти слова принадлежат малоизвестному позднесредневековому английскому правоведу. В то время лишь король обладал исконно легитимным правом институционализации корпораций. Позднее, в XVIII в., корпорации учреждались Парламентом. В Америке авторы первой декларации о корпорациях (1832 г.) исходили из принципа о переходе королевской легитимности в руки государства. Поэтому вплоть до середины XIX в. создание корпорации было делом долговременным и дорогостоящим именно в силу необходимости специального государственного законодательного акта, делавшего любую корпорацию легальной. Однако именно в течение XIX в. был совершен революционный прорыв в методах организации корпораций. Почти одновременно в Англии и США государственные прерогативы институционализации корпорации были ликвидированы, и с тех пор любая группа свободных индивидов может создать свою корпорацию, заключив между собой договор, чаще известный как установление об объединении. В них фиксировалась лишь самая общая информация о намерениях в активности новой фирмы и ее уставной капитал.

Одной из господствующих является ко н ц е с с и о н а л ь н а я теория корпорации. Концессиональная теория основывается на фундаментальном утверждении о том, что любая корпорация, независимо от ее размеров, самим фактом своего существования обязана государству (правительственному разрешению), даже если она и не является "государственной" по сути, что собственно содержится в корпоративной хартии в виде набора ее специальных привилегий, гарантировать которые может только правительство. Достаточно отчетливо философское обоснование этому находим у Роберта Даля ("Нью Йорк таймс", 31.10.1971): "Абсурдно полагать, что корпорация есть всего лишь предприятие, учрежденное исключительно в целях получения прибыли. Каждый из нас вправе спросить: почему собственно граждане должны посредством своего правительства даровать некоей фирме специальные права, власть, привилегии и защиту - исключительно ли на том основании, что ее активность будет способствовать реализации их целей? Да, корпорации существуют именно потому, что мы позволяем им это". В соответствии с этой теорией, корпорация не есть просто ассоциация людей, а своего рода "искусственная легальная единица" (коллективный субъект), отделенная от своих собственников и управляющих.

Концессиональной теории предлагалась в свое время альтернатива, известная как теория "неотъемлемости", в соответствии с которой корпорации создаются и легально поддерживаются как выражение демократических индивидуальных прав, а именно - права свободы ассоциаций и свободы контракта (договора). Не вдаваясь в детали противоборства этих двух теорий, замечу, что текст (дискурс) корпорации начинает развиваться в том слу-

чае и в тот момент, когда отчетливо формулируется парадокс: акционеры (чаще всего обладающие несколькими акциями той или корпорации), формально владеющие корпорацией, не могут противодействовать узурпации власти внутри корпорации со стороны элиты менеджерского корпуса. Поэтому акционеры оказываются отлученными от контроля над своей же собственностью, в то время как менеджеры контролируют собственность и блага, им не принадлежащие.

Причудливым образом то, что составляет основу легитимационного кризиса эксплицитной теории корпорации в развитом капиталистическом обществе, в посткоммунистическом пространстве может выступить *conditio sine qua non* успешной адаптации "корпорации" как института рыночных отношений.

Очевидно, символически корпорации не укладываются в модель рыночного капитализма Адама Смита. Аргументы Смита в защиту частной собственности и капитализма (то есть того, что он именовал "системой естественной свободы") основывались на трех допущениях, характеризующих типичную деловую фирму: малые размеры фирмы, ее частный владелец (или группа владельцев) инвестирует свои личные сбережения в дело, он же осуществляет прямое управление фирмой, в результате чего выигрыши и неудачи напрямую зависят от личных деловых качеств собственника фирмы. Конечно же, внешне и содержательно корпорации принципиально не соответствуют такому "демократическому" инварианту бизнеса. И кто бы ни возражал *contra*, утверждая, что Смит отнюдь не выступал ни против права использовать или инвестировать капиталы по собственному усмотрению свободного индивида, ни против права ассоциироваться с другими во имя мирных целей на условиях, устраивающих всех членов ассоциации, - на уровне рудиментарных теоретических положений американский и отчасти европейский (индивидуалистический) культурный образец противился и, видимо, будет сопротивляться любому неконцессиональному обоснованию корпоративной легитимности.

Идея о том, что гигантские корпорации утрачивают легитимность, поскольку не являются в подлинном смысле объектами частной собственности, неизбежно порождает вопрос: кто же в самом деле владеет этим новым Левиафаном, кто управляет им, по какому праву и в соответствии с какими принципами?

Переключение этатизированного мышления на осознание частнособственнического интереса, как кажется, оптимизируется (конечно же, кроме всего прочего) именно корпоративным Левиафаном. Гораздо сложнее постсоветскому человеку (если вообще такой антропологический тип онтологичен) оправдать и тем самым согласиться на сосуществование в пространстве, выстроенном по модели Адама Смита, мелкособственнического субъекта, успех которого напрямую зависит от его личных качеств и как бы постоянно бросающего тень на достоинства всех остальных. Он скорее вызовет отторжение в сообществе по-прежнему эгалитаристски и патерналистски настроенных людей. Напротив, квазиэгалитарная дисперсия собственности (через акции), готовность к делегированию менеджерскому корпусу всей полноты прав контроля над собственностью и ресурсами в обмен на патерналистскую заботу о "рядовом акционере" - и есть те черты, унаследованные от прошлых времен, которые, казалось бы, в идеале отвечают потребностям и задачам корпоративного строительства в нашей стране. Концессиональная же легитимность в подобных условиях, в общем-то, и не очень нужна, хотя и никогда не помешает. В соответствии с подобными логическими допущениями "трансформации в рынок", как может показаться, и выстроена политика посткоммунистической экономической реформы: от "простого советского человека" к "рядовому акционеру", от "рядового акционера" к "простому российскому собственнику". И все же не учтенным при всем при этом остается текст корпорации.

"Практически во всех крупных американских корпорациях существует так называемый менеджерский автократизм. Один человек - по-разному именуемый: то как Президент, то как Председатель совета директоров, то проще - как Главный Управляющий - или небольшая группа людей полностью управляют корпорацией. Фактически Президент не избирается советом директоров для ведения дел корпорации, а, наоборот, Президент, Глав-

ный управляющий или административная клика сами подбирают под себя совет директоров и с его согласия контролирует корпорацию (Р. Найдер, М. Грин, Д. Селигмен. "Приручая гигантские корпорации". Нью Йорк, 1976, стр.75-76). Статуты современных корпораций описывают свои структуры в образе пирамиды, у основания которой акционеры, то есть собственники корпораций, промежуточный слой занимает совет директоров, а на вершине - главные управленцы. С точки зрения закона, последние нанимаются на работу к собственникам-акционерам, а их полномочия ограничиваются ответственностью, делегируемой советом директоров. "В действительности, этот легальный образ - совершеннейший миф" (Там же, стр.75). Не так много институтов рыночного (демократического) общества порождают столь конфликтное (в правовом и рациональном смыслах) поле.

Текст корпорации в значительной степени зависит от теоретически ложного предположения о том, что создающим корпорацию необходимо пройти немало установленных государством формальностей для легальной институционализации, в то время как для "полноценного" партнерства достаточно частного соглашения безо всякого государственного посредничества. Из этого возникает впечатление полярной противоположности между "партнерством" и "корпоративностью". Полярность эта, если не надуманна, то, по крайней мере, сильно преувеличена. Однако, тем не менее, семантически текст корпорации, так или иначе, образует вокруг тем "партнерского континуума" и корпоративной аппроксиматичности "демократическому идеалу". Замечу, что XVIII век демонстрирует куда более "демократические" и "партнерские" образцы корпораций, чем нынешнее столетие.

Сжатое проживание периода становления может печально отразиться на судьбе корпоративного строительства в нашей стране и вызвать преждевременное разочарование в корпорациях, как "утрированных слепков государственно-социалистического менеджизма". В этом смысле лидеры нарождающихся корпораций России безальтернативно стоят перед необходимостью культивирования в своих организациях во имя их успеха текста корпорации (опережая в определенном смысле его естественное развертывание), стимулируя корпоративный дискурс и, наконец, формируя уникальное и легко идентифицируемое культурное поле своих корпораций. Принадлежность к тексту (пусть даже и конфликтному) и культурному полю "демократичности" и "партнерства" (не вспоминая об остальной топике), по всей видимости, будет рационализировать не только освоение новой словоформы, но и способствовать аккультурации ино-смыслов и значений. В противном случае, нам никогда так и не удастся констатировать: "Гигантские корпорации влияют на жизнь буквально каждого из нас. Многие люди работают в одной из них, являются вкладчиками во многих других, потребляют продукты деятельности сотен корпораций. Используя капиталы миллионов инвесторов, таланты миллионов работников, гигантские корпорации служат свидетельством способности свободных людей, движимых своекорыстным интересом, включаться в сбалансированное, крупномасштабное, мирное сотрудничество во имя взаимной пользы и обогащения. В результате американцы имеют сегодня жизненный стандарт - беспрецедентный в мировой истории (Р. Гессен. "В защиту корпорации". Стэнфорд, 1979, стр.XI).

Ю.КОЗЛОВ

"УСПЕХИ ЦИВИЛИЗАЦИИ" И "МОГУЩЕСТВО БЕСОВ"- ФОРМУЛА "РУССКОЙ МЕЧТЫ"

Ложь и работа - вечные спутники. Двуликого Януса углядел в капитализме еще Карл Маркс. В сущности, социализм был попыткой исправить экономического Януса: человек должен был трудиться честно, но и платить ему должны были без утайки. Однако Маркс не учел фундаментальной черты справедливости, а именно: где провозглашается справедливость, где она становится государственной экономической политикой, там прекращается жизнь, прекращается развитие, ибо справедливость как нравственная категория самодостаточна и не нуждается в совершенствовании. Грубо говоря, торжество справедливости - Страшный Суд при жизни, конец света, конец пути. Не учел Маркс и фундаментальной особенности лжи, а именно: сделавшись законом жизни, ложь (какую распознал в капитализме Маркс) обнаруживает постепенное движение в сторону справедливости, превращается в ложь с "человеческим лицом".

Реформаторы вроде бы выбирали между концом света и человеческим лицом. Однако в момент выбора как будто неправильно произнесли какое-то слово в заклинании. Отвергаемое и желаемое мистически сместились. Чем далее, тем очевиднее, что отвергаемый как конец света социализм как раз и был ложью с "человеческим лицом", тогда как желаемое капиталистическое "человеческое лицо" все решительнее оборачивается концом если не всего света, то, по крайней мере, одной шестой (восьмой?) его части. Причин тому названо множество. Добавлю две: тлеющая исподволь, но по разрешению сверху вырвавшаяся на газетные и прочие страницы истерика российской интеллигенции, на исходе XX века как-то вдруг "поверившей" в капитализм, точно так же, как в конце XIX - в социализм, и "обида" народа на социализм, обида, я бы сказал, кровная, поскольку внутренне социализм как равенство был и остается близок народу. Обида же на изолгавшегося "своего" - самая горькая и трудно изживаемая, но и чудесным образом, с экстатическими слезами, мистическим очищением вдруг -когда окружающие этого не ждут- совершенно проходящая.

Русский человек всегда остро желал истины и справедливости. И был при этом весьма терпим к любой лжи. Но только не ко лжи о справедливости. Социализм в России проиграл еще и потому, что не сумел дать народу внятную "философию жизни", "формулу успеха", того, что в Америке называется "американской мечтой", в России же "положительным идеалом существования". Идеологи "развитого" забыли (или сознательно проигнорировали) закон о действии-противодействии. Не учли, что на Руси во все времена худо то, что хвалит власть, а что ругает, по всей видимости, - добро. Чужой, далекий, неизвестный капитализм показался ярче, привлекательнее, заманчивее "своего" социализма. Катастрофичность - проклятие русской истории, как будто состоящей из адовых циклов - очарования ложью, мучительным изживанием, перемальванием лжи в себе и - непредсказуемого очарования сверхновой ложью. На сей раз "американской мечтой".

Вобщем-то превращение "американской мечты" в "положительный идеал существования" русского человека на исходе XX века можно рассматривать как победу западников в затянувшемся споре. Спор западников и славянофилов в этом контексте интересен не столько своим - на столетия - растягом, сколько странной открытостью, незавершенностью. Спорили-спорили, писали-писали, но писали как будто на прибрежном песке. Волна - и вновь песок девственно чист. "Чистота" песка, или, если вспомнить Мао Цзе-дуна, белого листа, тем очевиднее, чем неоспоримее победа одной из сторон на государственном уровне. Каждый раз победа оборачивалась крушением как для славянофилов, так и для западников.

Все вдруг шло наперекосяк. Победители словно оказывались в сказочном заколдованном лесу.

Вероятно, лес можно расколдовать, но невозможно исправить ни силой, ни разумным экономическим законом. Только что страна была полна живых энергичных людей, а вот уже и нет никого, путаются под ногами, да еще и огрызаются человекоподобные скоты, не способные к осмысленному труду, не понимающие собственного счастья.

Пройдем, однако, мимо "мессианского" варианта объяснения: потому, мол, незавершенность, что слишком уж широк против европейца русский человек, тесны ему европейские формулы успеха. Где француз или немец кладут (по Бродскому) "конец перспективе", прекращают (по Оккаму) "умножать сущности без необходимости", русский человек только поднимает очи горе, приступает к умножению четырехзначных сущностей. Беда в том, что на протяжении всей своей истории русский народ вырабатывал идеологические формулы, организующие управление государственным пространством, но не формулы, организующие жизнь, достоинство, достаток и духовное благополучие отдельной личности. Триада "самодержавие - православие - народность" в этой связи вполне сопоставима с "ленинизм - коммунизм - мир", а "Боже, царя храни..." с - "XXVI съезду - XXVI ударных недель". Попытка же современных западников экономически и духовно раскрепостить отдельную личность (народ) немедленно привела к экономическому и социальному крушению государства. А когда рушится государство - плохо всем. И внедряемая в общественное сознание "формула успеха", новый положительный идеал начинают претерпевать удивительные превращения. "Преуспеть" - для большинства российских граждан равнозначно соучастию в развале, разграблении государства. "Преуспевшие" - миллионеры, удачливые бизнесмены и т.д. - становятся не объектом восхищения и подражания, а скорее мстительного любопытства: когда его, сердешного, пристрелят? Это, кстати, осознали и сами представители деловой российской элиты. В последнее время их участие в жизни страны почти неощутимо. Они больше не учат нас, как прежде, жизни с экранов телевизоров.

Впрочем, то, что в народном сознании "американская мечта" соединилась с разбоем и развалом российского государства - еще не самое страшное. Народу очевидны нетрудовые источники любых нынешних российских капиталов. Первое, что ушло вместе с социалистическим государством, - социальная жалость к обобщенному человеку. Но и обобщенный человек точно в такой же степени сделался безжалостным по отношению к новому постсоциалистическому государству. Если одряхлевший "развитой" сгубила "макрожалость", нынешний переходный строй вполне может сгубить "макробезжалостность". Ибо хирургически - путем иссечения - покончив с главной язвой социализма - неэффективным производством - реформаторы просмотрели другую, едва ли не более злокачественную и быстротечную язву, а именно: абсолютное соединение в сознании народа понятий "работа" и "ложь", иссечение из обыденной жизни того, на чем стоит государство и общество (капиталистическое даже в большей степени, чем социалистическое) - трудовой морали.

Трудовая мораль, подкрепленная суровым протестантизмом, явилась фундаментом материальной западной цивилизации. Раскинувшаяся на просторах Евразии, сначала православная, а нынче атеистическая Россия не спешит вставать на "материальные рельсы". Меняются общественно-политические формации, но формула "русской мечты" по-прежнему уравнение со многими неизвестными.

Белинский: "Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пие-тизме, а в успехах цивилизации, просвещения и гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их), не молитвы (довольно она твердила их), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства... По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь... Приглядитесь попристальнее, и вы увидите, что это по натуре глубоко атеистический народ".

Гоголь: "Дивись, сын мой, могуществу беса. Он во все силится проникнуть: в наши дела, в наши мысли, и даже в самое вдохновение художника. Бесчисленны будут жертвы

этого адского духа, живущего невидимо, без образа на земле. Это тот черный дух, который врывается к нам даже в минуту самых чистых и святых помышлений".

И по сей день российское сознание разорвано между полюсами "самый атеистичный" и "глубоко религиозный". И по сей день в формуле успеха, "русской мечте", наряду с "успехами цивилизации, просвещения и гуманности" присутствует "могущество беса", чьи жертвы "бесчисленны".

Формула "русской мечты" разделена в себе, то есть как таковая не существует. Нынешние последователи "неистового Виссариона" суеются, щедро раздаривают обещания о грядущем процветании. Их оппоненты, напротив, пребывают в умственном ступоре, не могут сформулировать внятную программу развития страны даже сейчас, когда экономический и духовный кризис в России достиг предельной остроты. Дело тут, конечно же, не в том, что вторые глупее первых. Первые уже сорвали банк. Вторые молчат, потому что, в сущности, им нечего предложить, кроме... все того же государства, в периодический распад и собиранье которого до сих пор вполне укладывалась вся российская история.

Роковая ошибка заложена в саму формулу "русской мечты". В России невозможно исправить жизнь посредством экономических преобразований в силу человеческих (но по достижении власти уже как бы и не человеческих, а демонических - "могущество беса") недостатков тех, кто взялся эти преобразования осуществлять. Исправить же человеческую душу решительно невозможно в силу изначального - со времени изгнания Адама и Евы из рая - несовершенства этой самой души. Душу надо не исправлять, а примирять с миром посредством труда и вознаграждения за труд. Что же касается России, то нельзя однозначно выбрать Белинского или Гоголя, их надо объединить в сознании. Однако отчего-то простейшее это дело, легко дававшееся народам Европы, не заладилось у народа русского. Затянувшаяся "девственность", с одной стороны, может быть, и свидетельствует о некоей гипотетической духовной чистоте, но с другой - о странных изменениях в психике и нервной системе.

"Как бы ни были могучи дарования народного гения и как бы ни были глубоки его откровения, откровения эти бессильны и бесплодны, пока они остаются только мистикой пассивных переживаний. Эта мистика, не воплощающаяся в дело и ожидающая только как дара свыше того нового царства, которое силой берется, легко вырождается в вульгарную мечту о царском богатстве, "о хитрой науке, чтобы можно было ничего не работать, сладко есть и чисто ходить". Мечта эта оказалась сильной в жизни именно оттого, что у нее есть глубокий мистический корень в русской душе. Связь между усыплением народного духа и торжеством воровской утопии совершенно очевидна. Где светлые силы дремлют и грезят, там темные силы действуют и разрушают. И оттого-то современная Россия оказалась в положении человека, которого разворовали в глубоком сне – написал вскоре после Октября 1917 года русский ученый и философ Евгений Трубецкой.

Постсоциалистическая ("веймарская" по А.Янову) Россия со скрипом воспринимает мысль, что экономический и прочий либерализм есть доктрина интеллектуального меньшинства, согласно которой существуют только интересы и точки зрения индивидов. Не готова Россия воспринять и мысль, что политика - всего лишь род предпринимательства, с помощью которого определенные люди стремятся удовлетворить спрос на общественное действие. Пока что это не цели общественного блага, но богатства и личной власти представителей "нового класса". Они - представители - предпочитают общаться с народом языком телевизионной рекламы, в которой неуклюже, грубо, но достаточно зримо просматриваются контуры спускаемой "сверху" "формулы успеха".

Исходя из личных наблюдений, могу констатировать, что едва ли не единственная реклама, находящая отклик в зрителях, - это видеосюжеты, связанные с покупкой и продажей акций АО "МММ". "Игорь и Юлия, молодожены", "Леня Голубков", справивший жене сапоги, "Марина Сергеевна", одинокая женщина, которая никому не верит, и т.д. стали народными героями не из-за каких-то художественных достоинств рекламы, а из-за верно угаданного отношения народа к российскому капитализму - "хитрой науке, чтобы можно

было ничего не работать, сладко есть и чисто ходить". Продал вовремя акции АО "МММ" - и ... ходи.

Такова нынешняя политическая и морально-психологическая ситуация в российском обществе, что, конечно же, не может не оказывать воздействия на молодежь, вернее на ту ее, употребим термин Льва Гумилева, "пассионарную" часть, с которой мы связываем свои надежды на будущее.

В этой связи представляется небезынтересным проанализировать несколько номеров выходявшего в Москве молодежного журнала "Командор" - издания "для российских яппи", как сама редакция определила свою аудиторию. Поясню, яппи - международный термин, означающий в переводе с английского - «молодой городской профессионал».

"И после первой нашей разведывательной акции - заявления о том, что российские яппи (по-простому, молгорпрофы) существуют, - пишет в передовой статье - манифесте русских яппи главный редактор журнала Алексей Кучеренко, - "Командор" нашел неожиданно много подтверждений этому факту. Нет, мы, конечно, всегда верили, что в России пришло время нового поколения - молодых и амбициозных, делающих свое дело вне зависимости от того, что сегодня утром сказал телевизор. Откуда они взялись? Оттуда, откуда мы их и ждали - это люди поколения, которым уже не обещали даже коммунизма. Они прочитали все, что нужно, выучили все, что оказалось ненужным, и встретили новую российскую эпоху с твердым знанием: нет ничего ценнее нас самих. И нашей свободы. А свобода там, где самостоятельность. Поэтому молодые и амбициозные сами, без протекции, занимают места, связанные с ответственностью. Конечно, некоторые черты в яппи могут показаться малопривлекательными. Они, видите ли, эгоисты до мозга костей. Мало того, они еще снобы, пажоны, деспоты для подчиненных, у них узок кругозор и безгранично самомнение... Есть еще очень милые черты, свойственные именно русским яппи. В России, где идеи всегда были сильнее вещей, они самые настоящие идеалисты в своем эгоизме, романтические приверженцы частной собственности. Потому что для того, чтобы хоть что-нибудь сделать в этой стране, мало быть реалистом. Надо быть командором в "панцире железном на незнакомом и зловещем берегу".

Вообще, отношение к России как к "незнакомому зловещему берегу" весьма характерно для мировоззрения русских яппи. Вот что пишет, к примеру, в этом же номере журнала в заметке с характерным названием "Расслабиться и попытаться получить удовольствие" Виталий Емельянов: "За мазохистскими спекуляциями по поводу западного или до тошноты своего пути, которым идет Россия, мало кто вспоминает о ее емкой психофизиологической характеристике, данной Н.А.Бердяевым: "Россия - женщина, которая сидит и ждет, чтобы ее изнасиловали". Что, так и сидит? Не выбирает? Не сопротивляется?"

Любопытно проанализировать тексты журнала на предмет определения готовности новых русских сделать это нелегкое дело, и если не через любовь, так хоть через тяжкий труд приблизиться к "незнакомому зловещему берегу".

Но нет, трудолюбие, готовность рискнуть, да просто элементарное мужество, похоже, не входят в число добродетелей яппи. "Недавно подружился с потрясающим человеком, - почти что рыдает на страницах "Командора" журналист Игорь Мальцев, - директором службы "907" (для тех, кто не знает: это секс по телефону - девочки шепчут на ухо). Каждое свое социологически-сексологическое наблюдение он начинал словами "Мой народ". Например: "В среду у моего народа спад сексуальной активности, минимум звонков. Зато в пятницу вечером начинается обвал..."; "Мой народ жаждет кончить вплоть до пяти утра". Он меня заразил термином, - продолжает Игорь Мальцев. - Я вижу мой народ исключительно со спины. Когда одетая в мерзкие китайские двухцветные пуховики или в не менее мерзкие пальто со шкурками убитых животных толпа течет по бесплодным трубам метро".

Не правда ли, грустная картина? Тут не до "формулы успеха", тут себя бы не потерять.

Вообще, конечно, "Командор", журнал для молодых, энергичных и веселых - как бы подернут флером декаданса, эдакого едкого, в стиле Оскара Уайлда, скепсиса, свойственно-

го скорее умирающим, но никак не набирающим силу эпохам и обществам. "Благодаря ежедневным сообщениям, - продолжает все тот же Игорь Мальцев, - и репортажам, где под видом некоей беспристрастности есть только безразличие, мой народ привыкает к мысли о том, что одна часть населения может совершенно безнаказанно стрелять в другую часть населения. По-моему, как раз это где-то называлось "информационная политика". И то, что происходит, мне не нравится. В мозги моего метрополитенного народа вкручивается абсолютно сюрреалистическая картина войны всех против всех. Практически без цели, практически без результатов, без правых и виноватых".

Этот страх перед непонятым народом, гражданской войной, собственной отчужденностью от этого самого народа заставляет молодых "новых русских" исподволь тосковать по некоей организующей и направляющей силе, где-то даже по пресловутой "твердой руке", способной навести порядок в государстве. Панические настроения ощутимы в заметке "Муссолини против мафии: нет такой крепости, которую не могли бы взять фашисты", в интервью с начальником отделения специальных операций российского спецназа "Человек специального назначения". И - почти по Фрейдю - за неуверенность и страх, за свою несостоятельность в обыденной гражданской жизни яппи до предела раскрепощаются во всем, что касается жизни половой. Тут и перепечатанное из "Плейбоя" интервью с американской кинозвездой Шарон Стоун. Вопрос: ну и каково быть самой популярной сексуальной преступницей в мире? Ответ: со мной стало трахаться гораздо меньше людей, чем мне бы того хотелось. И статьи того же Игоря Мальцева. И ответы редакции озабоченными проблемами читателей. "Почитай книжки по технике секса, посмотри порнушку, не стесняйся себя и честно оцени все свои ощущения - пойми, что чувствует твое тело". Или: "...фаллоимитатор - прекрасное средство для обновления уже поднадоевших сексуальных отношений между партнерами, он возбудит обоих и сподвигнет на новые подвиги".

Есть в "Командоре" материалы о западных автомобилях, напитках, сигаретах, кредитных карточках, о девушках, рок-музыке, стиле одежды. Есть кулинарные рецепты, гороскопы, астрологические прогнозы, перечни изданных книг и последних пластинок - то есть все то, что делает журнал читабельным. И только один материал о самом главном - непосредственно о работе, благодаря которой рядовой человек может добиться успеха в жизни, сделаться обладателем и потребителем всего того, что с такой страстью и тщанием описывается в журнале. Да и то речь идет о статье эта под названием "Есть еще места. Пока еще не за рубли" о том, как устроиться в иностранную фирму. Нет материалов о новых профессиях, об организации собственного времени, про то, как ставить цели и их добиваться, - то есть про все то, что действительно делает человека молодым профессионалом, способным добиться успеха.

Увы, опять утопия... фаллоимитатор. Только на сей раз не коммунистическая, а капиталистическая. Изнанка утопии. И здесь новые русские - яппи - несмотря на всю свою раскованную стилистику, мишуру и блески, мало отличаются от прочих туземцев "незнакомого зловещего" российского берега. Те же комплексы, та же неуверенность. Рефлексия и страх перед будущим.

Возможно, гораздо большие шансы на успех имеет другой журнал - "Новый путь к успеху", решительно свободный от рефлексии, заполненный исключительно практической информацией. "Как оформить документы для загранпоездки?", "Черты характера, мешающие предпринимательству", "Выбирайте банк, как жену", "Риски, которые целесообразно страховать предпринимателям", "Как успешно подготовить и провести переговоры" - воистину эти рубрики представляют неизмеримо большую ценность, нежели "сопли" "Командора".

Есть историческое правило, что всякий революционный разлив рано или поздно заканчивается термидором, то есть установлением твердой власти в интересах какой-нибудь одной, наиболее "пассионарной" на данный момент, социальной группы. Троцкий, к примеру, полагал, что во французском термидоре буржуазия одолела революционную демократию, в сталинском же термидоре конца 20-х годов, напротив, бюрократия взяла верх

над буржуазией - кулаками и нэпманами. Стало быть, суть всякого термидора в том, что бюрократия (в нашем случае - номенклатура) и буржуазия как бы выступают конкурентами в борьбе за государственную собственность, для окончательного овладения которой победителям необходима твердая власть. Диктатура, по Троцкому, в сущности, закрепляет победу либо бюрократии, либо буржуазии в деле овладения государственным (то есть народным) имуществом.

Особенность последней российской революции в том, что никакой буржуазии в стране не было. Революцию затеяла сама бюрократия (номенклатура), пожелавшая стать буржуазией. Сделавшись под водительством бывшего первого секретаря обкома таковой, номенклатура обнаружила полнейшую свою несостоятельность как класса, способного организовать жизнь общества на разумных началах, осталась в массе своей классом паразитирующим, то есть изначально не способным задать обществу приемлемую формулу успеха. Однако же наиболее талантливая и деятельная часть номенклатуры - в основном бывшие хозяйственники и снабженцы - действительно почувствовала вкус к нормальной капиталистической жизни со всеми ее плюсами и минусами. Они готовы рисковать, они хотят и могут реорганизовать производственные отношения, наладить в стране производство, но находятся в не явном (все-таки один класс) противоречии с циничными устремлениями номенклатуры паразитической, не желающей отказываться от своих родовых признаков, привыкшей властвовать при помощи идеологических кампаний, поисков врагов, демагогии и прочих формальных изысков.

Вот почему формула успеха, "русская мечта" пока зыбка и нереальна, как сделанный дрожащей рукой акварельный эскиз. Будущее России, будущее формулы успеха, "русской мечты", зависит от того, какая часть буржуазной номенклатуры установит свою власть. Паразитирующая - и мы будем иметь тупой, медленно разлагающийся изнутри режим временщиков, режим, расписывающий страны по "списку привилегий", способный лишь воровать да производить мафиозные разборки в масштабах страны. Победит номенклатура деятельная, имеющая вкус к созидательной работе, - страна выберется из трясины. Между прочим, слабость нынешней оппозиции не в том, что в ней нет ярких лидеров, а в том, что в стране пока еще не сформировалось ядро национально мыслящей буржуазии. Будущее России - в руках той политической силы, которая сумеет организовать, идеологически оформить и привести к власти созидательную номенклатуру. Эта новая буржуазия и даст русскому народу то, что должна дать своему народу любая национальная буржуазия: мир, покой, достаток и свободу, одним словом, воплотит "русскую мечту" в реальность.

Разработанный Центром прикладной этики Проект "Этика педагогического успеха" предполагает сравнительное исследование ценности успеха в российской и американской образовательных системах. В первом номере Вестника в рамках реализации проекта была опубликована статья С.Соловейчик "Проповедь о первом и последнем в классе". Редакторы предложили профессору педагогического колледжа Вашингтонского университета Стивену Керру – координатору американской части исследования - рассказать о проблеме педагогического успеха в современной Америке. В основе его статьи – воображаемое выступление на практикуме «Утро после выпуска» перед студентами Тюменского педагогического колледжа, на базе которого реализуется российская часть проекта. Стенограмма интервью, записанная в Сиэтле – Новом Орлеане – Кембридже, дается в сокращенном виде.

С.КЕРР

"АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА" В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ШКОЛЕ

Я начну свое заочное выступление перед участниками «Тюменского практикума» с анализа слов "этика" и "успех", а точнее, тех смыслов, идей, которые связаны с ними в сознании современных американцев. Во-первых, их сочетание осложняется по причине традиционного разделения сфер общественной жизни между церковью и государством в США. Для многих слово «этика» тождественно слову "религия". Разумеется, на самом деле это не так и не должно быть так, но для учителей, для директоров наших школ включение "этики" в программу создает впечатление, будто речь идет о преподавании религии. Поэтому очень типично, когда родители утверждают, что этика - это не дело школы: мы сами в семье будем передавать ценности своим детям. И так, какая-либо этическая программа в школе настораживает и детей, и их родителей, опасаящихся, что за этой программой стоит программа религиозного воспитания. Поэтому при обращении к американскому опыту культивирования ценности успеха такое переплетение, даже отождествление этики и религии надо обязательно учитывать. А теперь об образе "успеха". Очевидно, что "успех" важен и для американской школы, и для американского общества в целом. Положительные образцы связаны с этим словом и в жизни, и в деле.

Воспитание этой ценности начинается очень рано, может быть, в начальной школе: вы это обязательно увидите в оформлении классов. Но в тех же школах и в жизни всей страны особое значение воспитание этой ценности имеет для низших слоев общества, для бедных, в том числе для белых в деревнях, для афро-американцев в больших городах, для испаноговорящих - на юге страны. Появление в новых образовательных программах некоторых штатов темы успеха - элемент нашей попытки передать новым поколениям в бедных слоях общества ценности достижения, продвижения по жизненному пути. Сразу предупрежу о противоречивых последствиях этой попытки. В последние годы сложилась особая "культура бедных". Благодаря разным программам для бедных, у многих бедных граждан Америки появилась возможность получать деньги, не работая. И вот уже несколько поколений живут в таком состоянии, в такой "культуре". Значит, ценность Успеха, Американская мечта для этой категории людей искажена - ведь успех достигается не ими самими. Скорее, это нельзя и называть "успехом".

Только начав свое выступление, я уже чувствую, как трудно рассказывать о судьбе Ценности Успеха в американской школе студентам педагогического колледжа той страны, где, как мне кажется, эта ценность в лучшем случае лишь начинает становиться предметом моральной рефлексии и тем более практической этики. Еще труднее – рассказать без наглядной демонстрации. Эта трудность уменьшится, если задуманный нами российско-американский проект исследования и воспитания ценности успеха будет запущен. А

пока.... Главное для школы, - и для американской, и для российской - на мой взгляд, показать ученикам (и педагогам!), что есть причина и есть смысл стараться что-то делать в жизни, не ожидая, что государство само все им предоставит. Убедить их: ваша жизнь содержит возможности большие, чем вы даже сами себе представляете. Некоторые способы работы с детьми в школе заключаются, например, в том, чтобы показывать образцы преуспевания людей, вышедших из бедных слоев. В том числе образцы Жизни и Дела реальных людей. Так, например, мэр нашего города, Сизтла - черный, родился в бедной семье и стал известным политиком. Он часто бывает в школах города и рассказывает о том, как строил свой успех. Важно, чтобы человек р а н о принял ценность успеха. Если решение "сделать себя" придет лишь к концу обучения в школе, строить успех будет труднее - например, труднее будет поступить в хороший университет. Это в полной мере относится и к заботе о будущем детей из низших слоев общества, которая, кстати, важна и ради них самих, и ради интересов общества. Новые программы успеха вызваны вполне возможной опасностью, связанной с незаинтересованностью жизненных "неудачников", аутсайдеров, в стабильности общества, ибо у них нет причины поддерживать общество, платить налоги и т.п. Здесь приходится иметь в виду и демографический фактор - слой обеспеченных людей (средний и высший слой) растет меньше и медленнее.

Поэтому я хочу через все свое выступление перед российскими коллегами провести эту мысль: одна из граней Американской мечты – забота о тех, кто "не успел" в обществе, о тех, например, у кого было трудное детство. Это всегда было частью нашей мифологии, нашей Мечты - больше заботиться о тех, кто не имел хороших возможностей, чем о тех, кто всегда их имел. Ведь, в том, что человек "не успел" - не всегда его вина, но, может быть, и вина общества. Это может даже показаться странным, потому что Америка - страна индивидуалистов и очень часто люди не заботятся о своих соседях, о своих ближних. Разумеется, я должен сказать теперь и о ценности успеха в жизни той части общества, которая преуспевает, скажем, так, на уровне среднего класса. На мой взгляд, для молодых людей из среднего (да и высшего) слоя нашего общества понятие "успех" сегодня все больше и больше связывается с понятием материального, денежного успеха. Вероятно, в последние десятилетия образцы материального успеха очень сильно внедрялись через систему телевизионной рекламы и других ее видов. Автор одной из книг о роли рекламы в нашем обществе, хороший социолог, отмечает, что в нашем обществе реклама - это капиталистический реализм (аналог "социалистического реализма"), попытка больших фирм и корпораций создать массовое настроение: в нашем обществе можно жить без проблем, а путь к реализации этой беспроблемной жизни - потребление их продукции. Все больше и больше молодые люди думают о своем будущем существовании в терминах, в образцах хорошей жизни, которые они получили от телевидения. Пример? Реклама сигарет фирмы "Кэмэл", в том числе серия мультфильмов, где демонстрируется «человек-верблюд». В одном недавно опубликованном исследовании о влиянии телевидения показано, что этого человека-верблюда знают почти все дети - около 80%. Они знают, кто он такой, что он делает, отмечают, что он курит всегда. Дети считают, что это самый хороший человек, они говорят: "это мой герой", "для меня это образец хорошей жизни", "я хочу жить в будущем так, как он живет". Может ли такая реклама не вызывать опасения за наше будущее? Но не забыли ли мы о проблеме этики педагогического успеха?! Вспомним этические размышления - о первом и последнем в классе - Симона Соловейчика в первом выпуске "Вестника". Прежде всего, подчеркну самое очевидное: в наших школах в течение последних двадцати лет организованы мощные программы для поддержки слабоуспевающих детей. Причем не только для бедных, но и для детей с какими-то физическими или умственными отклонениями. Есть, конечно, программы и для одаренных детей, но подавляющее большинство этих программ рассчитано на бедных и слабоуспевающих детей.

Конечно, С.Соловейчик ставит острый этический вопрос о достоинстве ученика. Много лет тому назад у нас было принято делить детей по способностям: лучшие были собраны все вместе в одном классе, остальные – в другом классе. И все дети узнавали, пусть не

в первом классе, но, по крайней мере, в третьем... У нас нет такой нумерации классов, как в России - "а", "б", "в", но иногда бывают названия: "тигры", "жирафы"... Так вот: дети очень быстро узнают, что "жирафы" считаются учителями лучшими детьми, а "тигры", может быть, относятся к очень низкому уровню. Дети, например, видят разные учебники в параллельных классах. Отсюда и настроение: я, вероятно, не смогу преуспеть и в будущем. По-моему, более нравственно - именно с точки зрения успеха человека в жизни - включать детей с разными способностями в один класс. Как и в будущей самостоятельной жизни, они были бы все вместе. В любом классе был целый спектр возможностей. Конечно, это труднее для учителей - как работать с такими разными учениками на уроке. Особенно трудно из-за того, что у нас в одном классе занимаются не только слабоуспевающие дети, но также дети с физическими и умственными отклонениями. Учителю надо заботиться, например, и о слепой девочке, даже если к ней на уроке прикреплен кто-либо из общественников-родителей. Кстати, если в классе есть три-четыре таких ребенка, то такая поддержка организуется обязательно. Среди наших исследователей, общественных деятелей и педагогов забота о предоставлении возможности успевать каждому ребенку - одна из самых главных. Я не думаю, что мы уже разрешили эту проблему.

Все еще очень остро стоит вопрос об общественных последствиях школьного "неуспеха". Не следует думать, будто тема педагогического успеха исчерпывается этой проблемой. Да, для тех, кто впервые знакомится с нашей системой образования, может показаться удивительным, что мы мало говорим о своей профессиональной этике в этих терминах. Но если спросить учителей, почему они выбрали эту профессию, они скажут, что дети - это наше будущее, мы должны работать с ними, чтобы они стали достойными гражданами. Я думаю, что в этом состоит очень важная часть их решения стать учителями. Действительно, мы не очень много и не очень громко говорим об этом. Во-первых, потому, что ценность успеха скорее растворена в атмосфере нашей работы и укоренена в характере педагога. А вслух мы больше рассуждаем о педагогических технологиях, о проблемах оценки. Во-вторых, нередко учителя настроены формально и технократически, мало думая о судьбе тех маленьких людей, на которую они столь сильно, волно или невольно, влияют.

Не будем воспринимать педагогические технологии как нейтральные для темы нашего разговора. Наверное, не случайно в России перевели "Школу без неудачников" У. Глассера. Например, технологии, связанные с проблемами слабоуспевающих, специально формируют культуру самоопределения, желание участвовать в жизни общества, умение найти работу и умение хорошо работать. Но это не главное для духа успеха. У нас проведено исследование нескольких сотен людей, которые родились не в очень благоприятных условиях (они были бедными или выходцами из социальных меньшинств), но впоследствии стали очень известными. У них спрашивали, что они помнят из школьных лет. И почти каждый из них сказал, что в это время, особенно в течение первых пяти лет обучения, они работали, по крайней мере, с одним учителем, который действительно заботился о них, осталось впечатление, что жизнь ученика для него - что-то важное, что учитель заботится о ребенке не только в каком-то повседневном технологическом смысле (чтобы была вовремя выполнена письменная работа), но что дальнейшая судьба маленького человека для него - самая важная вещь в жизни этого учителя. Респондентам почти одинаковыми словами рисовали эту ситуацию.

Попробуем понять судьбу ценности в американской школе с помощью такого игрового приема. Представьте себе, что вы собрались жить и преуспевать в Америке, делать здесь карьеру, но учились не в американской школе. Чего вам не будет хватать в этом случае для преуспевания, что вы потеряли, упустили? Вот штрихи моего возможного ответа.

Прежде всего, школьная жизнь - это больше, чем то, что происходит на уроках. Американское образование формирует чувство личной значимости каждого человека. Так себя осознает и ученик, и выпускник школы. И если, например, родителям кажется, что в классе учитель обращает особенное внимание на определенных учеников, этого достаточно, чтобы встретиться с директором, потребовать изменения ситуации. Вот интересное ис-

следование последних лет об отношении учителя к девочкам на уроках математики и естественных наук. На основе видеозаписи уроков обнаружилось, что даже у тех учителей, которые уверены, что они никогда не уделяют больше внимания одним ученикам, чем другим, их ответы девочкам на вопросы были короче, менее ясны, не предполагали обратной связи. А мальчикам на аналогичные вопросы этот же учитель дает более полные ответы, с примерами.

Другой штрих. Для многих людей то, что происходит на уроках, - только часть школьной жизни и, может быть, не самая важная ее часть. Например, в штате Техас говорят: если человек не играет в футбол, когда учится в средней школе, то он не будет преуспевать ни в школе, ни в жизни. Это жизненная высота для многих людей - игра в футбол в школьные годы.

Есть целый ряд других видов деятельности, которые осуществляются вне класса, например, разные клубы, музыкальные группы, студенческое самоуправление. Да, я не знаю случая, когда органы студенческого самоуправления обладали бы настоящей властью, такой как, например, у совета школы. Они решают простые вопросы, но все-таки в результате накапливается опыт. Исследования показывают, что среди тех, кто работает в нашем Конгрессе, в парламентах наших штатов и в других общественных учреждениях, очень многие в годы учебы состояли в «школьном правительстве».

Почти во всех американских школах есть ассоциации родителей и учителей. Ассоциация не то же самое, что совет школы, который является юридическим лицом, имеет большую ответственность - ибо должен собирать налоги, определять их величину в городе или районе. А ассоциация - это добровольное объединение, где родители и учителя вместе с учениками собираются и обсуждают вопросы школьной жизни. Я думаю, что для многих детей это первая в жизни возможность участия в реальном демократическом процессе, потому что другие политические совещания, как правило, не предназначены для детей, дети не очень часто там бывают. Совещания ассоциации не всегда открыты для школьников, но все-таки очень часто их приглашают, чтобы дети учились совместному обсуждению вопросов. Я думаю, что возможность с ранних лет видеть демократический процесс в действии, наблюдать, как взрослые решают вопросы совместно, формирует образ: вот они формулируют проблему; они не согласны в каком-то вопросе, но нашли путь к решению; они соблюдают определенные правила - только один может говорить одновременно, есть какой-то регламент, его контролирует председатель, который сам не участвует в этом разговоре, но он решает, когда время исчерпано и т.д.

Успех и соревновательность нельзя развести, но как воспитывать культуру соперничества? Я очень хорошо помню, как в пятом классе мы играли с другой командой, нам повезло, мы выиграли и учитель поздравил: "Вы победили". Мы закричали: " Ура!". И тогда он сказал: " Хорошо, вы кричали "ура" за свою победу, а теперь вы должны кричать "ура" за команду, которая проиграла. Это не самое важное, что вы выиграли, самое важное - это то, как игра построена, что она проведена по правилам". И в классе учитель старается показывать, что оценка, или результат работы - это не всегда самое важное. Типичны ситуации, когда учителя дают две отметки; вторая - не за успехи в освоении предмета, а за то, как ученик старался овладеть материалом. Это не просто оценка упорства, но воспитание умения преодолевать трудности, побеждать. Скажем, мы раньше думали, что преуспевающий только тот, кто в конце учебного года освоил весь материал. А теперь звучит такое предложение. Один знаменитый человек в Сиэтле говорит о том, что существует не один вид образовательных навыков. Традиционное образование предполагает умение работать с материалом, знание каких-то физических законов, математических уравнений. Молодой человек может успевать не только в этом - традиционном - смысле, но развивать свой талант в какой-то творческой сфере - в изобразительном искусстве, танцах и т.д. Все это входит в содержание школьной подготовки, и, очевидно, образование должно формировать не только умение работать с цифрами и словами.

Школа – это школа успеха в разных сферах будущей жизни ученика. Она и оценивает и развивает разные умения: овладевать учебным материалам и общаться в группе, творить в сфере искусства и руководить людьми, искать информацию и решать проблемы. Успех ученика в любом из этих дел - это педагогический успех, это возможность каждому вкус победы и избавиться от комплекса "неудачника". Но все эти "штрихи" успеха требуют стержня, которым, конечно, является достоинство личности. Так мы снова возвращаемся к поставленной С. Соловейчиком проблеме Первого и Последнего. Ведь и в американской школе в последние годы все сильнее проявляется тенденция считать главным успехом успех учебный. Здесь всегда хвалят "первого" и, можно сказать, оскорбляют "последнего". Когда я говорил о попытках дать слабоуспевающим возможность почувствовать, что у них есть возможность преуспеть в обществе, то это достигается не только заботой об их учебных успехах, но и через сохранение чувства их личного достоинства. И в Америке это очень трудно делать, во-первых, потому что трудно создать школу, в которой эти ценности были бы вполне признаны; "во-вторых", школа - это слабый агент воспитания. Вероятно, семья, сверстники молодого человека и окружающая среда играют большую роль в этом процессе. Из того, что я знаю о советской школе, там действительно отсутствовала забота об укреплении чувства достоинства молодого человека.

Здесь, в Америке, у нас всегда были попытки воспитывать и поддерживать это чувство, вплоть до крайности - например, критики программ для одаренных детей, якобы они противоречат американской демократии.

В заключительной части своего выступления я хотел бы пофантазировать о том, как могла бы выглядеть некая учебная книжка на тему судеб "Американской мечты" в американской школе. Я думаю, что книжка открывалась бы главой о судьбе американской демократии. Ведь мы в последние годы многое потеряли из демократического стандарта американского образования. Ослабеваешь чувство обязанности, долга перед обществом. Молодые люди редко участвуют в выборах, мало бывают на школьных советах, на родительских собраниях в школе. Может потому, что много работают? Я думаю, что с их точки зрения это просто не имеет смысла: «Почему я должен участвовать в чужом деле?» Они не чувствуют, что их судьба связана с общественными процессами. И это очень опасно для будущего. Затем следовала бы глава об изменяющемся равновесии между социальными учреждениями, "институтами" в социологическом смысле: семьей, школой, церковью. Например, воспитательные возможности семьи резко снизились. И вот уже учителя замечают, что у многих детей заниженное чувство самоуважения из-за того, что они возлагают на себя вину за развод родителей. Влияние церкви тоже относительно ослабло, все меньше школьников посещают службы еженедельно. Может быть, они бывают там три-четыре раза в год, но это не дает воспитательного эффекта...

Что делать? В нашем обществе типично возлагать на школу всю ответственность за моральную жизнь ребенка. Предлагают, например, преподавать в школах сексуальную культуру, говорить о проблемах СПИДа, наркотиков. Из-за этого разгораются острые споры. Одни родители думают так: «Я не могу решать все эти вопросы, я не считаю себя верующим и поэтому не посещаю церковь каждую неделю, остается единственная возможность - с моим ребенком должна работать школа, чтобы он стал хорошим человеком. Другие родители, более консервативные или настроенные традиционно, хотят противоположного: чтобы школы не занимались этими вопросами, а если бы в них что-то и говорилось, например, о сексуальной жизни, то это было бы одно слово "нет" - не думать об этом, не делать этого, только ждать брака. Конечно, это взгляд на жизнь через розовые очки: напрасно думать, что если школа говорит "нет", то будет положительный результат.

Я бы включил в книгу главу о роли молодежи в экономической жизни. Сегодня мы очень мало думаем об этом. У нас нет хорошей сети профессиональных училищ и техникумов. Профессионального образования в этом смысле у нас никогда не было. В одном отношении это очень хорошо - мы не даем нашим школьникам слишком ранней узкой специальности. Но все-таки выпускник средней школы слишком поздно находит работу по своим

способностям и призванию. Он не просто напрасно теряет свое время. Работа без чувства успеха подрывает чувство собственного достоинства, тесно связанное с потребностью внести свой личный - полноценный и незаменимый - вклад в общество, теряют и возможность своевременно получить признание.

Я бы обязательно предусмотрел и главу о сосуществовании разных моделей успеха в одном обществе. В первом выпуске Вестника «Этика успеха» говорится о том, как ставится проблема ценности успеха в сегодняшней России. Из личных бесед с редакторами я понял ситуацию так: страна озабочена идеей успеха, потому что проиграла в исторической гонке, что у страны складывается комплекс неполноценности, гражданам хочется вернуться в позицию выигрывающего или хотя бы не проигрывающего, чтобы перестать травить самих себя самоуничижением типа "мы - совки". Как полагают редакторы, проблема возрождения и развития идеологии успеха в России созвучна проблемам сегодняшней Америки. Речь шла о том, что привычная с момента основания Америки идея успеха, с которой формировалась и развивалась Америка, сейчас находится в некомфортном состоянии. В Америке появляется все больше граждан, которые приходят из других культур. И для них наша идея успеха, «Американская мечта», либо чужда, либо воспринимается поверхностно. Даже если они начнут за нее бороться, то может получиться еще хуже. Они оставят свою «старую» культуру, где были нравственно укоренены, а в культуре американских ценностей полноценно не приживутся. Эстафета «Американской мечты» уже не гарантирована.

Я полагаю, что это, может быть, самый важный вопрос нашего будущего. Увы, многие, не признают его значения. Обычно думают только о количестве мигрантов, их желании учиться английскому языку, стремлении остаться здесь навсегда или только собрать деньги, чтобы вернуться на свою родину богатыми и т.д. Но мы очень мало размышляем об этих вопросах с точки зрения будущей нравственной ситуации в Америке. Но, может быть, оставить мою характеристику этой главы до следующей встречи со студентами Тюменского педагогического колледжа, которая, возможно, примет вид международного практикума, на котором встретятся педагоги и ученики Сиэтла и Тюмени?

Г.С.БАТЫГИН

ТРАНСФЕР ЛОЯЛЬНОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

В 1927 году вышла монография Лайфорда Эдвардса "Естественная история революций", в которой предлагается эволюционная трактовка крушения одних социальных институтов и воссоздания других. Эта идея была бы неотличима от модных тогда вариаций на тему "естественности" общественных изменений, если бы в центре внимания исследователя не оказались симптомы революционного процесса на различных его стадиях - тема, сформулированная за сто лет до него Алексисом де Токвилем.

Речь идет о причинах и источниках революционного процесса. Обычно они усматриваются в противостоянии угнетателей и угнетенных; принято считать, что первые - это темные силы аморализма и косности, а последние - воплощение добродетели и прогресса. Токвиль расценивал такого рода противостояние как мнимую идеологическую концептуализацию, развертываемую победителями, - своего рода "политику, опрокинутую в прошлое". Он полагал, что социальное неравенство, сколь бы глубоко оно ни было, и социальные конфликты, даже самые напряженные, не являются необходимыми и достаточными предпосылками политического переворота. Суть дела в способе изменения властных структур: лежат ли в его основе презумпции позитивного права, либо действуют внеправовые мотивы, опирающиеся, как правило, на апелляцию к интересам угнетенных.

Таким образом, общая причина революции заключается не столько в ухудшении положения широких народных масс, сколько в осознании невозможности добиваться успеха с помощью легальных средств. Отсюда следует, что революция являет собой, по преимуществу, кризис легитимности, в качестве последствий которого выступают экономические бедствия и насилие.

Трансфер лояльности интеллектуалов заключается в том, что социальный слой, призванный воспроизводить "картину мира", артикулировать социальный порядок и осуществлять его трансмиссию будущим поколениям, заражается духом революционной неустрашенности, начинает сочувствовать угнетенным и теряет веру в идеалы власти. Л.Эдвардс называет этих людей "публицистами", имея в виду не столько представителей литературного жанра, сколько тех, кто выражает волю народа и тем самым претендует на властные полномочия. Писатели, социологи, журналисты, учителя, священники - все, чьей обязанностью является концептуализация социального порядка, в том числе моральных норм, ценностей и стандартов поведения, начинают испытывать чувство беспокойства. Это чувство становится возможным при условии достаточной свободы в выражении оппозиционных идей и слабости репрессивного аппарата. Формируются новые ориентиры жизненного успеха, направленные не на поддержание, а на разрушение действующих табу.

Первоначально, когда революция кажется невозможной, это чувство обеспокоенности находит выражение в отчуждении от места обитания: "наука дальних странствий" образует метафорическую антитезу консервативной неподвижности системы. Во всех европейских революциях атака на систему власти осуществлялась посредством указания на кажущийся эталонным внешний образец. Обычно критические демарши обосновываются путем апелляции к международным стандартам: "Во всем мире делается так, а у нас...". Поэтому утверждение, что революции привносятся извне, не лишено оснований. Для понимания данного "привходящего обстоятельства" важное значение имеет зиммелевское понятие "чужого" - аутсайдера, не связанного традициями, обычаями, предрассудками сообщества,

в котором (а точнее, среди которого) он живет. (Зиммель Г. Чужой / Пер. с нем. А.Ф.Филиппова // Социологический журнал. 1994, N 2).

Групповая структура рассматривается "чужим" более критично, чем это могут позволить себе "свои". "Чужой" может добиваться успеха путем нарушения явных и неявных норм общественного мнения, обычаев, традиций и прочих условностей, ограничивающих свободу "своего". В результате такого противопоставления у людей открываются глаза на их собственные заблуждения и на катастрофическое отставание от "более прогрессивных" групп.

Процесс усиления влияния "чужих", как правило, встречает определенное противодействие в обществе: люди предубеждены по отношению к чужому, и эта предубежденность иногда находит выражение в квазипатриотической ксенофобии. Поэтому успех "чужих" зависит от того, насколько распространено недовольство существующей идеологией. Но самый сильный эффект радикализации сознания возникает в результате деятельности "своего", принявшего роль "чужого", например, местного уроженца, прошедшего выучку за границей или ставшего "космополитом". Платон не случайно настаивал на изолированности своего идеального государства от внешних влияний и размещал его в глубине территории - подальше от морских путей.

До времени "наука дальних странствий" не содержит даже намека на революционность, самыми сильными революционными агитаторами становятся те, кто информирует общественное мнение о положении дел "за океаном". Среди интеллектуалов они провозвестники "трансфера", возвещающие приход новых ценностей.

Положение "чужого" идентифицируется в этническом и социальном контекстах. Европейская цивилизация сформировалась во многом благодаря людям "без роду и племени", лишенным правовой защиты и сословных привилегий. Еврейская диаспора стала социальным ферментом, существенно повлиявшим на создание универсальной системы финансового обращения и вместе с ней универсального социального пространства, по отношению к которому все локальное и обособленное выступает отныне как то, что надлежит преодолеть.

Путешествия - симптом грядущей революции - находят выражение в умонастроениях и высшего, и среднего классов. Это состояние скепсиса и ожидания катастрофы обычно сопровождается маргинализацией "народа" - обезземеливанием крестьян и перемещением их в город, увеличением количества авантюристов, мигрантов, бродяг и преступных элементов.

Социальные отклонения - мощный катализатор революционного процесса - служат одновременно и оправданием предстоящих изменений в структуре власти. Маргинализация означает не только и даже не столько снижение уровня жизни, сколько разрушение традиционных критериев социальной идентификации, когда обретение статуса становится делом личных усилий и кажется, что любой может использовать свой шанс.

"Искатели счастья" формируют новое представление о жизненном успехе, который уже не наследуется вместе с родовыми привилегиями, не предопределяется божественной волей и не завоевывается аскетическим подвижничеством. Они стремятся получить то же, что все, но только больше.

Рыцарь, воодушевленный мечтой о Граале, знал, что к этой мечте устремлены избранные. Новый человек - человек шанса - убежден, что его выигрыш притягивает всех в равной степени и исключения равнозначны отклонению от нормы. Поэтому в число маргиналов включаются, наряду с проигравшими, и выигрывающие в жизненной гонке. Выигрывая в доходах, образовании и даже престиже, они теряют место, которое должны были объективно занимать в социальной структуре. Председатель домкома Швондер в булгаковском "Собачьем сердце" - революционер в силу своего фиктивного положения в структуре дома, которым он руководит, равно как и поющие хором члены правления.

Этот неуместный класс требует социального признания, борется с привилегиями, добивается контроля над социальными институтами, и его критичность нарастает по мере того, как репрессивная деятельность со стороны власти ослабевает. "Люди становятся наи-

более революционными и наиболее непримиримыми к угнетению, когда реальное угнетение сходит на нет - замечает Л.Эдвардс. - Наоборот, революции не происходят, когда угнетенные классы достигают предела нищеты" (Edwards L. The Natural History of Revolution. Chicago. The University of Chicago Press, 1970. P. 37-38).

Маргинализация "народа" существенным образом дополняет настроения разочарования и утраты базовых ценностей среди высших классов. Возникает своеобразный раппорт - взаимное спонтанное реагирование членов социальной группы на симптомы кризиса, которое приводит к лавинообразному нарастанию революционного процесса (впервые эффект раппорта описан Р. Парком и Э. Берджессом: Park R., Bergess E. The Introduction to the Science of Sociology. Chicago: The University of Chicago Press, 1924. P. 893).

Разочарование публицистов влечет за собой возмущение и озлобленность по отношению ко лжи, пронизывающей бюрократизированные властные структуры. История революций показывает, что возмущение публицистов направлено первоначально на очищение властвующей элиты от "примазавшихся", "бюрократов", "приспособившихся". Призыв к нравственному покаянию сопровождается требованием отмены всяких привилегий, и новые лидеры демонстрируют свою скромность и непритязательность.

Стремление к реформам перерастает в критику самих основ институциональной организации. Во Франции начала XVIII века, вероятно, не было публициста, который бы не возмущался нравами Версаля и коррумпированностью бюрократов. В предреволюционные десятилетия русская общественная мысль формировалась под знаком свободы и прогресса, и любые выступления с охранительных позиций (например, идеи К.Леонтьева или В.В. Розанова) воспринимались в лучшем случае как экстраординарное чудачество. Попытки защитить "реальный социализм" и руководящую роль Коммунистической партии в конце 80-х - начале 90-х годов, когда разрушилась советская система, отчетливо идентифицировались как антинародная деятельность.

Содержание трансфера на этапе развертывания революционной атаки сосредоточено не столько на критике институтов власти, сколько на разоблачении конкретных лиц, принадлежащих к правящей элите. При этом используются реальные или вымышленные позиционные конфликты внутри элиты, чтобы противопоставить "хороших" вождей народа "плохим". Так формируется центральный для идеологии трансфера миф о "хорошем" человеке, который призван воплотить народную волю.

Публика ждет от публицистов образа героя, который мог бы взять в свои руки власть и вывести народ из тьмы на свободу. Надежды религиозных реформаторов XVII века связывались с мечтой о "хорошем папе", а образ "добродетельного государя" является традиционным мифообразующим компонентом для революционной идеологии всех времен и народов. Результатом внедрения в массовое сознание темы "хорошего человека" становится суетливая замена руководящих лиц в аппарате власти - с этого времени власть деморализуется и быстро теряет способность противодействовать разрушительным силам. "Хорошие люди", как правило, обнаруживают свою беспомощность либо моральную неустойчивость к искушению привилегиями. По меньшей мере, они не оправдывают надежд публицистов на восстановление правды и справедливости. Однако публицистическая атака достигает большего: власть и народ образуют бескомпромиссную оппозицию, причем на одном полюсе сосредотачиваются аморализм и глупость, на другом - добродетель и интеллектуализм.

Крах советской системы обозначился в конце 80-х годов небывалым ростом популярности газет и журналов. Возник феномен "докторальной публицистики", которая на время стала как бы мозговым центром страны в эпоху гласности. Специалисты по социологии чтения отмечали завораживающий характер новой публицистики, поскольку речь шла о недозволенном вчера, о запретном. А публицисты перестройки символизировали высокие идеалы правды, моральной чистоты, компетентности и художественного мастерства. Первую десятку перестроечных публицистов 1988 года составляли Н.Шмелев, А.Нуйкин, Ю.Карякин, Ю.Черниченко, А. Ваксберг, В.Селонин, Ф.Бурлацкий, А.Стреляный, О.Лацис. (Клигер С.А. Рейтинг популярности публицистов//Экслибрис: научно-информационный

бюллетень. Вып. 1 / НПО "Всесоюзная книжная палата; Институт книги. М: Книжная палата, 1989. С. 21.) Некоторые из них впоследствии "ходили во власть", либо избирались депутатами высших законодательных органов, но, как правило, долго там не задерживались. Опыт революций показывает, что, осуществляя трансфер лояльности, интеллектуалы продолжают сохранять оппозиционность даже тогда, когда место поверженных "плохих" властителей занимают "хорошие" - казалось бы, прогрессивные и свободомыслящие люди.

Техника публицистической атаки аналогична технике политической кампании. От разоблачения "плохих" личностей публицисты переходят к критике институтов власти, прежде всего "бюрократии" и "чиновничества", - эти слова приобретают отрицательный смысл. Скандальные сообщения о невообразимых привилегиях ответработников, роскоши государственных дач, развлечениях политического бомонда, новые прочтения исторического прошлого и раскрытие "белых пятен" занимают внимание публики непродолжительное время. Одни и те же факты нельзя жарить несколько раз. Но тем самым создается атмосфера скандала, концентрирующего внимание общественности на главных политических институтах - партии, чиновничестве, церкви, службе безопасности. Происходит поляризация сил в обществе.

Политика гласности оставляет правящим структурам шанс на предотвращение переворота. Для этого они должны направить критический энтузиазм публицистов на разоблачение второстепенных лиц, групп или институций. Часто такие попытки предпринимаются с запозданием. Дело еврейских сахарозаводчиков 1914 года, "узбекское дело" эпохи перестройки, вечная борьба с "бюрократами" - типичные попытки переадресовать конфликт. В период укрепления сталинской власти миф о "врагах народа" и "вредителях" помог сформировать мощный тоталитарный режим. Но чаще всего попытки найти врага приводят в полном соответствии с "эффектом раппорта" к обострению противостояния. В такой обстановке возникает избыточный миф о тотальной "мафии". Под мафией подразумеваются не просто преступные группировки, имеющие в уголовном законодательстве вполне отчетливые квалифицирующие признаки, а некие темные враждебные силы, рационализирующие синдром преследования и отчасти оправдывающие нарастающую истерию в массовой информации. В существовании "мафии" заинтересованы обе противоборствующие силы, поскольку борьба с ней влечет за собой применение экстраординарных, чрезвычайных мер и развязывает руки на случай критических ситуаций.

Л.Эдвардс указывает на "фальшивообъекты", помогающих канализировать конфликт. Борьба с внешним врагом пробуждает чувство патриотической солидарности и укрепляет сообщество при условии успеха в вооруженном столкновении с противником. Военная неудача же непременно ведет к внутривластной катастрофе. Необходимым фоном трансфера являются разного рода "оргиастические" мероприятия: массовые праздники, фестивали, шествия, манифестации, митинги, сопровождающие "поиск врага". Власть ищет в них общественной поддержки, а публицисты - непосредственного контакта с аудиторией. Переключение социальной реальности из режима повседневных забот в режим массового спектакля превращает трансфер лояльности интеллектуалов в реальность. Обычная жизни - дело рутинное и монотонное - становится увлекательной театрализованной игрой. Привычный общественный порядок ломается. То, что еще вчера было подчинено социальному табу, допускается.

Анализируя русскую революцию 1917 года, П.А. Сорокин обратил внимание не только на экономическую стагнацию общества, но также на рост нерегламентированной и "анормальной" сексуальности. Эта тенденция стала довольно заметной с тех пор, как в русскую общественную мысль пришла "проблема пола". Революционная мечта всегда соотносилась с сексуальной свободой. В традиционных обществах прелюбодеяние считается тяжелым проступком, если не преступлением. В период же революционных потрясений выдвигается требование признания прав "сексуальных меньшинств" и педерастия часто отождествляется со свободомыслием. Это вовсе не значит, что частная жизнь при тоталитаризме в большей степени подчинена нормам морали, чем в свободном обществе. Революция

ухудшает общественные нравы преимущественно в том отношении, что делает тайное явным.

Как реагируют на трансфер лояльности интеллектуалов "угнетатели" - те, кто несет на себе бремя власти? Одни из них - консерваторы - упрямо держатся за архаичные социально-политические институты, не признают за угнетенными добродетелей и склонны к применению репрессивных мер. Публицисты и общественность избирают главной целью атаки как раз тех, кто из упрямства, либо по иным несерьезным причинам не желает поступиться принципами. Им достается больше других, хотя далеко не всегда принципиальными консерваторами оказываются "угнетатели", так сказать, по призванию. Чаще всего изменяют своему классу неудовлетворенные функционеры с интеллектуальными претензиями, обиженные на старую систему за недооценку их нравственных и умственных качеств. Самым непонятным и нетерпимым для них оказывается то общеизвестное обстоятельство, что многие бездари и проходимцы достигли значительно большего в номенклатурной карьере. Такого рода мутанты часто играют заметную роль и занимают важные позиции в революционном движении. Впоследствии они тихо сменяют сгоревших харизматиков и образуют новую номенклатуру.

Другие "угнетатели" в силу присущей им интеллигентности усваивают новые публицистические идеи и признают положение привилегированных классов несправедливым. В определенной степени они вынуждены высказывать соображения, противоречащие собственным интересам, и это позволено далеко не каждому.

Говоря о революционаризации правящей элиты, нельзя не упомянуть об императиве "объективизма" - мощном идейном импульсе новоевропейского Просвещения, пронизывающем, в принципе, любую революционную идеологию. Объективизм - способность стать выше личных и групповых интересов и следовать универсальным эталонам истины, добра, справедливости. Если бы сами "угнетатели" не вели революционную борьбу со своим классом, революции были бы, вероятно, досадными недоразумениями в мировой истории.

Чаще всего "угнетатели-либералы" вырабатывают своеобразную схему алиби: да, мы принадлежим к господствующему классу, но, по существу, мы перестроились и стали иными - прогрессивными и гуманными. Не исключено, что подобная амбивалентность оказывает определенное влияние на превращение многих "угнетателей" в самых отчаянных врагов архаичных политических структур.

До тех пор, пока правящие классы сохраняют веру в правоту своего дела и предназначения, революция не выходит за рамки абстрактной возможности. Эта вера, несмотря на кажущуюся эфемерность, являет собой одну из несущих конструкций социальной стабильности и позволяет элите эффективно и многообразно использовать репертуар бюрократического аппарата управления.

Достоин удивления, что эффективность властных полномочий - то, что принуждает одного человека подчиниться другому, - определяется не столько их технической рациональностью и продуманностью процесса принятия решений, сколько убеждением в правомерности самого решения и верой в высокое моральное предназначение власти, олицетворяющейся либо в вожде, либо в "честной игре" свободных индивидуальных интересов. Стоит только этой вере чуть-чуть пошатнуться - власть начинается рассыпаться. Возможно, здесь проявляется известный в психологии "эффект антиципации": предполагаемый субъектом результат действия оказывает существенное влияние на достижение реального результата.

Полноценность властного действия в данном случае - вера, некий аналог религиозной веры в святость политического, либо бюрократического служения. А вера держится на культе - системе ритуальных действий и норм, регламентирующих технику подчинения одного человека другому. Например, в XIII веке распространение разрушительной альбигойской ереси не представляло серьезной угрозы для папской власти, поскольку католический клир сохранял незыблемую веру во вселенскую церковь Петра. Папа Иннокентий III беспо-

щадно подавил еретиков, и Святой престол остался непоколебимым. Любая власть стабильна, если правящая элита сохраняет веру в свою силу и высокое предназначение.

Стоит только бацилле неверия проникнуть в обиталище власти, начинается ее разложение. А роль переносчиков инфекции обычно выполняют интеллектуалы, проникшие в аппарат (а также в число клириков и епископов церкви) вследствие либерализации канонического устройства.

Этот процесс обычно протекает параллельно развитию коррупции - использованию должностного положения в личных целях. Коррупция возникает всякий раз, когда в аппарате ослабевает атмосфера взаимного недоверия и страха. Тогда бюрократический императив "я должен", делающий чиновника независимым от обстоятельств, мало-помалу превращается в либеральное условие "я мог бы, если...". Коротко говоря, взятка еще не получена, но "фрейм" для такой модели поведения уже существует - это "summum bonum", где властное служение превращается в частную услугу.

Власть разлагается не потому, что властители берут взятки - исполать им, детинушкам. Беда в том, что бюрократ теряет в собственных глазах надлежащее величие, становится потным и суетливым. На место веры, придающей служению силу избранности, приходит странное чувство, недостойное героя, - смесь стыда, зависти и злобы. Все это делает власть иллюзорной и слабой настолько, что сокрушить ее может теперь даже трансфер лояльности интеллектуалов. Отсюда, в частности, следует, что власть - не иерархия государственных деятелей, о которых пишут в газетах, а упорядоченное совместное существование, где каждый знает свое место - Хам пшеницу сеет, Сим молитву деет, Яфет власть имеет.

Революции сравнивают со стихийными бедствиями и катастрофами. Их причины остаются не вполне ясными. Возможно, что движущие силы революций заключены в интересах противоборствующих классов. Однако механизм революционного переворота приходит в действие благодаря "прослойке" интеллектуалов, от которых зависят как угнетенные, так и угнетатели. Именно интеллектуалы и публицисты артикулируют и обеспечивают трансмиссию "социального мифа": идеологий, норм морали и права, картин прошлого и будущего. Они устанавливают критерии справедливого и несправедливого, достойного и недостойного, определяют представления о жизненном успехе и благосостоянии, сакральном и профанном. Любая тирания уверенно смотрит в будущее, если пользуется поддержкой интеллектуалов, использующих для этого образование, массовую информацию, религию и науку. Но если альянс власти и могучей прослойки публицистов нарушен, начинается свое движение лавина революции. Даже будучи слабой и морально разложившейся, власть может держаться долго. Но власть, оставшаяся без поддержки интеллектуалов, становится смешной и нелепой в своих собственных глазах. Дни ее сочтены и процесс реставрации начинается обычно с нового прочтения истории революций.

**100 ВЕДУЩИХ ПОЛИТИКОВ
РОССИИ В 1993 ГОДУ
(к вопросу о механизме политического успеха)**

На протяжении всего 1993 года Служба изучения общественного мнения "Vox Populi" (руководитель - проф. Б.Грушин) совместно с "Независимой газетой" ежемесячно определяла рейтинг 100 наиболее влиятельных российских политиков. По итогам года был составлен и опубликован ("Независимая газета", 6 января 1994 года) список всех 184-х государственных и общественных деятелей, которые хотя бы раз в минувшем году входили в первую сотню. В основном ими оказались, естественно, руководители федеральных органов исполнительной, законодательной и судебной властей России. Государственные чиновники высшего ранга - президент РФ и руководители его администрации, премьер-министр и члены кабинета, члены президиума Верховного Совета, руководители высших судебных инстанций и правоохранительных органов - уже в силу своего должностного положения решающим образом влияли на общероссийскую политику.

Вместе с тем, в число ведущих политиков России, в конечном счете, вошли руководители ряда российских регионов, а также лидеры основных политических партий, объединений и общественных движений, не занимавшие, по крайней мере, в прошлом году, официальных государственных постов. Несмотря на отсутствие у них прямой возможности участвовать в процессе принятия важнейших решений на общенациональном уровне, многие региональные и партийные лидеры, по мнению экспертов - участников данного исследования, весьма сильно влияли на российскую внутреннюю и внешнюю политику. Так, на 11-м месте в итоговом списке за 1993 год стоит мэр Москвы Юрий Лужков, на 20-м - лидер Российского союза промышленников и предпринимателей Аркадий Вольский, на 22-м - председатель Демократической партии России Николай Травкин, на 23-м - мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак, на 24-м - лидер Коммунистической партии РФ Геннадий Зиганшин и так далее.

В связи с этим возникает вопрос, - каков механизм (способы, рычаги, методы) воздействия региональных и партийных руководителей на общероссийский политический процесс. Для ответа на него рассмотрим вначале динамику оценок влиятельности тех и других в прошлом году.

Рейтинг руководителей российских регионов в 1993 году (средние оценки по десятибалльной шкале).

Руководители регионов	МЕСЯЦЫ											
	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	
Аушев Р.С.	-	5,1	4,7	5,5	4,5	4,3	4,5	4,6	4,3	3,2	4,0	
Галазов А.Х.	-	3,6	3,2	4,3	4,2	4,4	3,8	3,3	2,5	3,3	3,0	
Гончар Н.Н.	-	-	-	-	3,6	3,7	3,6	3,3	3,2	3,1	3,8	
Дудаев Д.М.	2,6	4,2	4,9	5,8	5,7	5,0	4,3	4,4	3,5	3,7	3,5	
Илюмжинов К.Н.	-	-	-	-	5,0	4,1	4,2	3,7	3,8	3,2	3,5	
Лужков Ю.М.	5,7	5,3	6,7	7,0	6,3	6,3	6,7	6,4	7,5	7,0	6,9	
Немцов Б.Е.	-	3,8	4,3	4,5	4,3	4,1	3,4	3,4	3,9	4,1	3,9	
Николаев М.Е.	-	2,9	2,9	3,3	3,3	4,3	3,3	2,8	2,7	3,4	3,2	
Рахимов М.Г.	-	-	2,1	3,4	3,5	3,1	2,4	2,8	2,0	-	-	
Россель Э.Э.	-	-	-	-	-	-	2,7	2,9	2,6	3,8	4,2	
Собчак А.А.	5,1	5,3	5,5	5,6	5,7	5,1	3,9	4,8	5,9	5,5	5,6	
Степанов В.Н.	-	-	3,5	4,3	4,9	4,3	3,7	3,5	3,2	3,3	3,2	
Строев Е.С.	-	-	-	3,9	3,6	3,5	3,5	2,9	2,5	2,8	4,2	

Тулеев А.М.	3,3	3,9	4,2	4,7	4,2	3,8	3,4	3,2	3,7	3,4	3,8
Федоров В.П.	-	3,1	3,0	3,2	3,3	3,4	3,2	2,7	2,3	-	-
Шаймиев М.Ш.	4,3	4,9	5,1	6,0	5,6	5,0	4,7	4,1	4,1	4,4	4,6

Примечание: в январе эксперты не оценивали ни одного из руководителей российских регионов.

Если проанализировать максимальные оценки каждого регионального руководителя (выделены шрифтом), то можно заметить, что в большинстве случаев они приходятся на май-июль - месяцы активного противостояния органов исполнительной и законодательной власти. Каждая из властных "ветвей" всячески пыталась в это время перетянуть регионы на свою сторону, привлекая их руководителей к решению общефедеральных вопросов. Вместе с тем, у этого "правила" есть и исключения: во-первых, максимальный рейтинг Юрия Лужкова и Анатолия Собчака наблюдался в октябре - результат их активных действий во время трагических событий в Москве 3 - 4 октября; во-вторых, "пик" влияния Эдуарда Росселя в ноябре - декабре был связан с провозглашением Уральской республики и, в-третьих, Николай Гончар и Егор Строев получили самые высокие оценки после своего избрания в Совет Федерации. Таким образом, перечисленные случаи скорее подтверждают общую закономерность: влияние региональных политиков, по мнению экспертов, в первую очередь определяется их участием в федеральной политике.

Помимо данного, на наш взгляд, ведущего, фактора есть и другие эффективные способы "вмешательства" региональных лидеров в "большую" российскую политику. Представление о них можно получить из ответов экспертов на вопрос "Каким образом в первую очередь руководителям российских регионов в 1993 году удавалось тем не менее влиять на общероссийскую внутреннюю и внешнюю политику?" (в % к объему числу экспертов; n = 50 человек):

за счет проведения самостоятельной региональной политики, которую были вынуждены в той или иной мере учитывать федеральные органы власти – с помощью скрытого давления	70
на высших должностных лиц государства - путем явного лоббирования региональных интересов	40
в федеральных структурах власти - благодаря высокому личному авторитету региональных лидеров,	21
их политическим идеям, предложениям, программам	14

Примечание: в данном случае каждый респондент мог дать несколько ответов, в результате чего общая сумма последних превышает 100%.

Как видно из ответов на приведенный вопрос, в арсенале региональных политиков преобладают, во-первых, институциональные, а не личные и, во-вторых, скрытые (от внешнего наблюдателя), а не явные способы "давления" на федеральные органы власти и их руководителей. Последнее обстоятельство, вероятно, можно объяснить определенными политическими традициями, относительной неразвитостью парламентских (публичных) механизмов, сохраняющейся информационной закрытостью некоторых сфер политической деятельности. Что же касается институционального фактора, то его вес, безусловно, доминирует в экспертных оценках влияния региональных лидеров. Не случайно по итогам 1993 года иерархия выглядит следующим образом - руководители Москвы, Санкт-Петербурга, Татарстана, Чечни, Ингушетии, Кемеровской и Нижегородской области, Каре-

лии, Северной Осетии, Калмыкии, Орловской области, Якутии и так далее. Несмотря на то, что мэры, президенты, руководители представительных органов власти данных регионов – безусловно, яркие фигуры на российском политическом Олимпе, личностные характеристики не сыграли решающей роли в определении их рейтинга на основе оценок экспертов.

В чем-то схожая, но и отличающаяся картина раскрывается при анализе механизма влияния партийных лидеров, хотя бы раз фигурировавших в числе ведущих политиков России в минувшем году.

Рейтинг лидеров политических партий в 1993 году (средние оценки по десятибалльной шкале)

Лидеры партий	МЕСЯЦЫ											
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Аксюциц В.В.	3,0	3,6	4,5	3,7	4,1	3,6	3,8	3,4	2,9	2,5	2,4	2,0
Анпилов В.И.	2,6	3,7	4,0	4,0	6,0	4,8	3,7	3,5	3,0	4,2	1,9	-
Астафьев М.Г.	3,3	4,2	4,4	4,1	4,6	4,1	3,9	3,9	3,3	2,9	2,1	2,1
Бабурин С.Н.	4,9	5,4	5,6	5,5	5,4	5,4	5,0	4,6	4,3	4,0	3,2	3,9
Боровой К.Н.	3,1	3,8	3,5	4,1	4,0	4,7	4,3	4,1	3,3	4,2	3,8	4,2
Владиславлев А.	2,9	4,0	4,2	4,3	4,0	4,6	3,8	4,0	3,7	3,1	3,9	3,5
Вольский А.И.	5,2	6,5	5,7	6,0	5,3	5,4	5,0	4,9	4,6	4,1	5,2	4,3
Жириновский В.	2,3	3,0	2,7	2,9	3,4	3,2	-	-	-	-	-	8,4
Зюганов Г.А.	3,0	5,4	5,9	5,4	5,6	4,7	4,6	4,2	4,0	3,7	5,2	6,5
Константинов И.	3,3	4,2	4,1	3,8	4,9	4,3	3,6	4,2	3,4	4,2	1,9	-
Липицкий В.С.	3,8	4,5	4,0	3,9	3,5	3,5	3,5	3,5	3,3	2,8	2,9	2,5
Лысенко В.Н.	3,9	3,1	3,7	3,1	3,2	3,2	3,0	2,9	2,9	2,6	2,9	3,2
Пономарев Л.А.	3,4	4,6	4,2	4,2	4,4	4,2	3,7	4,1	3,1	3,8	3,5	3,3
Попов Г.Х.	3,0	4,6	4,5	4,6	4,9	5,0	4,8	4,1	3,9	4,5	4,3	4,4
Стерлигов А.Н.	3,2	3,7	4,1	3,5	4,2	3,7	3,4	3,7	3,2	2,1	-	-
Травкин Н.И.	5,5	5,4	5,7	5,7	6,0	4,8	4,3	3,8	4,5	4,3	4,9	5,6
Якунин Г.П.	3,4	3,6	3,4	3,4	3,8	3,6	3,5	3,4	3,0	3,4	2,4	2,4

Для одних из упомянутых в таблице политиков (Анпилов, Астафьев, Константинов, Стерлигов, Травкин и Якунин) пик активности пришелся на май - месяц первого кровавого столкновения оппозиционеров и органов правопорядка во время Первомайской демонстрации в Москве. Другие партийные вожди - Лысенко, Вольский, Липицкий, Пономарев, Аксюциц, Бабурин - наибольшее влияние на российскую политику оказали в первом квартале прошлого года, когда основная борьба за власть велась на заседаниях Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. Еще для троих - Борового, Владиславлева и Попова - самым "урожайным" в этом смысле оказался июнь. И, наконец, свой главный вклад в политическую жизнь России в 1993 году Жириновский и Зюганов внесли в декабре, одержав победу на выборах в Государственную Думу.

Вывод о том, что политический "вес" партийных лидеров в первую очередь зависит от степени их воздействия на решение общероссийских проблем, выглядит довольно тривиально, поскольку такое влияние является программной задачей политических организаций республиканского уровня. Дело, однако, в конкретных формах участия в политическом процессе. Представления экспертов на этот счет содержатся в их ответах на вопрос: "Каким образом в первую очередь лидерам политических партий в 1993 году удавалось влиять на внутреннюю и внешнюю политику России?" (в % к общему числу экспертов; n=50 человек):

с помощью скрытого давления на высших должностных лиц государства

33

путем явного лоббирования интересов тех или иных групп в структурах государственной власти

27

79

за счет влияния, авторитетности, массовости политических организаций, которые они возглавляют	24
благодаря своим выдающимся личным качествам, выдвигаемым идеям, предложениям, программам	14
другие ответы	8

Примечание: в данном случае каждый респондент мог дать несколько ответов, в результате чего общая сумма последних превышает 100%.

В отличие от региональных руководителей, явное и открытое лоббирование (представительство, защита) интересов тех или иных общественных групп у партийных лидеров служит одной из главных предпосылок политического успеха. "Вес" самих партий, напротив, играет более скромную роль в политической жизни, чем "рейтинг" российских регионов. Личностные характеристики как региональных, так и партийных руководителей поставили на первое место в качестве фактора политического успеха в обоих случаях по 14%, а скрытое, тайное давление на государственных чиновников отметила также примерно одинаковая часть - соответственно, 40 и 33% экспертов. Таким образом, можно заключить, что успех региональных руководителей на общероссийской политической сцене определяется, по мнению наблюдателей-аналитиков, преимущественно их официальным статусом в своем регионе, а также статусом самого региона в Российской Федерации. Политический успех партийных лидеров в современной России в первую очередь зависит от их неформальных связей в высших структурах государственной власти и размеров социальной базы поддержки со стороны различных общественных групп.

Е.Ш.ГОНТМАХЕР

МОГУТ ЛИ ЗАВЛАБЫ БЫТЬ МИНИСТРАМИ?

Появились крылатые выражения, авторство которых принадлежит В.С.Черномырдину. Например, о том, как они там в правительстве стараются-стараятся что-нибудь изменить к лучшему, а получается "как всегда". Или о неких завлабах, рвущихся в министры, а то и в президенты. Это создает определенный образ автора, по его признанию, "красного директора", со всей сопутствующей системой ценностей и жизненных установок. Но я бы рискнул сказать, что эти крылатые выражения, так же как и весь стиль деятельности автора, отражают те нравы и ценностные установки, которые все еще преобладают в российской номенклатуре.

Почему "все еще"? Я знаком с аппаратными порядками 70-80-х годов, - тогда в качестве младшего научного сотрудника одного из центральных экономических научно-исследовательских институтов я часто бывал в союзном и российском Госпланах, в правительственных коридорах. В 1992-1994 годах мне довелось занимать довольно высокие "аппаратные" позиции (начальника управления Министерства труда, заместителя министра социальной защиты населения России) и, естественно, понаблюдать за новой номенклатурой изнутри. И если в двух словах отвечать на вопрос о том, что изменилось, то можно сказать: практически ничего.

На первый взгляд этот ответ может показаться странным: неужели встряска аппарата, которая происходила все эти годы, ничего не изменила? Ведь не просто появились новые лица, эти люди заняли многие господствующие позиции.

Но тот неутешительный вывод, который сделан выше, правомерен: подавляющая часть аппарата правительства и министерств самым прямым и непосредственным образом унаследована от прежней эпохи, сменился только очень узкий верхний слой.

Завлабы (в более широком смысле научные сотрудники), прорвавшись осенью 1991 года в высшие эшелоны власти, став министрами, вице-премьерами и даже и.о. премьера, посчитали, что тут вот и настал их "звездный час". Наконец-то можно будет осуществить на практике то, что вычитано из западных книг, переговорено в курилках академических институтов. Каждый м.н.с., н.с., с.н.с., в.н.с. или завлаб, кто имел хотя бы минимальный интерес к тому, что он делал в науке, испытывал неприязнь к бюрократам, которые не обращали внимания на их отчеты, доклады и статьи. И вот теперь наступило время своеобразного отмщения.

Но не тут-то было. Уже через пару месяцев стало ясно, что судьба реформ во многом зависит не от бывших завлабов, а от самых что ни на есть мелких чиновников из аппарата правительства и министерств. Конечно, ни о каком саботаже с их стороны не было и речи. Просто эти люди не могли не работать так, как их приучили десятилетия существования жестко централизованной системы. Бывшие завлабы потребовали от них качеств научных сотрудников: думайте, рождайте идеи, пишите, спорьте. Бывшие завлабы стали писать на бумагах такие замысловатые и интеллектуальные резолюции, после которых опытные аппаратчики часто бывали в тупике. Именно поэтому многие благие пожелания завлабов реализовывались так медленно и с такими извращениями.

Но в России пока нет другой бюрократии. Выгнать старых чиновников можно, но кем их заменить? Демократы, пришедшие во власть, совершенно не знакомы с культурой и рутинными навыками управленческой работы. Поэтому они "горят" на таких мелочах, о которых никогда нельзя было бы и подумать. Этому помогает и совершенно неадекватное

представление многих бывших завлабов о том, насколько велика разница между желаемым (в том числе и в работе аппарата) и действительным. А для терпеливой взаимообогащающей работы не было ни желания, ни времени: ведь в конце 1991- начале 1992 годов реформы развивались стремительно. Именно из-за этого завлабы были заведомо обречены на мелкие и крупные неудачи.

Еще один слой людей, отношения с которыми у завлабов не сложились: хозяйственные руководители с мест, а также региональные начальники.

Как было раньше? Приезжали люди в Москву решать свои проблемы, шли в правительство, Госплан, министерства и везде встречали своих: не секрет, что значительная (если не преобладающая) часть высшей номенклатуры попала в столицу из провинции. Эти люди еще недавно были теми же директорами, председателями исполкомов, партийными секретарями. Поэтому не было никаких проблем с языком и стилем общения (его неотъемлемая часть - пресловутое "тыканье" со стороны вышестоящего чиновника). Складывалась вполне определенная атмосфера корпоративной принадлежности. Естественно, что и вопросы решались на вполне определенном морально-психологическом фоне: предпочтение отдавалось землякам, щедрым просителям и т.п.

А что теперь? В руководящих кабинетах при Гайдаре сидели люди, совершенно не признающие землячества (тем более что подавляющее большинство из них - москвичи и петербуржцы). Причем это отрицание, навеянное, бесспорно, западническим псевдокосмополитическим духом, было настолько демонстративным, что у завлабов были подчеркнута натянутые отношения с руководителями их же родных городов. Трудно оказалось и по части подношений: завлабы не привыкли к тому, что их воспринимают как царьков, особенно при посещении провинции. И дело здесь даже не в каких-то особенных моральных принципах, а в несовместимости стилей поведения старых и новых чиновников. Например, то, что кажется местному руководителю вполне нормальным (богатые застолья, бани, показное подбострастие и одновременно доверительное панибратство, шикарные "сувениры на память"), бывшему завлабу представляется пошлостью и верхом неприличия.

Конечно, не стоит идеализировать образ завлаба, попавшего в коридоры власти. Элементарное непонимание бюрократических реалий (в значительной степени неизбежных при любом государственном устройстве), порождало раздражение и суету. Какая-то часть завлабов начала быстро осваивать худшие черты советско-бюрократического стиля поведения. Испытание властью включает в себя "вертушки", персональные автомобили, визиты за границу "за счет принимающей стороны", все то же подбострастие нижестоящих чиновников. И вот результат: кое у кого появилась надменность, демонстративное подчеркивание значимости собственной персоны, расслабленность. Те революционные (в хорошем смысле этого понятия) замыслы, с которыми завлабы пришли в правительство, для некоторых из них очень быстро перестали быть интересными, зато сохранение кресла (независимо от изменений политического и экономического курса правительства) стало задачей № 1. Эти люди пытаются органически вписаться в команду премьера, не понимая того, что их завлабское прошлое рано или поздно в этой компании все равно сыграет с ними злую шутку. Чтобы быть членом команды, надо вести свое происхождение от своих: "красных директоров", партийных секретарей, министерских клерков времен Леонида Ильича.

Теперь, когда основная часть завлабов из правительства ушла, в бывшем «Белом доме», во многих министерствах происходит самый настоящий ренессанс: на руководящие посты выдвинулись из тени те, кто угодливо поддакивал, например, Е.Гайдару в его бытность и.о. премьера, но терпеливо ждал своего "звездного часа". Все восстанавливается: стиль взаимоотношений, язык общения, даже манера одеваться. В коридорах власти резко поубавилось людей в джинсах, мини-юбках, бородатых и лохматых.

Но дело в том, что этот ренессанс происходит на очень специфическом политическом фоне. Возвращение к номенклатурным временам "развитого социализма" невозможно: впереди либо жесткая система "работы с кадрами"- нечто вроде той, которая существовала во второй половине 30-х годов, либо все-таки победа новой, демократической бюрократии.

Если принять в качестве базового второй, т.е. оптимистический, вариант, остается неясным так называемый "переходный период" от старого к новому. Что произойдет в ближайшие месяцы? Я пишу эту статью в середине апреля. Возможно, что к моменту выхода ее в свет произойдут очередные пертурбации. Поэтому я рискую ошибиться. Однако кое-какие соображения о судьбе завлабов, побывавших на олимпе власти и вынужденных его покинуть, я выскажу.

Вкус власти все-таки сладок. Конечно, это не абсолютная истина, но оказывать влияние на события в масштабе такой огромной страны, как России, - это не просто удовлетворение собственного тщеславия. Для многих завлабов, несмотря на все особенности бюрократической жизни и сопротивление чиновничьего материала, одной из значимых ценностей остается возможность своими руками что-либо менять. Возвращение в мир науки - это крах, потеря всякого интереса к работе. Именно поэтому завлабы, вытесненные из правительства, предпочли либо податься в коммерцию (с занятием весьма высоких позиций: председателей правлений крупных банков, акционерных обществ и т.п.), либо стали политиками.

И это понятно. Иные, особенно удачливые, бизнесмены просто-напросто покупают свое проникновение в коридоры власти. А уж политикой занимаются с одной-единственной целью - прийти к власти.

Таким образом, первое поколение завлабов, попавших "наверх", оказалось заражено тамошним вирусом, видимо, всерьез и надолго. Конечно, трудно ожидать, что следующим (после В. Черномырдина) премьером России станет кто-либо из бывших завлабов. Но я не исключаю, что 1996 год может дать им неплохой шанс.

В этом и ближайших номерах Вестника публикуются избранные материалы экспертного опроса "Тюмень в процессе формирования новой региональной политики", проведенного Центром прикладной этики в мае – июне 1994 года. Полностью материалы опроса изданы отдельной книгой.

Ю.В. КАЗАКОВ

ОПУСТИТЬСЯ НА ЗЕМЛЮ – ПОДНЯТЬСЯ ДО "ЗЕМЛИ"?

У эксперта есть два пути совместной работы с авторами Проекта. Один - добросовестно отвечать на заданные вопросы в том случае, если рабочая гипотеза принимается в принципе. Другой - сознательно уходить в сторону от той части анкеты, которую можно назвать "вопросником", и сосредоточиваться на рабочей гипотезе проекта, чтобы привнести в саму дискуссию полезные или даже необходимые акценты.

Второй вариант в данном случае представляется тем более предпочтительным, что авторы анкеты для экспертов начинают ее с точного полемического хода. В качестве стартовой платформы опроса они предлагают уникальную по концентрации допущений, внутренних вопросительных знаков сентенцию взрывного характера, касающуюся самой идеи *регионализма*. "Россия, - замечают они самым будничным тоном, - сегодня все чаще обращается к идее регионализма как к *неизбежной* и в некотором роде *спасительной социально-политической и гуманистической доктрине возрождения и реформирования общества*".

На первый взгляд, эта фраза ошеломляет. Это же надо, куда воспарить - как оторваться от грешной земли! Пора, давно пора возвращать "яйцеголовых" на эту самую землю, напомнить, чей хлеб едят.

Но если возвращать "на эту самую": привычную, исконно-посконную, землю, - может быть, всегда будем жить, как жили и живем? Вглядимся поэтому в предложенную конструкцию внимательнее: куда путь держать собираемся?

Подчеркнутое мною - суть *рамочные требования*, предъявляемые авторами к предмету экспертизы - "регионализму" как политически, экономически, морально обоснованной, доктринально оформленной, общественно ориентированной и, значит, глубоко оправданной системе взаимоотношений "Центра" и "Региона" как некоей "местной" субстанции. Именно такое понимание "регионализма" принимается за основу для поиска формулы "новой региональной политики".

Вспомним толкование термина во времена СССР: "Регионализм - подход к рассмотрению и решению экономических, социальных, политических и других проблем под углом зрения интересов и потребностей того или иного региона" (Словарь иностранных слов, М., "Русский язык", 1984).

Регионализм - подход, отдающий приоритет интересам "региона", то есть определенного "места". Приоритет перед чем? По гипотетической версии авторов, предлагаемой экспертам для "мозгового штурма", - перед неким "Центром". Сам термин «новая региональная политика» означает, что раз нужна «новая», значит, есть "старая", "прошлая", реально существовавшая "региональная политика"? Интересно бы узнать - где и какая, если авторы анкеты, "провоцируя" экспертов, деликатно отмечают: совершенно не ясно содержание самого понятия "регион". Итак, налицо коварство, поистине безграничное: нам предлагается всерьез вести разговор о "регионализме" и "новой региональной политике" при нечеткости содержания понятия "регион", неочевидности его "границ". С другой стороны:

для того ведь нам это и предлагают, чтобы прийти к какому-то общему взгляду на "регион", который давно, со времен еще аганбегиановских экономических программ и самостоятельного предъявления себя "межрегиональной депутатской группой" времен советско-союзного парламента, не сходит с кончика, в том числе политического, языка.

Воспользуемся же этим предложением и начнем с элементарного - с канонического толкования понятия "регион". Тот же "Словарь иностранных слов" дает нам общее определение: "Регион (англ. region - лат. regio) - 1) область, район; часть страны, отличающаяся от других областей совокупностью естественных и (или) исторически сложившихся, относительно устойчивых экономико-географических и иных особенностей, нередко сочетающихся с особенностями национального состава населения; 2) группа близлежащих стран, представляющих собой отдельный экономико-географический или близкий по национальному составу и культуре, или однотипный по общественно-политическому строю район мира".

Сделав поправку на год издания словаря, махнем рукой на "однотипность по общественно-политическому строю". Хотя... Устойчивость ценностных ориентаций, стереотипов мышления, политических предпочтений значительной части населения Центрального Черноземья, к примеру, - достаточно определенный в социологическом смысле феномен. Отражение симпатий и антипатий этой части в лицах и программах лидеров разного масштаба, выдвигающихся, в том числе в государственные деятели, через народное волеизъявление именно в этом "экономическом районе", - чем не основание для зачисления в "регионообразующие" факторы, в том числе и раstra "общественно-политических" предпочтений?

Другой вопрос, возвращающий к сути дискуссии: а есть ли у нас сегодня шанс "дотолковаться" до единства в подходе к **регионализму** как к основе оптимальной **региональной политики**? (Я сознательно отбрасываю определение "новая", полагая, что основы "региональной политики" ни в СССР, ни в Российской Федерации, включая "постэсэсэсэрную", никогда не постулировались, что политика такая никем - именно как политика - не велась; стало быть, "новая" в сочетании с "региональной" - не более чем дань нашей "революционной" политико-лингвистической традиции, предпочтению "свежего" "качественному".)

Такой шанс существует, но он невелик, как минимум, по двум причинам. Первая уже названа: размытость самого понятия "регион". Субстанция, за ним стоящая, не имеет реального **правового** наполнения, - не говоря уже об определенном масштабе. "Регион" поэтому может толковаться как угодно широко или узко. Исходя из приведенного выше определения, трудно отказать в праве именоваться "регионом" всему российскому Дальнему Востоку, к примеру, или паре аулов в горах, отличающихся "совокупностью... условий" от третьего, лежащего в тех же горах чуть выше или ниже. И город Тюмень при таком подходе вполне возможно объявить "регионом", выделив именно местные географические, исторические и прочие особенности. Можно, но логично ли?

Вторая причина представляется даже более существенной: "регионализм" как подход под углом предпочтений "Места" имеет выраженные плюсы, но и не менее выраженные ограничения. Конрад Хессе, известный германский специалист по конституционному праву, подчеркивая особую роль федеральных земель в жизни современного германского общества, писал: в более тесных пределах земли "деятельность государства еще может сохраняться в обозримом, проверяемом и понятном гражданину виде"; деление на земли создает возможность "сознательного участия и соучастия гражданина в государственных делах, - и в этом смысле федеративное устройство создает существенные предпосылки для демократии". Децентрализация в таком выражении - благо, имеющее, однако, предел, выраженный Хессе следующим образом: "федеративный строй может служить расчленению единого до той поры политического организма, который должен быть защищен федеративным строем от полной и окончательной дезинтеграции".

Обратим внимание на одно обстоятельство, представляющееся существенным. В государственном (по характеру и масштабу) документе - Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «Об укреплении российского государства» - есть раздел, в котором словосочетание "региональная политика" употреблено десятки раз. Не имея

возможности цитировать этот текст подробно, я исхожу из предположения, что авторы проекта и коллеги-эксперты знакомы с ним и, следовательно, обнаружили там не только достаточно целостную характеристику основных принципов и целей региональной стратегии (включающую и такой пункт, как "обеспечение территориальной справедливости", с расшифровкой: "ни один регион не должен получать каких-либо неоправданных привилегий"), но и понятие "центр", употребленное в определенном контексте. "Время борьбы регионов с "центром" за свои права уходит в историю. Конституция предоставила всем регионам России широкие права. Те региональные политики, которые все еще требуют полномочий, ломаются сквозь стену рядом с открытой дверью", - утверждает в президентском "Послании".

Жесткий тон этой фразы свидетельствует о серьезности подхода Президента к обсуждаемой проблематике и заставляет внимательно отнестись к ряду обстоятельств, проявляющихся в третьем разделе документа. Вот те из них, которые представляется принципиально важными для результатов экспертного опроса, проведенного Центром прикладной этики.

Первое: глава государства признает реальной угрозой, таящуюся в использовании формулы "преодоления диктата Центра" в качестве козырной политической карты местного уровня, политического тарана. Второе: у Президента и его команды есть оформленное представление о гарантиях региональной самостоятельности в политической сфере (прямые выборы региональных властей; их подчинение не федеральным властям, а федеральной Конституции) и в сфере экономической (разделение налоговых поступлений между федеральным, региональным и местным уровнями). Третье: "региональное" в его версии увязывается с "национальным", в том числе с попадающей в "государственный" ранг задачей "сохранения уязвимых этнически культур и общин, особенно в регионах Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока". Четвертое: глава государства и впрямь считает, что появление Конституции в значительной степени - поскольку регионам уже предоставлены "широкие права" - исчерпало саму проблему "регионализма", что с *правовой* точки зрения, не хватает всего лишь ряда "базовых законов, позволяющих перевести конституционные принципы новых федеративных отношений в реальную правоприменительную практику". Он даже перечисляет необходимые: "о принципах разграничения предметов ведения и взаимного делегирования полномочий между федеральным "центром" и субъектами Федерации", "о порядке принятия в Российскую Федерацию нового субъекта или образования в ее составе нового субъекта"; "о порядке изменения конституционно-правового статуса субъекта Российской Федерации". И, наконец, последнее. "Регион" и для Президента тоже - понятие "плавающее": некая административно-территориальная единица, идентифицируемая то с "субъектом Федерации", а то и просто с "районом".

Учитывая, что из "Послания" проросла идея соглашения о достижении гражданского согласия в России, трансформировавшаяся в известный «Договор об общественном согласии», стоит обратить внимание на одно любопытное обстоятельство: "трансформация" эта, то есть прохождение версии по ступеням согласований, доведение набора взаимных уступок и обязательств до уровня "минимальной подписуемости", устранила из предлагавшихся формул... именно "региональную политику". "Регион" в Договоре встал на твердые ноги, приобретая вид "субъекта Федерации". Сама же "региональная политика обернулась "упрочением федеративного устройства". Желая убедиться в этом достаточно сверить тексты. Что касается причин трансформации, выскажу достаточно банальное предположение: в переменах, в том числе знаковых, отразился баланс сил и интересов, с одной стороны, президентской команды, с другой - политической элиты самих регионов. "Региональная политика", как она выглядела в проекте "Соглашения", имела, заметим, явно "центральный" характер. "Федеративное" в "Договоре", напротив, носит следы явной уступки "регионализму" в его реальном проявлении, - в раскладе сил в Федеральном Собрании, к примеру.

Вернемся, однако, к вопросу о том, можно ли сегодня, при отсутствии четких дефиниций понятия "регион", в том числе выходящих на сферу права (уровень субъектности; оп-

ределенность прав и полномочий и т.д.) определить разумную формулу "региональной политики"?

Можно, если политика эта будет изначально строиться как действительно фундаментальная. С чего начать движение в этом направлении? С перестановки вопроса с "головой" (тут много чего поднакопилось, начиная от попыток обнаружить и взять "сколько сможем" "суверенитета" на местах) на законные, конституционные "ноги". С определения - именно сегодня - предельно четко всего, что относится к понятию "федерализм".

Не настаивая на формулировках уже цитированного выше германского юриста, приведу все же его видение "федерализма" как "основного принципа свободного объединения различных, в основном равноправных, как правило, рациональных политических общностей, которые таким образом должны быть объединены для совместной деятельности". Что за рядом - "свободное", "в основном равноправных", "как правило, рациональных"? Фиксация случая в виде нормы? Отражение везения самих немцев, у которых именно такими оказались земли? Отнюдь, формула разумного, прошедшего проверку практикой универсализма. Уточним: "земли" нынешней благополучной Германии - отнюдь не исторически сформировавшиеся или "правильно" выстроенные регионы (северный Шлезвиг-Гольштейн и сегодня объективно куда беднее Пфальца или Баварии), а в массе своей - плод штабного мышления западных оккупационных начальников. Уравняло их - и, прежде всего, в правах и возможностях самих земель и их жителей, - подлинно федеративное и потому действующее государственное устройство их родины, "федеративная государственность как форма созидания политического единства", говоря словами г-на Хессе.

Понимая, что "германскую модель" никак не рассмотреть в рамках данного текста, обратим все же внимание на два обстоятельства. Первое: при широчайших правах каждой из земель, закрепленных как их конституциями, так и Федеральным Основным законом, права эти не абсолютны и уж никак не ретроградно-консервативны. Известно, скажем, что растущее значение техники, экономики, транспорта, рост взаимозависимостей в экономической жизни, практика строительства "социального государства" привели к тому, что центр тяжести политической жизни объективно смещался в ФРГ от частного к общему, к федерации. Почему это никого не шокировало? Да потому, что именно "федеральное" доказало способность наиболее эффективно использовать принцип разделения властей: предотвращая в том числе злоупотребление властью, обеспечивая всеми силами, имеющимися у государства, уважение к Основному закону, обеспечивая свободы, создавая предпосылки для предотвращения (а в случае необходимости - и подавления) конфликтов, способных нанести урон экономическому и политическому единству страны, обществу, гражданину.

Второе: "немецкое чудо" вряд ли стало бы возможным, если бы, допустим, богатый углем Рур объявил уголь своей, земельной собственностью. Или составной частью Свободной земли Бавария оказалась бы какая-то другая земля (с неизбежным втягиванием обеих в споры о том, кто главнее, когда обе - "субъекты Федерации").

Можно просто удивляться уверенной, спокойной жизни современных немцев. Но можно и присмотреться к стоящим за этой уверенностью правовой основательности и политической - демократической! - благонадежности немцев, представляющих собой в значительной степени продукт новейшей, послевоенной истории. Конечно, приучение к жизни заново - в новых границах, по новым, федеративным нормам, - не было для всех и каждого в "выигравшей поражение" Германии делом "личного выбора"; ситуация диктовалась реалиями. Точно так же не "выбором" каждого отдельного человека, но конкретными историческими обстоятельствами была продиктованной необходимость проходить школу федерализма (правда, в границах уже отстроенного социального - без всяких кавычек - государства) той части населения нынешней страны, что четыре десятилетия была объединена в рамках ГДР: пять новых, по новым границам выстроенных территориальных образований учатся ощущать себя именно "землями". Охота пуще неволи? Неволя, порождающая охоту? Крайняя ситуация?

А у нас разве - другая, не крайняя? Разве есть надежда, что **регионализм** решит хоть одну проблему, если в задачу его будет входить, как первое и главное, - обеспечение регионом для себя "сильной позиции" во взаимоотношениях с "центром"? Если основой "регионализма" останется, по сути, возвышение "местного" за счет понижения "федерального", воспринимаемого не как полезное и разумное свое собственное (организующее, защищающее, помогающее жить), но как чужое и чуждое, и при этом докучающее требованиями дани далекое ханство?

Разумеется, подход как к "своему собственному" предполагает общность взгляда на "федеративное" и "федеральное" с самим "центром", выверенность его позиций, адекватность конституционным стандартам - во всем и всегда - применяемой властной технологии. И в этом смысле формулу того же президентского "Послания": "задача федеральных властей - найти такую форму государственного устройства, чтобы естественное стремление регионов к большей самостоятельности не создавало угрозы целостности России" - никак не отнести к точным. Почему только "федеральных"? Почему только "целостности"?

Потенциал "федеративного" в разумной организации усилия, в установке сложных и дорогих "замков", предохраняющих от различного рода серьезных и очень серьезных опасностей, - системное предохранение такого рода как раз и образует многомерное понятие "безопасность". На федеральном уровне можно аккумулировать средства, знания, опыт более эффективно, чем на уровне региональном или межрегиональном, в том числе в деле строительства гражданского общества. Федерализм - это надежда как можно ближе подойти к обеспечению равенства прав, реализации декларируемых Конституцией свобод и возможностей личности.

"Регионализм" сегодня - при размытости понятия "регион" и в условиях прежнего административно-территориального деления России (сохраняющего генотип пригодности именно "централизованному управлению") - не может нести серьезного позитивного содержания, ибо по характеру своему и вектору он противостоит федерализму, а не дополняет его. Может ли он приобрести иной характер в обозримом будущем?

При неизменности административно-территориальной основы, путь к этим переменам обещает быть долгим, и, полагаю, - мучительным. Среди вероятных причин назову одну: неизбежное стремление сохранить статус-кво административно-территориального деления (как основу, в том числе завтрашнего своего положения) самими "региональными элитами". Именно сегодня, на переходе ваучерной приватизации к приватизации "большой", элиты эти приступают к решающему переделу собственности внутри "регионов" и подводят мощную экономическую, финансовую, информационную базу под свою политическую власть. Можно сколько угодно возмущаться этим, можно сетовать на "криминализацию" элит (только ли предпринимательских?) - у региональных элит появляется мощный стимул окапываться, переходить к активной "наступательной обороне" во взаимоотношениях с центральной властью. На практике это означает: Россия выходит на новый виток конфронтации между "центром" и поднакачавшими мышцы региональными "центрами силы", конфронтации, заведомо опасной для общества и самоубийственной, с точки зрения долговременных интересов самих этих элит. Потому, что на качелях раскачиваемого будущего путь один - в катастрофу. У беды может оказаться множество лиц: от техногенной до властно-криминогенной, от "случайно" вспыхнувшей гражданской войны на почве национальной (пример - Карабах) или социальной - до переросшего в большую войну спора из-за принадлежности какого-то стратегического военного объекта. Версий много, важны последствия ситуации. Доведенный до логического предела, поднимающийся на конфронтационной волне "регионализм" обречен на невыживание в результате потери шансов стабилизироваться, совместить свои амбиции с требованиями соседей, с "допусками" (пропуском на вход) мирового хозяйства, международного сообщества.

Разумеется, это версия крайняя по тяжести - и отнюдь не относимая к региональным элитам "вообще". Но у прогноза такого рода есть достаточно известные географические привязки. А значит, есть и вероятность запуска цепной реакции, - с риском, в том числе, и

случайного, попадания на политическое минное поле: по причине соседства, партийной дисциплины, промаха в политической игре. Оправдан ли такого рода риск?

Представляется, что именно "тупиковость" обстоятельств, заданных вчерашним вектором «регионализма», дает определенную надежду на развитие переговорного процесса "центра" и "регионов", - по меньшей мере, тех из них, где у власти находятся "продвинутые" в смысле ответственности, ориентированные на опыт цивилизации "региональные" политики. С ними "центру" и нужно развивать все более интенсивный диалог, не убаюкиваясь самим фактом существования Конституции или Договора об общественном согласии, вести заведомо трудный поиск новой опоры федерализма. Поиск перспективной модели такого государственного устройства, которая узаконила бы именно "регион" (неважно, как он будет называться: область, округ, земля) как действительно новую административно-территориальную единицу, соотносящуюся с другими, схожими по основным параметрам, и в силу этого естественным образом склонную к кооперации, компромиссу, учету взаимных и общих интересов.

"Регионализм" суть "спасительная социально-политическая и гуманистическая доктрина возрождения и реформирования общества" – такова «суперпланка», выставленная для «нового» регионализма инициаторами экспертного опроса. Попробуем соотнести с ее уровнем те рамки, в которых экспертам предлагается вести поиск будущего для "тюменщины" (как максимум - та же область, включая оба округа, как минимум - отдельно взятый город Тюмень или же "город Тюмень с Югом"), чтобы убедиться: "прыгну" никак не покорить заданную высоту. Почему? Сами "модели" "не тянут"? "Планка" заимствована из другого "сектора для прыжков"? Мне представляется, что "планка", хоть и поставлена "высоковато", под гражданское общество, так сегодня и должна стоять; что замены, требующей определенного абстрагирования от привычного, реального субъекта, требует сама "модель".

"Региональное", и это, очевидно, остро нуждается в новой единице измерения, соответствующей масштабу российских проблем и возможностям, которые должны за этой единицей открываться.

Будет ли основой такой "новой меры" нечто схожее с немецкой "землей", руководствующееся сразу двумя конституциями, собственной и федеральной? Считая именно такой вариант оптимальным, я понимаю, что шансов на его осуществление в России сегодня немного. Готов допустить в этой связи, что могут быть найдены варианты более пригодные именно для России, с ее достаточно специфической историей, политическими и культурными традициями, не вдруг меняющимся менталитетом. Принципиально важным представляется разве что сам отмеченный выше принцип успешно действующей германской федеративной модели: союз примерно равных. Но принять его – значит, договориться о сущностном: речь должна идти о действительно *новом* регионе. Таком, который породит и *новое* понимание регионализма, - и действительно *новую* региональную политику, как политику, формируемую с двух сторон и работающую на обоих направлениях.

Может ли эта "новая региональная политика" быть "городской"? На первый взгляд, нет. Разве сведение "региона" к городу - не та самая запредельная "атомизация" политического организма, за которой не остается пространства ни для государства, ни для гражданского общества, ни для самого человека как гражданина? Городская политика по своей природе - и в самом деле политика муниципальная; уровень ее - уровень местного самоуправления... Но вот в той же ФРГ живут и здравствуют города-земли Бремен и Гамбург; первый - не более Тюмени. Как сочетается у немцев тяга к "примерно подобному", как основе федеральности, с такими явными исключениями? Сочетается, ибо это - именно исключения: ганзейские города, с их вековыми традициями "свободного города-государства". Тут уже - вопрос национального менталитета, надвременной, исторической культуры; политики, наконец поощрившей традицию, ориентированную на свободу, способную свободой распорядиться. Готова ли Тюмень претендовать на такого рода исключительность? Приходится ли надеяться, что ее поймут и поддержат в окружающем пространстве? Ответы представляются заведомо однозначными.

Неизбежно ли рассматриваемое в анкете в качестве одного из сценариев судьбы Тюмени "раздробление нынешней области"? И тут вопрос упирается в модели "нового региона", которых даже в такой большой стране, как Россия, не должно быть ни 816, ни даже 98. "Новый регион" может оказаться в итоге и меньше Тюменской области, и больше ее. Надо полагать, выход на оптимальный его масштаб естественным образом преодолел бы и такой элемент сталинского наследия, как псевдоавтономные округа, "вписанные" в область. "Новый регион" куда лучше, чем они, должен обеспечивать, в том числе, и интересы народов Севера.

Страшно ли было бы при реоформлении пространства в виде отделения округов остаться городу Тюмени с Югом области? Не более страшно, убежден, чем "бедному" Шлезвиг-Гольштейну жить перед лицом "богатого" Пфальца или "богатой" Баварии. При гарантированном на деле равенстве гражданских прав и обязанностей в любой точке страны, при разумно отлаженной системе перераспределения налоговых потоков и т.д. "богатство" и "бедность" территорий (читай "регионов") - явление сугубо относительное. Ну, а где дело обстоит так, - о каком "захолустье" речь?

НЕФТЬ И ДАВЛЕНИЕ

Смеет ли автор нижеследующего прогноза рассчитывать на точность своих предположений? Может ли он надеяться, что развитие событий пойдет «предначертанным» им путем? Двадцатый век, мне думается, - не время для подобных иллюзий. Ни один прогноз, а политический в особенности, в этом столетии не сбывался. И, судя по всему, это правило за оставшиеся шесть лет так и не изменится. Тогда вопрос: на что все-таки надеется автор?

Ответ - в старом, почти забытом стихотворении, герой которого

... заклинанье сотворя,
в мешок, где прыгает клубок
из сотни змей и одного угря
спокойно опускает руку.
Глупец, наверно, вытащит гадюку.
Но так как счастье часто служит зря,
он вытащит, пожалуй, и угря!

Поэтому автор данной публикации предупреждает, что все, написанное им, - субъективно, а следовательно, - неточно.

Опасность неточности прогноза возрастает, когда речь идет о многофазной, многофакторной системе. Одна ошибка - и с каждым ходом рассуждений погрешность увеличивается. Помните, как в "Золотом жуке" Эдгара По? Достаточно было старому негру опустить нитку с золотым жуком не в ту глазницу черепа (ошибка в несколько сантиметров!), как искатели сокровищ оказались далеко от цели. Тот же математический принцип встречается и у Конан-Дойла, и у Александра Грина в повести "Ранчо "Каменный столб".

Автора больше всего увлекает та часть шахматной задачи, в которой Центр играет против Региона. Центр почти непрерывно атакует, а Регион предпочитает действовать контратаками, лишь обозначая возможность, гипотезу удара. В лучшем случае из Региона раздается очередная шумовая атака, в ответ на которую провинциальные политики в очередной раз ожидают - и напрасно! - уступок.

Центр уступок не делает и, по-моему, поступает совершенно правильно. Потому что он понимает: тотчас начнется эскалация. Дашь мизинец - откусят руку. Мне это опасение представляется весьма реальным. Оно многое объясняет, но, с другой стороны, слишком упорствуя, Центр ошибается.

У тюменцев, как хорошо известно, уравновешенный и даже ленивый характер. (Говорят, что в прошлом основное население города составляли прасолы, торговцы скотом, которых вряд ли можно было упрекнуть в холерическом темпераменте). Не учитывая инертности тюменской политической массы, Центр делает ошибку. Регионы типа Тюмени способны довольствоваться малым и очень долго эту малость переваривать, как удав кролика. Может месяц лежать, не двигаться. А удав, которому кролика вовремя не дали, становится агрессивным и может проглотить дрессировщика.

Центр, на мой взгляд, должен понимать различия между регионами. Он не должен обманываться, не должен действовать по одной схеме. Он не дает шахтерам Воркуты то, что они просят - понимает: начни кормить подачками шахтеров, они начнут требовать все больше и больше. Аппетит придет во время еды. А нефтяная Тюмень может довольствоваться малым. Более доверчива. Тут нет той критической массы, что приводит к цепной реакции: характер труда у нефтяника предполагает разукрупнение коллектива. Маленькая бригада в бурении, одновременно в смене работает пять человек. В добыче, собственно у задвижек, и того меньше - один, два. А Центр подходит одинаково - что к шахтерам, что к тюменцам-нефтяникам.

Что еще, на мой взгляд, характерно для Тюмени? Пожалуй, состояние неопределенности. Здесь очень сильно ощущение пограничности самого человеческого существования. Человек тут балансирует на границе жизни и не жизни. Тут край. Низкие температуры делают сомнительной саму возможность выживать.

Я не знаю, устраивает ли Центр характерная для ситуации в Тюмени неопределенность. Я не знаю, иницирует ли он эту неопределенность. Если так, то это еще одна ошибка. Тут пограничье. Территориальное. Пограничье жизни. Не случайно этот край до сих пор мало заселен. Не случайно, по прогнозам, в ближайшие годы край потеряет миллионы людей. Людям, живущим в пограничье, и так хватает неопределенности. Зачем им еще политические неурядицы? Экономические неурядицы? Здесь опять начинаются эскалация погрешности, умножение неравновесия.

Тридцать лет назад, подталкиваемый одной из «неопределенностей», я приехал сюда на один год. Тогда дипломы после университета выдавали не сразу, а после года работы. Что для меня было тогда стабилизирующим фактором в мире, полном неопределенности? Поле для профессиональной деятельности. Необыкновенный простор. При всей неопределенности личной (квартира и т.д.) я, сосредоточенный на поиске себя, увидел пространство, в котором могу построить свое профессиональное здание. Вылепить фигуру Рафаэля Гольдберга, профессионального журналиста. (Голос редактора: "Вряд ли бы тебе это удалось где-то в другом месте". - Не исключено.) Тут было огромное поле-определенность. Твердь. Константа. Расчет оказался правильным.

Но вернемся к территории, которая сегодня во многом неопределенна. Стабильность которой сомнительна. Целостность которой под вопросом. Почему? Еще раз посмотрим на карту Тюменской области. Внутренние границы округов - словно рубцы. Спайки. Область больна, у нее спаячная болезнь. По границам-швам началось воспаление. И, тем не менее, болезнь будет нетороплива, как любая хворь, с которой трудно жить, но от которой не умирают. Ничего страшного тут не будет. И это позволяет утверждать, что свою вялотекущую борьбу с Центром область не выигрывает.

Кроме того, у области нет явного лидера. Нет человека, который бы все рыхлое, соединенное рубцами-спайками, консолидировал. Который бы стал знаменем всей территории. Нет такой партии. Экономической структуры нет. Я был недавно на встрече с директорами заводов. Они агрессивно настроены против нефтяных генералов. Они считают, что, грубо говоря, нефтяные генералы продали свою тюменскую родину за заграничные поездки, ничего здесь не хотят покупать и даже ездить сюда не хотят. Зачем? Чтобы пожить в гостинице "Восток" среди тараканов? Более того, иногда нефтяники покупают тюменскую продукцию (произведенную в СП), но за границей. Здесь, конечно, мира не будет. Но лидера на юге нет. Значит, не будет и войны.

Нет лидеров и в других регионах. Прошла смена фигур: Россель, Шойхет, Муха... Все, что хоть на вершок торчало в регионах, сбрито рукой президента. Да, остался Борис Немцов. Но мне кажется, что его многие воспринимают как любимчика, как счастливчика. Он вызывает недоверие у людей, которые вышли из советской школы. Он сделан из другого теста. Он представляется мне человеком совершенно другой формации. Сегодня представителей этой формации мы у власти фактически не видим.

Возможно, рано... Но даже в западных прогнозах относительно выборов 1996 года предполагается, что власть в России окажется в руках выходцев из прежних сословий либо связанных с ними. Имеются в виду люди типа Немцова плюс вышедшие из ВПК. Насколько можно судить по интонациям, по отдельным репликам, мне кажется, что большинство руководителей территорий Немцову не доверяют, как не доверяли Гайдару, как не доверяли многим, пришедшим к власти после 1991 года.

Эти люди - другие. Не хорошие или плохие, нет. Они - другие. Иные. Я не могу точно сказать, когда придет их черед и придет ли он вообще. Формация нынешних руководителей типа тюменских Рокецкого, Филипенко не верит, по-моему, таким, как Немцов. Может быть, опасаются таких. Потому что сами ползли по лестнице вверх, не пропуская ни одной

опоры, а Немцов, как представляется, шагал через ступеньки. Разве случайно, что с Немцовым нашел общий язык только Явлинский?

Нынешние губернаторы добровольно пойдут лишь за человеком своего поля, своего круга. Они могут его не любить, но он для них - прогнозируем. А Немцов в их представлении - марсианин. Правда, есть люди, которые скорее поверят марсианину, чем таким, как многие нынешние руководители. Но среди этих людей нет губернаторов.

Авторы опроса ждут экспертных суждений и оценок?

Из многих непонятных терминов нынешнего времени термин «новая региональная политика» - самый непонятный. Ну почему "новая"? Разве была старая региональная политика? Я ее не знаю. А если была, то чем новая отличается от старой? Что в ней регионального? И что такое собственно "региональная политика"? Совместная политика регионов? Или политика Центра против регионов?

Даже в застойные времена была борьба регионов с Москвой. За кредиты, чтобы больше откусить. Или - давайте газопровод. Или переброску воды проведем через нашу область. Или - камвольный комбинат лучше построить у нас...

Проекты, ресурсы, внимание руководства, награды, место в ЦК... Разве это не региональная политика? А чем сегодняшняя политика регионов отличается от вчерашней? Тогда - больше взять у Центра, а сейчас меньше отдать Центру. Мне кажется, что эти фразы не содержат больших различий. Это одна и та же позиция. Без противоречий.

Центр всегда и во все времена (тем более сегодня, когда представляют, олицетворяют собой Центр недавние выходцы из регионов - это относится и к Ельцину, и к Черномырдину), принимал и принимает "послушный тип" регионального политика - субъекта, который будет проявлять инициативу исключительно в рамках, определенных Центром. Причем, менее всего роль этих рамок будут играть законы. Итак, послушный, покорный, но с инициативой... Поэтому я не могу определить, с кем они пойдут на контракт.

О формировании коллективного субъекта тюменской региональной политики пока говорить сложно, потому что в области, среди ее политиков, нет единства. Если учесть замену ряда фигур на шахматной доске Тюменской области в последнее время - уход Баяндина, практически покинут своей прежней (от Чурилова еще) командой Филипенко, назначен на Ямал Неелов - возможно, что-то может перемениться. Хотя надеяться на это, судя по первым заявлениям Неелова, вряд ли стоит.

Наблюдается очень странная закономерность. Многие могли обратить внимание: с какими бы взглядами человек ни приходил на руководящую работу в регион (в Тюмень, в Ханты-Мансийск), они изменяются. Чурилов пришел в Ханты-Мансийск из Тюмени. Что ему Гекуба (Ханты), и что он Гекубе (Хантам)? Но вдруг он стал патриотом Ханты-Мансийска. Почему? Какая магнитная аномалия в этой точке у слияния Иртыша и Оби меняет человека? Почему Кузин, пилот, уроженец Украины, вдруг начал так вести себя радикальнее всех ультрапатриотов Ямала? Проще всего объяснить это личными амбициями: мол, хочу быть президентом Ямальской республики, и все тут! Но мы ведь имеем здесь два примера одного и того же порядка. Значит, это - не случайность. Значит, мы можем говорить о тенденции. Очевидно, внутренняя жизнь региона сама формирует тенденции, выразителем которых становится лидер. Приди туда самый откровенный противник автономии, человек с аграрного юга, Горохов, например, - через три-четыре месяца он начнет вести ту же самую политику, что и Филипенко. С вариантами, но ту же самую. Я назвал бы это явление "Фактор Объединенных Арабских Эмиратов".

Бедуинское племя, неожиданно для себя ставшее владельцем нефтяных залежей, осознавшее себя их хозяином, начинает себя вести как хозяин нефтяных залежей. Оно не станет затыкать скважины, не перестреляет операторов на промыслах, а будет ждать фонтанов и потом властвовать.

Думаю, что ожидать резких перемен, слава богу, на нашей территории нельзя. Все детали зависят от того, ценою каких уступок область добьется соглашения с округами. Пока я не вижу других вариантов. А Центр, конечно, заинтересован, чтобы субъект был как

можно слабее. Эта классическая схема, которая не требует разбора. Все мировая история тому пример, какими бы идеологическими подпорками не укрепляли государственный фасад. Центру иметь дело со слабым регионом выгоднее. Такова практическая психология Центра, несмотря на самый демократический имидж.

Кто выиграет в результате? Регион, если Центр не помешает, тем или иным способом (не силовым, конечно, поскольку нет сил у него, чтобы поставить по стойке смирно всю Тюменскую область) должен отстоять свои права. Я думаю, что Центр боится, что он хотел бы проявить власть, но боится получить в Тюменском регионе воркутинский или кузбасский вариант. Он, конечно, будет демонстрировать мускулы, стучать кулаками по столу, но не более. Вариант, что Тюмень силой будет поставлена "к ноге", маловероятен. С другой стороны, поскольку отсутствуют лидеры, невелики шансы, что Тюмень сама организуется и повернет против Центра. Значит, все останется, как есть.

Леонид Юлианович Рокецкий - формальный лидер области и хотел бы, несомненно, стать единовластным лидером. Но у него есть не одна ахиллесова пята, а сразу две. Первая заключена в его характере. Он при всем своем очевидном упрямстве - человек осторожный. И, как все упрямые люди, пытается упрямством компенсировать мягкость и слабость характера. Во-вторых, он - человек без команды. В его окружении идут большие разборки, мне кажется, что он никому не доверяет. Значит, этот вариант тоже не годится. Может быть, есть какая-то другая фигура, серый кардинал, вроде Николая Гуслистого, советника из Газпрома, услугами которого, как утверждают, пользуется Виктор Черномырдин, но я такого человека в окружении Рокецкого не знаю. Следовательно, по моему мнению, сохранится статус кво.

Что ждет город Тюмень в случае, если от нее обособится нефтегазовый комплекс, или даже если просто уменьшится, минимизируется степень влияния областного руководства на этот комплекс? Превратится ли она в этом случае в заштатный провинциальный городок? Опасность эта, по-моему, чрезвычайно велика. Тогда Тюмень ждет судьба городов-призраков, у которых все в прошлом. Она будет жить сном о своем золотом веке, который длился только двадцать лет. И не более того. Из всех вариантов, которые предложены, этот самый вероятный.

Поэтому от новой региональной политики Российской Федерации городские власти ничего не ждут. Не случайно, мэр Степан Киричук, побывав на совещании в правительстве, сказал, что никто там проблем городов не понимает и не хочет понимать, а уж говорить о самоуправлении - не с кем. Поэтому город пытается вести в отношении нефтегазового комплекса самостоятельную политику. Все южные райцентры, все городки пытаются завязать самостоятельные, прямые контакты с нефтяными регионами. Они понимают, что выход, спасение, решение проблемы - в прямых контактах. Кое-какой выигрыш для городов в этом просматривается, а выигрыш для области - проблематичен, скорее даже отсутствует. Для Центра - то же самое. Поэтому Центр рано или поздно захочет контролировать эти отношения. Должен захотеть.

Что делать самим тюменским городским властям? Максимально развивать свои контакты с нефтяниками, стать необходимыми для северных регионов, не уповая на правительственные решения, указания, законопроекты. Правда, сегодня вся эта необходимость существует главным образом в сфере эмоциональной, каким бы экономическим антуражем она не обставлялась. Один из тезисов: "Тюмень - мозговой центр". Это правда, но нет ни одного документа, который бы закреплял это положение. Значит, это всего-навсего эмоциональный всплеск, вопль. Риторика. "Тюмень - большая северная спальня и пенсионный отстойник". То же самое. «Тюмень - медицинский центр для охраны здоровья северян". И это риторика. Чтобы мы ни говорили, а регион этот громаден и для северянина в Тюмень лететь или в Москву для консультации с врачом, - все едино.

Единственное, что объединяет сегодня части территории - это общие воспоминания "о битвах, где вместе сражались они", о том же упомянутом мною золотом веке, а точнее о золотом миге. Воспоминания эти могут принести плоды, а могут и не принести, как все эмо-

циональное. А мы из мира идеологии, из мира эмоций переходим в мир экономических реалий.

Скорее всего, город и другие земли Юга пойдут с округами. Хотя, если дать им возможность оторвать взгляды от своих полуботинок и помыслить категориями других масштабов, они могли бы прийти к иным выводам.

Центр против сепаратизма округов. И города - против сепаратизма округов, но они с округами. Они хотят, чтобы округа делились не с Центром, а с ними. Сепаратизм округов, как круговая оборона, многогранен. Есть сепаратизм, обращенный против Центра, а есть – обращенный против юга. (Цитата: «Юг хочет жить на деньги Севера, предлагая ему взамен свои дорогие и некачественные продукты»). Южане хотят эту разделительную стенку убрать. Тут мы возвращаемся к старому – регионы против Центра.

Округа, каждый в отдельности, видят себя Боливаром, которому, как водится, не снести двоих. На всех не хватит, - заявляет Север. Идите, говорит он, а мы со своим сепаратизмом одни проживем. А города намекают: ты с Центром-то не делись, но делись с нами. Мы одной крови, ты и я.

С другой стороны, Центр тоже хотел бы обойти Тюмень, Юг и сам, напрямую, контактировать с Севером. Ведь сепаратизм ямальцев, трудно забыть, в 1990 году был весьма радостно воспринят российским правительством. А как ямальцев поддерживали и подкармливали в Москве! Ситуация развивалась и инспирировалась.

Это - по форме - чисто сексуальная игра. Те и другие - против многобрачия. И Центр, и Тюмень, каждый в свой черед говорят тому и другому округу: люби меня. Нет, меня! А округ-то один, на всех не хватит.

Может ли Тюмень стать "kozyрной картой" в политической игре? Если бы Тюмень чувствовала конкурирующий интерес к себе, тогда бы она могла вести себя так, как сформулировано в вопросе. А фактически так себя может вести только округ, за любовь с которым борются два соперника. Тюмени же капризничать не пристало. За любовь Тюмени сегодня не борется никто. Сколько бы она ни кокетничала, ни говорила о своем интеллектуальном потенциале, все это, пардон, в прошлом. Невеста наша несколько перезрела.

Очевидно, что Тюмень не может прибегнуть ни к каким формам давления в процессе переговоров, поскольку Тюмень сама по себе никого не интересуется. Это - реальность. Землю в Тюмени купить нельзя. Ну, получают окружные нувориши кирпичные коттеджи под Тюменью. Это же разные вещи. Конечно, Тюмень может закусить удила радикализма, пойти на обострение, ввести какой-нибудь бредовый "визовый режим" для жителей округов, обострить отношения каким-то иным способом. Например, перекрыть транспортные магистрали. Шума будет много, а эффекта - нуль. Основные нефтегазовые магистрали с Севера идут, минуя юг. Округ непосредственно граничит со Свердловской областью. Поэтому Тюмень должна быть готова строить свое будущее одна.

Основная ошибка предыдущего режима - он не предусмотрел такого поворота событий и не обезопасил Тюмень. А представьте себе, если бы все транспортные схемы были замкнуты на областной центр?

Говорят, что когда американцы вступают в брак, они заключают контракт, в котором предусматривается, что в случае развода... Руководители Тюменской области (да и страны в целом) развода не предполагали. И нет ни одного документа. Облсовет в свое время не произвел на свет ничего, кроме сотрясения воздуха. Я имею в виду пункт 3.7 из договора о совместном недропользовании. Думаю, что пункт этот - уступки округов, валериановые капли после эмоционального потрясения юга. При наличии разногласий и отсутствии законодательного фундамента (который строит Центр) этот договорной пункт может быть отменен.

И, наконец, можно ли договориться с Центром без давления? Думаю, нет. Нефть пахнет хорошо. Пахнет валютой. За каждой уступкой стоят очень большие деньги, каждая грозит потерей очень больших денег, а таких добровольцев - нет. Поэтому каждая газетная статья, каждое слово на пресс-конференциях обеих (или трех?) сторон, каждое письмо и

подпись под заявлением, каждое совещание административного совета области - все это есть давление.

Без давления о нефти не договариваются. История нефтяной промышленности не знает примеров, чтобы нефтяные поля делили без давления. Нефть ведь вообще добывается под давлением.

**ТЮМЕНЬ
В НЕОСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Моя позиция - независимый исследователь и эксперт. Ни одну из предложенных анкетой позиций занять не могу, поскольку они - позиции интересов. Подобные экспертизы предполагают не только имитирование экспертами позиций существующих структур, но и исследовательскую независимость, позицию включенного исследования. Мой текст основан на исследовании регионализации советского пространства. Исследования ведутся как проект Междисциплинарного академического центра социальных наук (Интерцентра). Все приводимые соображения носят условно-сценарный характер и не должны рассматриваться конструктивно, как предложения.

Начнем с **общей геополитической ситуации в Российской Федерации (РФ)**. (См.: Реальности регионализации: основные аспекты процесса // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М.; Интерпракс, 1994, с.171-175; Спектр сценариев для Российской Федерации // там же, с.309-314).

Первое. Геополитическое пространство многоуровенно, в нем действуют фрагменты Советского Союза, власти РФ, и одновременно регионы многих уровней. Иностранные государства вынуждены с этим считаться, устанавливая, скажем, контакты по поводу спорных с Японией островов с Москвой, Владивостоком, Сахалином, самими Южно-Курильскими островами. Это - **многоуровенное полисубъектное пространство**, регионализация которого только набирает силу. (РФ - государство в фазе становления/регионализации). В этом пространстве все сильнее доминируют горизонтальные отношения, в том числе и отношения Центра и регионов. Это уже не отношения принуждения, но договоренности, сделки, торг (административный), и т.д. Какие бы формы регионализация не принимала, она продолжается и углубляется. Исследования в ряде регионов показали, что регионализация проникла в повседневную жизнь гораздо глубже, чем можно было предположить, но это "проникновение" слабо осознается и почти не учитывается. Здесь образуется довольно опасный зазор между картиной, которая представляется в Москве (и не только), и жизнью регионов. В самих регионах реальный Центр во многом подменен унаследованным мифом могучего Центра.

Второе. Приватизация протекает отнюдь не только и не столько в экономике, она носит скорее всеохватный, почти тотальный характер. Приватизируются сами властные институты на местах. Можно говорить о **приватизации всего административно-территориального деления**. Речь идет как об уступке территорий между областями, (что обсуждается при наличии экономических интересов) и даже о преобразовании целых городов, как административных единиц, фактически в корпорации (известный случай Кисловодска). Это и многое другое свидетельствует, что стандартная, привычная модель государства, больше не работает.

Из истории хорошо известно, что за испанское наследство – спорные территории, определенные торговые преференции и вопросы престолонаследия – велась очень долгая война. Стран-участников конфликта было мало, тем не менее, война длилась долго. Я ввел понятие "советского наследства". Идет борьба за советское наследство. Многочисленные конфликты, совершенно неизбежные, в том числе между регионами и Центром, - проявления борьбы за советское наследство.

Перейдем к конкретной проблематике опроса экспертов.

1. Тюмень - субъект и Центр. Сложносоставной территориальный, коалиционный тип субъекта региональной политики ныне мало реален. На основной территории РФ процесс региональной фрагментации еще не дошел до предела - того уровня, где образование

коалиций будет равносильно выживанию региональных "фрагментов" территории. Вряд ли налицо и культурно-политическая традиция компромисса, атрибут устойчивых коалиций.

Однако в долгосрочной перспективе, по мере реализации простых преимуществ и исчерпания очевидных политик, появляется возможность игры на коалициях. Это требует четких, "тяжелых" групп интересов и значительной гибкости, чтобы участвовать во многих коалициях разных регионов. Статус участника многих разных коалиций может конвертироваться, как и любой институциональный статус. Не исключено, что часть коалиций будут создаваться именно теми группами, которые освоят способы конвертации (приватизации) таких статусов.

Главное в конституировании любого субъекта - самовыявление и оформление устойчивой системы групп на основе общности стратегических интересов. Такая система должна иметь целеполагание, волю, рефлексию. Территориальный и государственно-административный аспект - следствие и оформление становления субъекта. При этом вполне реальный субъект может выстраиваться и так, чтобы в подобном оформлении не нуждаться. Реальным, эффективным и устойчивым региональный субъект может быть, организуясь принципиально иначе, чем централизованное государство. Так, он должен ориентироваться на полиморфизм организации, в том числе и институциональной (административной), сплетение и наложение (а не совпадение) в пространстве разных структур, минимум собственно государственно-властных функций.

В этой связи я категорически не согласен с самой идеей идентичности региональной и/или городской политики разных мест. (Идентичность структурных блоков при тотальности их функций порождает неизбежный и жесткий конфликт между ними хотя бы за счет конкуренции за власть - полномочия, общий и ограниченный институциональный ресурс). Разнообразие - это атрибут территории, и ее важнейший ресурс независимо от размеров; да и различия городов области весьма велики. Если Тюмень - регион действительно без деревни, то без трансформации административно-территориального деления не обойтись. Напрашивается идея - ее стоит проработать - полисно-федеративной организации территории с учетом перспективы приватизации городов и территорий. Причем административные отношения в федерации на такой территории должны быть очевидно приемлемы, как и ее квазиоткрытый характер. По-видимому, федеральная модель региона позволит разрешить застарелые проблемы (например, периферийно-провинциальное положение Тобольска), в частности, за счет размещения органов управления регионом в нескольких городах. Его дороговизны бояться не следует, косвенные преимущества могут оказаться важнее. Здесь вообще возникает масса возможностей, включая и ассоциирование с каким-либо регионом ранга области. (Рамки статьи не позволяют остановиться на этом подробнее).

2. Центр РФ осуществляет много фрагментарных региональных политик; они непоследовательны, конъюнктурны и неэффективны. Разумной интегрированной региональной политики ожидать не приходится. Надрегиональный Центр, традиционно-ошибочно именуемый "федеральным", считается только с сильными регионами, в чем бы эта сила не состояла. Ориентироваться на некую приемлемую для Центра модель регион-субъект - вряд ли осмысленная стратегия, хотя бы из-за отсутствия в политической реальности такой модели. У структур Центра не партнеры, а вассалы, при неприятии этого статуса становящиеся противниками.

3. Стратегии Тюмени - упрочение статуса. Сохранение статуса требует спектра стратегий и долгосрочного инвестирования в будущий статус. Метастратегия - диверсификация стратегий и использование не столько обозначившихся, сколько будущих геополитических и других возможностей. Среди собственно стратегий нужно выделить, по моему, следующие.

(А) Диверсификация связей, развертывание их в разных направлениях и на разных уровнях.

(Б) Использование географо-геополитического и транспортно-коммуникационного положения: прежде всего, транспортно-инфраструктурной базы для нефтяного Севера. Ли-

ния Омск - Тюмень - Екатеринбург - единственный железнодорожный выход Сибири в Европейскую часть полностью по территории РФ, без пересечения территории Казахстана (осложнения с которым возможны), т.е. естественный монополист. Использование транзитного положения на авиапуте через Сибирь и Арктику. Одновременно вместе с Казахстаном Тюменская область - полный монополист на связи Сибири с западными районами. Стоит вспомнить челябинский тарифный перелом и возможности его аналога при регионализации (приватизации) железных дорог.

(В) Реализация потенциала функций центра не для территорий, а для групп и структур. Например, Тюмень (Тобольск?) как столица сибирских татар, как центр высшего образования для Севера (общего и специфических "северных" специальностей). Очевидны функции - хотя частью возможности упущены - финансового в широком смысле центра для Севера, места досуга богатых северян (игорный бизнес, дорогая особая рекреация и пр.). Пустует функциональная ниша центра организации аналога ОПЕК для СНГ (но не межгосударственной).

(Г) Инверсия "недостатков" региона в преимущества. Собственно Тюменская область (без округов) по сибирским меркам мала. Однако для использования в качестве инновационного полигона это - преимущество. Де-факто разные регионы легализовали разные виды деятельности. Перспективно не наращивание какой-либо уже сложившейся специализации, но создание условий для неожиданных направлений экономики (институциональный и инвестиционный климат и т.д.). Особенно третично-четвертичного сектора. (Упомянуты некоторые идеи, возникшие при экспресс-анализе ситуации Тюмени; ответ эксперта на анкету - не место для развертывания эвристических идей).

Говоря шире, глубокая готовность к новым ситуациям - это особый ресурс (институционального) выживания и развития во многих сферах. В частности, хорошо быть готовым к более широкой и глубокой приватизации, для чего следует отчетливо знать все, что есть на территории "федерального"; иметь концептуальные стратегии для всех основных сценариев становления-трансформации РФ и т.д.

Условие реализации любой и всех стратегий подобного типа - не материальные ресурсы, а человеческий потенциал и способы организации людей. Очень важно стимулировать самоорганизующиеся группы и использовать их активность, что может быть гораздо эффективнее прямых мер по организации. Таковыми могут быть этнические и квази-этнические группы (казаки), экономические, экологические и др. Существенно быть готовым к актуализации сибирского областничества. Наконец, сейчас идут процессы присвоения регионами функций реального насилия, и даже иногда - создание собственных вооруженных сил. Несомненно, что отдельные части вооруженных сил на территории области участвуют в ее хозяйственной и иной жизни; с этим надо считаться и этим можно пользоваться. К стратегическим аспектам относятся также создание условий для ключевых групп и даже отдельных лиц, роль которых в малом провинциальном регионе может быть очень велика, установление регионально-мотивированных межличностных связей. Регион обязан располагать информацией касательно собственной территории (где находится архив Атласа Тюменской области?). Необходима специальная работа над *имиджем* территории (реконструкция существующего в разных группах - возможности трансформации - развития). (Пока - сколько вижу - имидж Тюмени односторонен, бледен и тускл).

5. Необходимая полиальтернативность. Альтернатива "с Центром против округов - с округами против Центра" слишком груба, ситуации не исчерпывает. Партнеров по конфликту и контактам гораздо больше.

А) Существуют возможности горизонтальных связей типа союза с Екатеринбургом (городом или регионом) и одновременно вхождения в Сибирскую и Уральскую ассоциации; более широкий союз с Казахстаном в целом и/или его отдельными регионами; особые отношения с Татарстаном; отношения с регионами, где живут этносы, представленные в области меньшинствами. Стоит обратить внимание на намечающуюся интеграцию северо-востока Европейской части и Урала, в которой Тюмень могла бы искать место.

Б) Если Тюмень стремится проводить политику Центра по отношению к своим округам, то очевидно, что опираться придется на административный уровень ниже округов. Это - субрегионы, части округов - от отдельных городов до коренного населения. Учитывая сказанное о сибирских татарах, Тюмень могла бы использовать возможности выступить в роли защитника коренного населения против «нефтяных баронов». В этой связи различие местного населения с его более или менее укорененным в ландшафт хозяйством (независимо от этнической принадлежности) и населения "нефтяного", территорию колонизирующего, очень актуально и может быть политически манифестировано.

6. Раздел денег из общего источника, как и раздел ресурсов, легко конвертируемых в капиталы, - спор неразрешимый. Здесь очень важен момент определения собственника земли под магистральными трубопроводами. В дальней перспективе важнее владеть земельными коридорами, чем транспортной инфраструктурой.

7. Средства в игре с Центром. Каждый регион в отстаивании своих интересов и торгах с Центром проводит политику, совмещающую использование реальных возможностей и угроз использования возможностей. Для Тюмени критически важный фактор - ее положение ворот в нефтяную Западную Сибирь. Здесь могут обыгрываться самые разные ситуации: требование платы за транзит по своей территории, усиливаемое местными "законами", реальную жесткость которых можно варьировать, и даже угрозы перекрыть соответствующие магистрали как экологически вредные, социально дестабилизирующие и т.д., требования компенсации изъятой под них земли по рыночной стоимости и упущенной выгоды из-за ограничений вдоль них; проблематизация темы экологической безопасности (нефтегазопроводы и обеспечивающий их добычу поток грузов по железной дороге - источник вполне реальной опасности). Сама ситуация использования узловых фрагментов территории региона в интересах Центра и иных территорий - источник и конфликта, и потенциальной выгоды.

8. Ситуация в настоящий момент не настолько определилась, чтобы эксплицировать требования и вести переговорный процесс. Учитывая ситуацию в Центре и болезненность для него проблемы нефти (главного источника существования как экономического/политического института), а также опыт получения другими регионами реальных прав, переговорный процесс уместен для закрепления уже достигнутого status quo.

В.И.ШПИЛЬМАН

**ОБ УСПЕХАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
И СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ УСПЕХА**

Мы часто употребляем оценочную категорию - "успех", но если мы не лукавим сами с собой, то хотя бы интуитивно чувствуем, когда это слово действительно соответствует действительности, а когда оно лишь пустой комплимент. Попробуем теоретически определить, что же обозначает это понятие.

Теория успеха утверждает:

- успех наступает в результате взаимодействия человека со сложными, не познанными до конца системами, такими, как общество, природа, мир художественных образов и т.п. Человек затрачивает значительное количество энергии, таланта, но этих прямых усилий всегда недостаточно, если не включается макросистема, когда же она включается, результат превосходит затраченные усилия. По форме результат может быть неожиданным (вследствие действия макросистемы) и для самого претендента на успех. Успех достигается в некотором вероятностном пространстве, однако такое достижение лишь отчасти дело случая, а в основном - итог целенаправленных человеческих усилий.

Теория эта - результат анализа тех ситуаций, которые все мы одинаково оцениваем как достижение успеха. Читатель может проверить ее справедливость на собственных примерах, мы приведем лишь несколько.

"Она пользовалась на балу большим успехом". Конечно, она целенаправленно трудилась: платье, умение танцевать, достаточный уровень воспитания, чтобы поддерживать беседу, косметика. Очевидно, что и вероятностные события реализовались благоприятным образом: пришли те, кто нужен, и не пришел тот, кто не нужен, и кто-то вовремя улыбнулся, и в паркете не оказалось трещинки и т.д. Ясно также, что именно на этом балу включилась и заработала система, именуемая общественным мнением. Представьте, всех присутствующих на балу можно было подкупить, каждому определить роль, когда восклицать и выражать восхищение, когда приглашать на танец - но разве это был бы успех? В том-то и дело, что система отреагировала, стала действовать сама. Определенного результата можно добиться, подкупая избирателей, подправляя статотчетность, "заказывая" рецензии, но успеха так не достичь.

"Рузвельт добился больших успехов, выводя страну из кризиса". Огромный объем целенаправленной работы, таланта здесь очевиден. Но это лишь малая толика того, что дала хозяйственно-политическая система в целом, придя в движение. Ясен и вероятностный характер этого успеха: не случилось каких-то катастроф, совпали временной период деятельности человека и зрелости системы и т.п.

Пушкин, завершив "Бориса Годунова", выскочил во двор, хлопал себя по ляжкам и восклицал: "Ай, да Пушкин, ай, да сукин сын!" Чему он радовался? Выполненному "объему работ", количеству исписанных гусиных перьев? Это была радость от того, что все сложилось, что тысячи слов, встав на свои места, вдруг зажгли необычайно живую картину, адекватную внутреннему, пушкинскому (а теперь и нашему) чувству правды, реальности.

Мы часто встречаем у писателей откровения о том, как сюжет или образ героя ведут за собой, становятся "неподвластными" воле их создателя, и это - успех, это - вершина творчества. Все основные элементы теории успеха и здесь налицо. А если кто сомневается в его вероятностном характере, то напомним, что и у гениев бывают неудачи. Участие сверхсложных, не познанных до конца систем часто приводит к результату, неожиданному

для генератора успеха. Даниэль Дефо, сочиняя "Робинзона Крузо", имел сверхзадачу - осмеять своих политических противников. В произведении с большим юмором проведены параллели в сроках различных событий, происходивших на необитаемом острове и в тогдашней Англии. Однако система отреагировала иначе, книга эта - огромный успех, но, вероятно, автор был бы огорчен, узнав, что читатель не замечает "самого главного".

Таким образом, путь к успеху состоит, как минимум, из трех элементов: определенные и часто немалые затраты труда, напряжения, усилий, талантов; вероятностная связь между трудом и полученным результатом; включение в работу системы в целом.

Затраты труда. Без труда - это ветренная удача. Поставил фишку на нужную цифру, сгрел миллион - удача. Вещь приятная, но не успех. Вероятностный характер связи действия и результата присущ и удаче, и успеху. Для удачи - это определяющий элемент, она практически не зависит от субъекта; для достижения успеха необходим целенаправленный труд самого субъекта. Однако успех не равен сумме усилий. В этом смысле успех близок к тому, что древние называли подвигом. Геракл очистил Авгиевы конюшни, очистка которых требовала огромного труда. Если бы он целый год махал вилами и лопатой, т.е. совершил работу, необходимую для механической очистки, вряд ли бы история его запомнила. Но он вложил сравнительно небольшой труд, запрудил реку, включил мощную природную систему, хлынувшая вода очистила конюшни - успех.

Вероятностная связь труда и результата. Никогда нет гарантии, что данный мазок мастера предельно гармонично сочетается с предыдущими и картина станет шедевром. Тысячи случайностей - и насмарку месяцы упорных тренировок спортсмена. Все системы не до конца определены, будь то политические течения в обществе или мазки на картине художника. Только при взаимодействии с неопределенными, не до конца познанными системами, возможен успех.

Успех предполагает не только наличие исполнителя, но и зрителя, или хотя бы того же исполнителя, который может взглянуть на результат со стороны и кое-что сказать себе самому. Вероятностный характер при достижении успеха крайне важен и для зрителя. В этом интрига. Начальные шаги претендента на успех не совсем ясны, советники предлагают прыгать не в длину, а в ширину и толкаться левой ногой, а внутренний голос нашептывает судьбоносные идеи. Вероятностная связь усилий и результата может привести к успеху, но зрителям становится, по крайней мере, ясно, куда хотел прыгнуть претендент, какую высоту взять.

Включение в работу макросистемы. Конечно, претендент на успех должен лучше нас грешных знать эту систему. Но она, будь то художественное восприятие образов или решение хозяйственных проблем, чересчур сложна. И когда в результате усилий субъекта система вдруг приходит в движение, слова складываются в строчки и образы, валики зацепляются за шестеренки, движение денег приводит в движение самолеты и станки, это всегда маленькое чудо. Когда Мохаммеда просили продемонстрировать чудо, он отвечал сурами Корана: самые большие чудеса, - это те, что нас окружают. Вы бросаете зерно в землю, и из него вырастает растение и дает вам пищу - это подлинное чудо. И все же интуитивно предполагается, что претендент на успех лучше других знает, как бросить это зерно, как запустить экономический механизм, как добиться поставленной политической цели. И тогда начинает действовать макросистема, дело как бы само собой складывается, результат, успех, Г-О-О-Л.

Как любая теория, наша теория успеха не затрагивает некоторых частных и неясных мест. Прежде всего, это относится к последнему интуитивному утверждению о компетентности претендентов на успех. Народная мудрость ставит его под сомнение на основании, вероятно, объективного представления о большой сложности природных, человеческих систем, которые должны включиться для достижения результата. Поэтому Иванушка-дурачок дергает за самые, казалось бы, неожиданные рычаги суперсистемы, нажимает самые неподходящие кнопки, вроде бы затрачивает труд впустую, а система вдруг начинает шевелиться и конечный расклад становится самый благоприятный, он достигает успеха.

Однако и в этой ситуации претендент на успех обладает очень высоким уровнем качества, только не в профессиональной, а в нравственной плоскости: он очень добр, очень влюблен и т.п. Для тех, кто будет развивать теорию успеха, включение в нее нравственного аспекта представит интересную проблему, мы на этом ограничимся.

Основываясь на созданной теории, попытаемся проанализировать некоторые успехи региональной политики за последние месяцы (согласитесь, что вряд ли какой-нибудь политик или хозяйственник захочет, чтобы его сравнивали с Иванушкой-дурачком).

Успехи политики. Вооружившись теорией успеха, можно более объективно оценить те изменения, которые происходят в важнейшем нефтеперерабатывающем районе страны - Ханты-Мансийском автономном округе. В течение многих лет мы пытались одним словом - "капитализм", "социализм" и т.п. - определить всю систему в целом, что, конечно, полезно, но не всегда эффективно. На Западе, оценивая здоровье человека, нередко дают заключение о возрасте каждой системы в отдельности: сердцу у тебя 40 лет, почкам - 60 и т.д. Пойдем и мы этим путем, не отказываясь и от оценки "в целом".

Общая теория организма. Октябрьские дни 1993-го принесли крупнейший успех президенту России и его команде. Впервые усилий, указов и выстрелов оказалось достаточно, чтобы зашевелилась вся система. Президенту еще никогда не удавалось расшевелить столь глубинные, скрытые элементы политической и хозяйственной системы. Теперь, добившись этого колоссального успеха, можно и ему, и нам посмотреть, как она начала работать. Но я еще раз хочу подчеркнуть, с позиции нашей теории, это безусловный успех.

Система хозяйствования в эпоху развития успеха. Как определить тот хозяйственный механизм, который существовал ранее, и тот, который устанавливается теперь? Никакие "измы" здесь не подходят. Главным фактором, обеспечивающим успех или неуспех работы предприятия, человека было ... "выпрашивание". Выпросил квартиру, путевку, сейсморпартию, бурстанок - успех. Лучшие идеи и планы оказывались ничем, если не сумел выпросить. Поэтому и назовем тот механизм системой выпрашивания.

На новом витке спирали заработали новые рычаги, деньги и товары стали пытаться согласовывать свои траектории. После октябрьского успеха, достигнутого президентом и его командой, на этих траекториях возник маленький заторчик, именуемый "неплатежи", который перекрыл и налоговые поступления, и естественные способы балансирования цен. Возникла уникальная для рыночных условий ситуация. Из оборота изъят главный рыночный товар - человеческий труд. Это было очень характерно для прошлой системы выпрашивания. Вспомните, людям платили зарплату, выдавали путевки и квартиры в качестве *вознаграждения*, труд не покупался и не продавался, просто некто получал либо не получал вознаграждение. Что ныне? Квадратный метр жилья, костюм и колбаса, все, что человек хотел бы иметь, обменивать на свой труд, продается по ценам выше мировых, а заработок в 50 раз ниже мирового уровня и не позволяет купить квартиру, машину и т.п. Под заработком я понимаю то, что не скрывается от налогов. Значит, все это можно купить только на спрятанные от налогов доходы, либо выпросить. Налоговая система не позволяет добывать нефть, если не выпросишь каких-либо льгот. Государственный трубопроводный транспорт сделал вид, что он залит нефтью под завязку и прокачку каждой тонны можно либо выпросить, либо купить. Правительство назвало наиболее активных выпрашивателей спецэкспортерами, поручив им продавать нефть за рубеж, а остальным давая эти права по мере их выпрашивания. Приватизация госимущества по ценам в несколько раз ниже номинала завершает общую, достаточно противоречивую, конструкцию.

Итак, на новом витке возрожден весь механизм выпрашивания, присущий прежней системе, существенно усилена роль уголовного компонента хозяйственного механизма. Безусловно, чтобы создать этого монстра понадобилось много усилий, благоприятное стечение обстоятельств, потребовалось, чтобы миллионы элементов системы хозяйствования отреагировали на воздействие. В результате - крупный успех.

Некоторые политические изменения на фоне успеха. В теоретической части мы уже упоминали, что при достижении успеха результат иногда озадачивает создателя. На

выборах победил В.В.Жириновский. Зря политологи и комментаторы так ополчились за это на избирателей. Сделанный избирателями выбор свидетельствует о необычайной мудрости народа. Сейчас видно, что любой другой расклад был бы для страны много хуже. Полное охлаждение избирателей к последующим выборам в органы представительной власти, в местные органы власти, так же, как и выборы ЛДПР на федеральном уровне, - это крупнейший успех президента.

Посмотрим с позиции теории. На что были направлены усилия в октябре и накануне: расстрел парламента в Москве, повсеместный роспуск только что избранных и начавших работать Советов. На исключение из политическо-хозяйственной жизни страны структур представительной власти. Удалось? Блестяще удалось. И не через тюрьмы и ссылки, а через включение сознания миллионов людей. Затронув миллиарды человеческих взаимодействий, сработала система, дала ожидаемый результат: функции представительной власти на местах упали так низко, как того хотелось президенту. Как оценить это состояние нашей политической системы?

Возможно, подсказку содержит новый герб страны. Специалисты по геральдике спорят, что в нем означают те или иные элементы: может быть, две орлиные головы - это западная и восточная части Римской Империи, а может, и нет, может быть три короны - это присоединенные к России Казанское, Астраханское и Сибирское Царства, а может, и нет. Но вот что однозначно, так это скипетр и яблоко - знаки самодержавной власти императора, короля. (Кстати, скипетр английских королей уже не одну сотню лет лежит на столе английского парламента). Если учесть символику герба, то ситуация становится очень похожей на ту, что сложилась в Европе XIV-XVI веков, когда шла борьба королей и парламентав. Известно, правда, чем кончилась эта борьба, известно, что без эффективных органов представительной власти невозможно развитие субъектов федерации, штатов и кантонов, разрешение, гармонизация интересов федерации и территории. Да, мы всегда пытались создать что-нибудь особое. А пока состояние политической системы - это XVI век в Европе. Ее идеология - на уровне разочарований в католицизме и возникновении протестантских "ересей". Камуфляж политической и идеологической системы на уровне XXI века: "демократы" - противники представительной власти; ваучеризация для народа и т.д. и т.п. в хорошем электронном состоянии.

Развитие системы недропользования. Грамотная система недро- и природопользования - крупнейшее достижение современных цивилизованных стран. Те страны, которые встают на путь цивилизационного развития, начинают, как правило, с усовершенствования этой системы. Так начала и Россия. Закон о недрах заложил основу цивилизованного развития территории и федерации. Но чтобы он действовал, нужно вырастить сложнейшую систему. Необходимо развить нормативно-правовую базу, которая определяла бы множество правовых ситуаций с выдачей и изъятием участков недр у недропользователей; систему взимания роялти, препятствующую хищнической эксплуатации недр; организовать информационные потоки и создание баз данных, позволяющих знать реальную ситуацию и контролировать ее, увязать систему использования недр и поверхности - список задач огромен.

За эту труднейшую работу взялись Совет и администрация Ханты-Мансийского автономного округа. Началось любовное выращивание системы, появились первые всходы. Крупный успех президента и его команды в октябре - ликвидация органов представительной власти, которые в основном и выращивали эту систему,- можно сравнить на ниве недропользования с испепеляющей засухой. До октября принято двадцать нормативно-правовых документов по недропользованию в округе. За последнее полугодие - ни одного. По 18 месторождениям в соответствии с указом президента выданы лицензии - в обход Закона о недрах. Неплатежи вырывают оставшиеся ростки рационального недропользования.

Структурные преобразования. Необходимо понять, что эффективная власть территориальных органов нужна для функционирования федеральных властей, и наоборот. Не в том дело, по большому счету, сколько начальников хочет сидеть в Москве, в Ханты-Мансийске, в Тюмени, дело в дисперсии условий, дисперсии параметров системы. Тысячи

особенностей имеет каждая залежь на месторождении нефти, а варианты сочетаний этих особенностей с поверхностными условиями, с динамикой хозяйственного механизма уже приближаются к числу различных вариантов шахматных партий. Вести из Москвы игру одновременно на тысяче шахматных досок неэффективно. Поэтому нужно разделение функций.

И здесь возникает фундаментальная проблема, заставляющая заглянуть в 1868 год, в год конгресса Первого Интернационала в Женеве. Главное положение, выработанное этим конгрессом, было: "нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав". За прошедшее столетие большинство стран мира освоило это фундаментальное положение. Имеешь право собирать налоги - обязан отчитаться перед налогоплательщиком: на что их истратил. Имеешь право распоряжаться трубопроводной системой - обязан обеспечить перекачку моей нефти. Имеешь право не выпускать много нефти за границу - обязан купить ее у меня сам.

Где там. То, что ныне называется разделением властей, разделением функций, почти всегда подразумевает иное, а именно - отделение прав от обязанностей. У одних - обязанности контролировать выполнение лицензионных соглашений по добыче нефти, но нет прав влиять через налоговые службы при нарушении этих соглашений; у других права разрешать и не пускать (нефть за рубеж, разработку месторождений и т.п.), но нет обязанностей по развитию энергетики страны и т.д. Разделение прав и обязанностей привело к почти полному уничтожению в регионе геологоразведочных работ. Все имели права не давать средств, но никто не имеет обязанностей перед народом России за подготовленный, спланированный энергетический кризис.

Крупный успех президента и его команды в октябре 1993 года обеспечил еще большее разобщение прав и обязанностей управленческих структур, сделал почти бесконтрольными права одних и почти невыполнимыми обязанности других. На оставшихся "почти" и продолжает как-то осуществляться экономика.

Система территориального управления сегодня представляет сложнейший лабиринт. Формально никакого территориального управления не существует. Существуют комиссары федерального правительства, проживающие на территории округа. Комитет по земельной реформе, комитет по геологии, комитет по экологии - все это структуры федеральной власти, учрежденные соответствующими министерствами на местах.

Но эти комитеты неформально, не явным образом, через дотации, жилье, местный патриотизм сотрудников, связаны с территориальными органами власти и в этом плане работают на территорию. Вообще прежняя система была сильна в производстве гермофродитов, объединяющих в одном лице папу и маму, производство затрат и их описание, загрязнение территории и контроль за загрязнением. Официально эта генетическая линия продолжается, но одно из устремлений территории - заставить каждого выполнять свои функции, сочетая при этом необходимые обязанности и права.

О чем же свидетельствует наш анализ ситуации, выполненный в рамках теории успеха?

Успех был достигнут. Бисмарк говорил: "Любая политика лучше политики бездействия". Можно посмотреть, куда нас привели эти действия, и с учетом опыта сделать следующий шаг, позволяющий хотя бы одной ногой вылезти из эпохи феодализма. Двадцать первый век на дворе, господа-товарищи.

Р.АРИФДЖАНОВ

"ПОБЕДА" НАД ЯМАЛОМ

История освоения Тюменского Севера описана многократно - восторженно, с пафосом комсомольской романтики, и критически, с пониманием ошибок и пагубности слабо подготовленного массового броска к Ледовитому океану. В первом случае - красочные буклеты и фолианты, во втором - журнальные и газетные статьи, работы ученых. Тем не менее, целые поколения людей были убеждены, что ударная стройка выковывает характеры, дает закалку, становится стартовой площадкой для успешной карьеры. Настоящие мужчины и боевые девчата уезжали на Дальний Восток, на целину, БАМ и ударные стройки Тюмени.

Крупные хозяйственники именно здесь зарабатывали геройские "звездочки" и вырывались отсюда в большие московские кабинеты. Эстетика такого успеха: многозубый парень с дурацкой улыбкой, бездумно глядевший с огромного плаката на здании тогдашнего Тюменского обкома комсомола. Этика: энтузиазм, поиск, мастерство и творчество молодых - на службу очередной пятилетки.

Толпы молодых людей, собиравшихся по разрядке ЦК ВЛКСМ по всей стране, наряжались в Москве в зеленые "стройотрядовские" костюмы полувоенного образца, им вручалось знамя, и ответработники ЦК с именем Ленина, Партии и Комсомола отправляли их в балки, бараки, вагончики на многие годы, а некоторых и навсегда.

Половина, если не большая часть, списочного состава таких ударных комсомольских отрядов в течение первых же месяцев бежала прочь от казавшейся красочной романтики покорения Севера. Им на смену страна гнала новые ослепленные пропагандистской мишурой толпы. Так, под фанфары и унылую неустроенность барачного быта, проходила молодость. Изнаночная сторона чьего-то карьерного успеха.

Нынешние времена, безусловно, трезвее. Пришло понимание того, что большой ошибкой было перемещение огромных масс людей на северные территории. Депутат Госдумы Борис Федоров еще в бытность свою министром финансов говорил мне, что не видит для страны задачи более важной и сложной, чем вернуть большинство заброшенных на Крайний Север людей на "материк". И в то же время остановить наше продвижение на Север - пусть другим путем, другими методами - невозможно. Теперь мы идем за ямальским газом.

Дата начала эксплуатации газовых месторождений полуострова Ямал переносилась уже несколько раз. С 1992 года до 1995 год, затем на 1997. Ввод в действие второго по величине в мире Бованенковского месторождения пока планируется в нынешнем веке. Газ из другой ямальской кладовой - Харасавэя - начнут добывать уже в будущем веке - в 2003 году.

В принципе, ямальский газ нужен уже сегодня. Но рванувшаяся на Север машина, расцвеченная кумачовыми лозунгами, жутко пахнущая соляжкой и мужским холостяцким бытом, забуксовала. На пути ее встали маленькие люди в плотной одежде, в обтягивающих голову капюшонах, похожие на суровых самураев-"ниндзя" из японского кино.

В краеведческом музее Салехарда есть старинные снежные очки "хад сырца" - в виде тяжелой полосы с двумя узкими прорезьями, сквозь которые смотрят ненцы на свою большую и богатую землю на самом краю суши.

Казалось, ничего на этой земле нет. Белая пустошь. Вроде всем на этой земле, равной, пожалуй, многим вместе взятым странам Европы - трем Франциям или нескольким Бельгиям, - должно хватить места. И еще казалось, что мы идем туда, как и четыре века назад ермаковские казаки, открывать эти земли и осваивать. Но они уже давно открыты и освоены, тысячи лет назад. Нам не увидеть вековые пути каслания оленей, не заметить памятников старины - погребений из почерневших нарт, культовых мест, невысоких одиноких камней. Мы, привыкшие к собору Василия Блаженного или растреллиевским дворцам, и не

считаем их памятниками. Нам не понять, что вот эта неживая и злая тундра - кому-то дом, родина. Такая же, как Арбат или Лиговка, Сростки или аул Цадаса.

Представьте себе: на Арбате нашли газ... Или так - пришли в ваш город сильные люди, похожие на "ниндзя". Неисчислимые олени стада заполнили его проулки, улицы, площади. Вам не видно глаз этих людей под темными "хад сырца". Им нужен корм для оленей. А он здесь, в вашем городе. И вас гонят и гонят - к болотам, к степям, куда угодно, но далеко-далеко от ваших домов. Уходите - нам нужен корм. Страшный сон. Стране нужен газ. И мы десятилетиями гнали рыбаков, охотников и оленеводов через огромные пространства на краю земли, к Ледовитому океану.

В нашей истории было все. Ермак воевал не только против Кучума - тот был пришлым ханом. Мушкетеры казаков стреляли в остяков и вогулов, а их меткие стрелы были бесцельны. Местные князьки и царьки, как мы уничижительно их называли, были не менее гордыми и сильными, чем вожди племен североамериканских индейцев. Но наши дети, игравшие в апачей и команчей, рассказывают обидные анекдоты про чукчей и хантов. Десять синих-белых стеклянных бусинок "одекуй" стоили шкурки соболя, даже двух. В семьдесят копеек серебром оценивалась на Обдорской ярмарке шкурка белого песца. А еще купцы везли бочки вина. Тяжелая дорога окупалась. Смелый и настороженный народ становился податливым. Не привыкший к спиртному человек (пьяный в тундре - смертник) очень быстро становился алкоголиком. Это все равно, что спаивать детей. Впрочем, об этих фактах мы кое-что знаем.

Леонид Чугунов, генеральный директор "Надымгазпрома", говорит: "Мы теперь по тундре словно в комнатных тапочках ходим". В тапочках медленнее, чем в забрызганных соляной сапогах. Нет уверенной поступи победителя. Под освоение и обустройство нефтяных и газовых месторождений Тюменской области было необходимо 260 тыс. гектаров земли. Мы вывели из хозяйственного оборота 6 миллионов. Площадь уничтоженных земель превысила установленную норму в 23 раза! Первые десятилетия освоения нефтяных и газовых богатств Тюменского Севера совпали с резким снижением продолжительности жизни аборигенов: у мужчин на 15 лет, с 59 до 44, у женщин на 13, с 67 до 54 лет. Жизнь коренного северянина оказалась почти на четверть века короче, чем у среднего жителя страны.

Так мы шли под красными знаменами победителей соцсоревнования. Так тихо уходил местный народ.

В своих автономных округах ненцы, ханты и манси – национальные меньшинства. Их лишь несколько процентов. И Ямало-Ненецкий округ шутя называют "татаро-донецким". Нефть и газ потребовали многих рабочих рук. Они нашлись прежде всего в Поволжье и на Украине. На месте поселений со старинными названиями - Уренгой, Надым, Лабытнанги - встали города и поселки, где уже почти не услышишь ненецкую или хантыйскую речь. В тундре появились вездеходы, буровые, компрессорные станции, магистральные газопроводы. В тундру пришли чужие люди. А с ними - беда.

Пришлые люди разрушали захоронения, пастбища, культовые места. Еще недавно с наступлением весны собирал оленевод зимний чум, снимал с себя теплую одежду, погружал все на нарты и оставлял в тундре - не возить же такой груз за собой. А тундра, что дом родной, где никто ничего не возьмет. Теперь нарты стали пропадать. Начинаются морозы, а оленевод и его семья без жилья, без теплой одежды. Смерть пришла к такому человеку. За что губили их? За то, что жили не по нашим законам, не понимали воровства?

В начале 90-х годов местные власти перестали соглашаться с отводом земель для нашей дороги на север. Юрий Кинцлер - руководитель дирекции по обустройству газовых месторождений Ямала вспоминает, как трудно было восстановить понимание у вставших на защиту земли северян. Газовики отменили передвижение техники в летнее время по раннему ягелю. Только на отсыпанных площадках. Шаг влево, шаг вправо - и громадные штрафы. Над нарушителями устраивали показательные суды. Год назад штрафовали на 50 тыс., сегодня на полмиллиона и выше. По договоренности с центром "Экология Арктики" все работающие в тундре проходят экологическое обучение. Без разрешения центра в тундру

не выпустят, за нарушения лишают лицензий. Алексей Ахромеев, директор центра, считает, что нанесенный Северу урон трудновосстановим, поэтому порядки должны быть как можно более строгими. Пришлым в тундре запретили иметь ружья - не на охоту приехал, работать, нельзя держать собак: отбиваясь от дома, они становятся дикими "чужаками" в хрупком бескрайнем мире.

Для ненцев стали строить дома, детсады и прочую "социалку". Деньги на это выделялись и раньше. Но они уходили в окружной и районный центры, оседали в городах. А северянин так и оставался без дома. Сегодня каждый новый шаг на Север согласуется с Хотько Езенги, президента ассоциации "Ямал - потомкам". Дома сдаются коренным жителям. Завозятся сборные коттеджи, и ненцы собирают их для себя, получая деньги за работу. При давно существующей в тундре безработице - это важно.

Безработица - бич тундровика - пришла в города. Многие оказались не у дел. На трассе, как здесь говорят, полно работы. Но постаревшие, а здесь и пятьдесят лет - возраст, северяне не очень рвутся на трассу. Получается, что людей на Севере больше, чем нужно, а рабочих рук не хватает.

Когда-то стратеги покорения Севера спорили о преимуществах того или иного метода: строить города или возить людей вахтовым методом. Жизнь рассудила в пользу вахтовиков. Но многие города и поселки уже построены, там - в балках, бараках, домах - живут люди. И больше нигде никакого жилья у них нет. Недавно бастовали в Надыме подрядчики ямальской дирекции - транспортники и строители.

Денег на освоение Ямала выделили в прошлом году достаточно. Но ямальская дирекция - часть объединения "Надымгазпром", главная задача которого - добывать газ. И когда наступает кризис неплатежей, в Надыме начинают ломать голову: как поделить то, что есть? Понятно, что нужно думать о будущем, а Ямал - это будущее, но ведь и добычу газа остановить нельзя. Кому выплатить задержанную зарплату раньше - газодобытчикам, которые, чуть что, перекроют задвижки, или строителям, от остановки которых ощутимые потери скажутся завтра? День сегодняшний всегда оказывается ближе. Полгода строители и транспортники ждали зарплату. Не дождались, объявили забастовку, чуть не переросшую в политическую.

"Так и будет, если не выделять финансирование ямальской стройки целевым назначением, - считает представитель РАО "Газпром" в Ямало-Ненецком округе, член Совета Федерации Сергей Корепанов. - В противном случае - снова угроза забастовки, невозможность успеть в этом веке дать газ.

Дел же до 1997 года (так по плану), как, впрочем, и до конца века, осталось немало. Четыре главных - достроить железную дорогу из Лабытнанги до Бованенково (из 520 км пока есть 230), обустроить само месторождение, проложить трубопроводы в пределах Тюменской области для магистрального газопровода Ямал-Запад (пока есть 46 км) и проложить мостной газопровод Лонг - Юган - Салехард.

Казалось бы, ясно - без продуманного финансирования, без четкого плана двигаться нельзя. Хотя вдруг иной путь забрезжил. Старый, испытанный. На "ура", на прорыв. Даешь в три года!

...Больше всего нам надо бояться аврала. Когда вновь, как и прежде, взрвут механизмы, ведомые пришедшими в себя "красными директорами". Когда, "поправив" реформы, прежние командиры начнут вытаскивать страну из кризиса единственным известным им методом - волей и натиском, штурмом, прорывом, лозунгом и атакой. Так мы, скорее всего, дадим газ. Так, может быть, на короткое время выйдем с победой на захваченную в кровавом бою высоту. Но это - страшно. Потому, что тогда - за краем века и краем земли - действительно пропасть.

В.М. РОЗИН

**РЕГИОНАЛЬНОЕ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ
ПРОГРАММИРОВАНИЕ**

(На материале Ханты-Мансийского автономного округа)

Сегодня не нужно объяснять значение региональной проблематики. Подобно тому, как в 20-е годы возлагали надежды на практику "жизнестроительства", в настоящее время определенные надежды связывают с идеей "регионального строительства". Эти идеи и соответствующая практика, интерес к которым обозначился, главным образом, с начала 80-х годов, являются сегодня одним из магистральных направлений развития нашей цивилизации. В то же время, несмотря на значение региональной проблематики и рост выпуска литературы по этим вопросам, остаются неясными основные подходы к региональному строительству.

Прежде всего, возникают два принципиальных вопроса: что такое *регион* и как надо понимать практику *регионального строительства*? При ответе на эти вопросы мы будем использовать опыт социокультурного программирования, накопленный коллективом научно-консультативного бюро - ТОО - "Архитектура и культурная политика", работающего в Ханты-Мансийском автономном округе над проблемами сохранения и развития культурного наследия региона.

Под регионом следует понимать не только единство территории, наличие экономических и культурных связей или административную целостность. Все это может быть, а регион, как таковой - отсутствовать. Например, известно, что на территории Ханты-Мансийского округа слабо развита система коммуникации (дороги, телефонизация, радиосвязь и т.д.) и экономическая инфраструктура. Пока трудно говорить об округе как едином социально-экономическом и культурном организме. Кроме того, границы округа в свое время устанавливались достаточно произвольно. Однако есть ряд факторов, способствующих интеграции округа. С одной стороны, это единство административного управления и территориальная целостность, сходные условия жизни и уже сложившиеся экономические связи, с другой - сознательные усилия администрации и окружных властей, которые стараются превратить округ в самостоятельный регион. Для этого разрабатываются и проводятся в жизнь различные региональные программы и проекты в области экономики, культуры, социальных отношений.

Регион - это не только "естественное" образование, но и образование "искусственное", то есть результат *сознательной* и *целенаправленной* деятельности по формированию региона. Регион можно определить и как *сложную систему сред* (географическая среда, этнос и др.), формируемую региональными системами управления. Поскольку и сами системы управления регионом, и соответствующие среды еще только складываются, постольку о регионе типа Ханты-мансийского (а таких сегодня в нашей стране большинство) можно говорить в двух разных смыслах: с одной стороны, как о *реально формирующемся* регионе, с другой - как о регионе *потенциальном*.

Исследования Ханты-мансийского региона позволили выделить следующие основные системы управления: экономические, культурные, этнополитические (национальная политика и народы, на которые она направлена), социально-политические, экологические, собственно региональные (к ним можно отнести само региональное строительство плюс свистемы и объекты, на которое оно направлено).

Что понимается под региональным строительством? Конечно, не жизнестроительство. "Мы прекрасно чувствуем, - писал в конце 20-х годов И. Верещагин, - что архитектур-

ные требования можно и нужно предъявлять не только к зданиям, но и к любой вещи, любому человеку и его лицу. В настоящее время строятся не только новые заводы, но и новая культура и новый человек" (Современная архитектура. № 4). Сегодня мало кто возьмется строить регион в прямом смысле этого слова, однако в проектом отношении идея строительства региональных структур - экономики, культуры, социальных отношений и т.д. - все еще популярна. В этом смысле идея "социокультурного программирования" прямо противоположна идее жизнестроительства. Регион, его структуры и среды не строятся, а "проращиваются" и формируются усилиями региональных субъектов. При этом используются определенные социальные технологии. В частности, необходимы: региональная проблематизация, региональные исследования, проектирование, программирование, разработка политики, организация нововведений и коммуникаций, создание инфраструктур и др. Соответственно, цель состоит не в том, чтобы одно разрушать, а другое строить, а чтобы используя все лучшее из созданного, причем внедрять нововведения, не разрушая органические связи.

Приведем пример. В 40-50-е годы в Ханты-Мансийском округе действовали небольшие, но неубыточные колхозы и совхозы. Неплохо развивалось животноводство и производство овощных культур, для собственных нужд выращивали даже хлеб. Но при Хрущеве началось укрупнение колхозов и совхозов и все пошло прахом. Хлеб перестали сеять, поголовье скота резко упало, коневодство исчезло совсем, практически все хозяйства стали убыточны. Мероприятия по укрупнению хозяйств противоречили логике их развития, разрушали естественные экономические и хозяйственные связи. Такие усилия можно назвать деструктивными и *не сообразными* природе явлений. Когда детей аборигенов стали обучать в интернатах, а их родителей стали переселять из юрт в поселки, эти действия были *"культурнонесообразными"*. Соответственно *"экологонесообразные"* действия осуществляют геологи и нефтяники, загрязняя реки и болота. Региональные программы и усилия по их реализации должны быть экономико-, эколого- и культуросообразными.

К какой цели устремлено социокультурное программирование? Эта цель задается *стратегией модернизации*. Важно различать два идеала модернизации: "жесткий" и "мягкий". "Жесткая" модернизация ориентирует преобразования на образцы, которые признаются *современными* (например, западные образцы экономики, демократии, правового общества). При этом не учитываются особенности того *целого*, которое модернизируется. В сценарии "мягкой" модернизации преобразования корректируются и видоизменяются, исходя из "природы явления" - его культуры, истории, тенденций развития, с одной стороны, и ряда этических требований с другой, например, поддержать определенные слои населения, новые сферы деятельности. Рассмотрим подробнее основные принципы социокультурного регионального программирования.

Первый принцип можно сформулировать так: нужно учитывать особенности современной ситуации и живые проблемы культуры. Одну из таких особенностей мы уже указали: это усиление значения регионального фактора в экономической и культурной жизни как в мире в целом, так и в нашей стране.

В качестве второй особенности можно указать на формирование различных субъектов, взаимоотношения между которыми только складываются. Например, в Ханты-Мансийском автономном округе действовали три основных, но неравноценных субъекта: центральная власть, ведомства по добыче топливно-энергетических ресурсов и региональная власть. В настоящее время значение центральной власти и ведомств несколько снизилось, зато возросли возможности региональной власти. Интенсивно формируются и новые субъекты социального действия: аборигены (ханты, манси, ненцы, татары), русскоязычное население, власти локальных территорий, частная и теневая экономика, общественные и культурные движения. Кроме того, целесообразно выделять группы, ориентированные на обновление и модернизацию, и группы с консервативной ориентацией.

Третья особенность - наличие переходной экономики и соответствующих социально-политических отношений. Вводятся рыночные отношения, приватизируется собственность,

меняются властные структуры и субъекты и отношения между ними. В то же время продолжают действовать, интенсивно мимикрируя и приспособляясь к новым формам, старые социалистические системы экономики и управления (распределительные механизмы, ведомства, субъекты власти и т.д.). В целом можно говорить о переходном процессе, законы которого остаются в основном непонятны. Вследствие этих процессов большинство предприятий стали убыточными, что можно наблюдать и в Ханты-Мансийском округе. Но они не разоряются. Появляются безработные, но их значительно меньше, чем планировалось. С рынком соседствует распределение, но распределяются привилегии, дотации, деньги.

Четвертая особенность - пробуждение национального самосознания и национальных движений. Например, современную ситуацию с аборигенами в Ханты-Мансийском автономном округе определяют два основных процесса: движение национальной интеллигенции за возрождение своего народа и возвращение хантам и манси их родовых угодий. Оба эти процесса отчасти всколыхнули и само аборигенное население, в котором просыпается самосознание и желание улучшить свою жизнь. В то же время эти процессы породили некоторую напряженность между аборигенами и русскоязычным населением, а также создали новые возможности для коррупции.

Второй принцип регионального социокультурного программирования можно определить так: необходимо переходить к индивидуальному программированию локальных территорий. При этом нужно разграничивать компетенции соответствующих территорий. Например, в области культуры в компетенцию региона входят вопросы определения региональной культурной политики, поддержка культурных инициатив, финансирование культурных проектов регионального значения, методическое обеспечение. Конкретные же проекты культурного развития локальных территорий и их реализация - прерогатива самих этих территориальных образований.

Третий принцип вытекает из функции региона как единого организма. Отдельные подсистемы и среды региона рассматриваются здесь двояко: как самостоятельные образования и как функциональные единицы. Например, культуру можно рассматривать, с одной стороны, как самоценную систему, с другой - как функциональный элемент региона, способствующий его развитию. В Ханты-Мансийском округе, в частности, были выделены следующие "развивающие" функции культуры: удовлетворение культурных потребностей основных слоев населения, предъявления разных культур (аборигенной, русскоязычной, индустриальной, сибирской и т.д.), поддержка культурных элит, возрождения культуры коренного населения, создание культурного регионального имиджа и другие.

Следующий принцип - оснащение социокультурного программирования в трех отношениях: опора на знания (исследования) региона, опора на опыт решения региональных проблем, опора на опыт проектирования сложных систем (прежде всего социальных). Опыт региональных исследований показывает, что в регионе должны изучаться не только особенности его систем и сред, но и тенденции их изменения, а также будущие, прогнозируемые состояния.

Например, и за рубежом, и в нашей стране накоплен большой опыт решения национальных проблем, который можно реализовать в том же Ханты-Мансийске. Имеется в виду создание культурных автономий, осторожный государственный патернализм в отношении аборигенов, создание атмосферы доверия и сотрудничества в регионе, помощь в подготовке национальных кадров и национальных школ, создание специальных адаптационных программ для маргинальных слоев национального населения, возмещение ущерба и несправедливости в отношении пострадавших народов и другие.

Социокультурное программирование не сводится к системному проектированию. Наличие многих региональных субъектов, преследующих собственные цели, недостаток знаний о природе региональных процессов, отсутствие эффективных, отлаженных технологий реализации региональных проектов - все это превращает социокультурное программирование в сложный итерационный процесс, включающий в себя сближение позиций разных

субъектов, постепенную интеграцию их усилий, анализ и осмысление промежуточных результатов, частичное изменение и уточнение целей и способов их достижения.

Чтобы реализовать все эти моменты, в социокультурном региональном программировании используются такие социальные технологии, как разработка региональных политик, организация региональных исследований (особенностей и проблем региона, тенденций изменения, будущих состояний, экспедиционное исследование), анализ и создание ресурсов, несколько видов проектирования (социальное, проектирование разных сред, инфраструктурного обеспечения), организация процесса реализации созданных проектов. Последний процесс включает создание инновационных групп, лоббирование, организацию поддержки со стороны населения и отдельных региональных субъектов и другие виды деятельности.

Может показаться, что все значительно проще. Главное - следовать опыту и здравому смыслу. Конечно, важен и опыт и здравый смысл. Однако сегодня этого явно недостаточно: нельзя в сложной ситуации действовать традиционными способами и простыми методами. Надо действовать сообразно природе явлений, действовать осторожно, постоянно думая о последствиях своих решений. И тогда мы можем рассчитывать на успех.

Биография побед и поражений

Этика достижения и этика поражения. Нравственное испытание для победителя и кодекс проигравшего. Нравственное измерение "пирровой победы". Достоинство труда Сизифа...

В этой рубрике, начатой в первом номере Вестника размышлениями Г.Э. Бурбулиса, мы продолжаем исследование этоса победы и поражения средствами моральной рефлексии. Свою жизнь и карьеру анализируют известные политики, предприниматели, деятели образования. По просьбе редакторов журналисты Оксана Петрунько и Дмитрий Орлов взяли интервью у Ирины Хакамады. Стенограмма ее размышлений продолжает рубрику этических автобиографий успеха.

И. ХАКАМАДА

«... ПОБЕЖДАЮТ НЕ ТЕ, КТО ЖДЕТ, КОГДА ИХ ПЕЧЬ ПОЕДЕТ...»

Если бы у меня были поражения, после которых я не смогла оправиться, вы бы со мной сегодня не беседовали. Не правда ли?

Вина демократов - их беда. Самое большое поражение, которое было в моей жизни - это то, что наша партия не смогла собрать 100 тысяч подписей и лишилась возможности претендовать на места в парламенте. Просто не успели, не хватило времени - значит, были не так уж готовы, как самим казалось. Впрочем, я считаю, что партия, имеющая такую либеральную программу, как наша, никогда не сможет быть сверхпопулярной.

Серьезным поражением, и своим лично, считаю результаты выборов 12 декабря. Правительство, которое проводит жесткие социальные реформы, не может побеждать просто так, рассчитывая на инерцию народа и популярность демократических лозунгов. Конечно, если бы реформы проводились с самого начала единой командой, последовательно, с вниманием к социальным проблемам, то стабилизация, которая произошла в конце прошлого года, наступила бы раньше и не позволила бы популистам сыграть на выборах столь удачно. Не допустить поражения "Выбора России" было можно, просто надо было просчитывать свою политику. "Мы демократы, мы проводим непопулярную политику и при этом хотим выборов" - что это, если не безграничная самоуверенность? Значит, надо было заранее менять механизмы власти и распределения ответственности: передавать власть на места, формировать бюджет так, чтобы хотя бы немного облегчить налоговое бремя предприятий, потому что многие из них преданы идеям демократии, вопреки интересам собственного кармана. Что мешало правительству направить какие-то средства в органы местного управления, чтобы улучшилось положение детских домов, многодетных матерей?

К выборам надо было готовить специальные экономические механизмы, которые позволили бы произвести нужный эффект в социальной базе. Проще говоря, чтобы у людей было ощущение, что они перетерпели шоковую терапию, а теперь вместе с государством начинают строить новые отношения, государство дает им новые права. Но была иная ситуация: мы пришли к выборам, а реальные доходы упали. Тогда уж надо опираться на высоко-профессиональную избирательную кампанию.

Формирование такого подвижного, неуправляемого парламента – это поражение демократов. Мы не должны и не могли этого позволить. В сегодняшней жизни последствия ошибок вызывают неконтролируемые последствия. Я работаю в комитете по экономической политике - это оставляет тяжелое впечатление. Хочется, чтобы мне удалось осуществить хоть половину своей программы. Вообще все очень сложно.

Большая победа в моей жизни тоже связана с прошедшими выборами. Я была избрана по округу, экологически неблагополучному: московский спальный район, где живет большое число бедных людей. Я смогла выиграть, никому ничего не пообещав. Все было против меня: и мой имидж, и моя фамилия, и моя предыдущая жизнь. Мои противники активно использовали это. Они говорили, что я наполовину японка, что готова вывезти всю Россию в Японию, что занималась предпринимательством, а значит, обкрадывала других, что я не за великий Советский Союз, а за гражданскую войну. Уже не говорю о том, что с привычным образом мужчины, который стучит по столу и грозит невидимым противникам, трудно бороться.

Мне помогло то, что я очень уважительно относилась к своим избирателям. Не давала обещаний и не стимулировала желания излить в принимаемых решениях свою озлобленность на государство. Бесполезно ждать, что скоро станет легче, что придет другой правитель добрее и лучше. Надо заставить государство отдать часть денег и функций.

Весь район загрязняет нефтеперерабатывающий комбинат. Поэтому один кандидат в депутаты говорил: "Завод надо убрать". Красиво. Быть популистом - вообще красиво. Но ведь ясно, что комбинат не уберут в ближайшие два года. Кроме того, огромное число людей в районе станет безработными. Значит, нужно искать другой путь: прибыль завода должна облагаться налогом только после того, как из нее вычтут необходимые расходы на новые очистные сооружения.

Мои конкуренты устраивали ярмарки с бесплатным пивом, дарили подарки школам. Мы же попытались открыть магазин для ветеранов и пункт помощи лежачим больным. Мне очень хотелось, чтобы хоть в одном районе Москвы можно было увидеть что произойдет, если направить туда часть налогов, дать предприятиям возможность получать льготное налогообложение, если они создают социальную инфраструктуру. Это основа моей программы в парламенте. Я считаю, что необходимо передавать деньги и ответственность на места, а не концентрировать и то и другое в столице.

Моя самая большая победа - это победа над собой. Я решилась рискнуть и ушла в 1989 году из государственного сектора. Все смотрели на меня с большим удивлением: не понимали, как можно уйти с должности заместителя заведующего кафедрой в совершенно другую жизнь.

Причем вся моя карьера не была подарком небес. Я поставила себе целью до 30 лет защитить диссертацию и стать доцентом. Было нелегко, несколько раз все почти проваливалось, но я "вытягивала" ситуацию. Зачем такие жесткие рамки? Но ведь нет у человека двух жизней, надо спешить, но спешить медленно. У меня тогда было двое детей, один приемный, я работала ночным сторожем, потом в Госплане, потом устроилась на преподавательскую работу. Пошла в МГУ с улицы. За день до защиты диссертации ее отменили. После защиты, которая все же состоялась, мне позвонили из ВАКа и сказали, что если я не сдам в течение недели еще один кандидатский экзамен, результаты будут аннулированы. 12 часов работы, сигареты, кофе, я потеряла 7 кг, но экзамен сдала.

К 30 годам стала доцентом, добилась цели. Поработала. И однажды села, посмотрела на свои дипломы, сложила их в стопочку, подумала и поняла, что 10 лет я погубила зря. Это и было поражением. Тогда было принято новое решение и - вперед.

По моему глубокому убеждению, побеждает вовсе не тот, кто ждет, когда его печь поедет, а наоборот, тот, кто, как в сказке про лягушек, попав в бидон с молоком, бьют лапками, чтобы молоко превратилось в масло, и они смогли выбраться. Сначала это желание появляется у небольшого числа людей, в которых генетически заложено стремление к независимости, а от них эта аура распространяется дальше. И среда в определенном смысле начинает «превращаться в масло» - поддерживает.

Всю мою кампанию вели люди в возрасте 27-28 лет. Часть из них делала это за деньги - нормально, им надо кормить свои семьи. Другие без вознаграждения - вот это и есть поддержка среды.

Все, кто занимаются на рынке предпринимательской деятельностью, начиная от художников и писателей и заканчивая предпринимателями, промышленниками, работают по 15-20 часов в сутки. Их жизнь не похожа на рекламные сюжеты. Но должен же существовать образ успеха. А когда я уходила в независимую экономику, образом успеха была независимость. Я не хотела, чтобы завкафедрой правил мне статью таким образом, что я ее потом читать не могла. Не хотела слушать указания парткома о том, какие мысли я должна вкладывать в головы своих студентов. Вообще я не принимала никаких собраний в том виде, в котором они проводились. Я не могла ходить на работу как, в тюрьму. Когда я ушла из государственного сектора, мне на некоторое время пришлось оставить профессию: мыть полы, заниматься кадрами, бухгалтерией. Потом я снова вернулась к своей профессии как эксперт РТСБ, но другой стала атмосфера, вокруг были единомышленники.

Я ушла из РТСБ... Вы спрашиваете "зачем"? Просто механизм стабилизировался. Было уже ясно, что надо делать, какие и где проводятся операции. Но нельзя создать рай в определенной организации, если вокруг бардак. Все может закончиться гибелью цивилизованного предпринимательства в стране. Это логично - начать заниматься политикой, если не принадлежишь к типу людей из предместья, которые чуть лучше начали жить и теперь сидят перед иконами и трясутся от страха.

Когда я проигрываю, то решаю сразу забыть об этом, не заниматься саморазрушением. Потом надо начать все сначала. А, анализируя поражение, взять 80% вины на себя. Это главный способ выйти из поражения - винить себя, чтобы победить в следующий раз.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТАФИЗИКА УСПЕХА

Л.А. Аннинский

Междумье.

(Заметки на полях Вестника "Этика успеха" N 1).....2

Г.Э.Бурбулис

Культура целеполагания

в российской стратегии модернизации.....6

Г.Л.Тульчинский

Модусы бытия и свобод10

СФЕРЫ ДЕЛА: ЭТИКА И ЭТОС УСПЕХА

В.И. Бакштановский,

Ю.В. Согомонов, В.А. Чурилов

Этика политического успеха.....11

П.Н. Шихирев

Мы обречены на честное предпринимательство.....17

НОМО LUDENS: ПРАВИЛА ЧЕСТНОЙ ИГРЫ

Б.Г. Капустин

Этика политики в загнивающем обществе.....21

МОДЕЛИ УСПЕХА:

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПОСТСОЦИАЛИЗМ

Р.Хубер

Деньги. Статус. Слава.25

А.С. Панарин

Евразийская модель политического успеха31

М.Ф.Черныш

Успех в структуре социальной

идентичности россиян.....36

И.М. Клямкин

Парадоксы массового либерального

сознания в современной России.....43

О.Р. Лацис

Победителей судят.

Проигравших - тем более50

ДУХ КОРПОРАЦИИ

А.Ю. Согомонов

**Текст корпорации:
успешность приспособления.....55**

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ УСПЕХ

Ю.В. Козлов

**"Успехи цивилизации"
и "могущество бесов" –
формула "русской мечты"59**

С. Керр

**Судьбы "Американской мечты"
в американской школе.....65**

ЭТОС ФЕДЕРАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ

Г.С. Батыгин

Трансфер лояльности интеллектуалов.....71

А. Кинсбургский

**100 ведущих политиков
России в 1993 году
(к вопросу о механизме
политического успеха).....77**

Е.Ш. Гонтмахер

Могут ли завлабы стать министрами?81

НОВАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Ю.В.Казаков

**Опуститься на землю –
подняться до "земли"?84**

Р.С. Гольдберг

Нефть и давление.....91

В. Л. Каганский

Тюмень в несоветском пространстве97

СЕВЕР. ВОЛЯ. НАДЕЖДА

В.И. Шпильман

**Экономическая и структурная
политика с позиции теории успеха.....101**

Р. Арифджанов

"Победа" над Ямалом.....106

В.М. Розин
**Региональное социокультурное
программирование
(на материалах Ханты-Мансийского округа)109**

БИОГРАФИЯ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

И. Хакамада
**«...Побеждают не те,
кто ждет, когда их печь поедет».....113**

Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов, ЛПР.
Выпуск 2. – Тюмень: Центр прикладной этики, 1994 год. – 185с.

Научно-организационная работа – М.В.Богданова

Научные редакторы – Н.И.Романенко, К.А.Щадилова

Оригинал-макет изготовлен компьютерным центром
Редакции газеты «Тюменский курьер». Тюмень, 625036,
ул. Первомайская, 20, блок «Б». Тел. 24-78-13.

Дизайн – С. Логинов, Л.Покручина.
Технический руководитель проекта Р.Гольдберг.

Формат издания: 60x84 /16
Гарнитура TextBook. Печать офсетная. Объем усл. п.л. – 12
Подписано в печать 31.08.1994 г. Тираж 999 экз. Заказ № 47
Цена договорная.

**Отпечатано в ИПШ «Тюмень»
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81**